

Истории из жизни

Истории
из жизни

Серия «СЕРЕБРО СЛОВ»

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ

Сборник стихов и рассказов

Коломна
Серебро Слов
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Игорь Евгеньевич Витюк

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев

Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Василий Владимирович Зиновьев

Составитель сборника,
г. Великие Луки

И90 **Истории из жизни.** *Сборник произведений / [Авт.;
Сост.: В.В. Зиновьев]. — Коломна: Серебро Слов, 2020. —
207, [1] с.*

ISBN 978-5-907316-06-5

© Авторы, 2020

© Зиновьев В.В., составление, 2020

© Минаева А.А., обложка, 2020

© Серебро Слов, 2020

Каждый из нас проживает уникальную и неповторимую жизнь. С одной стороны жизнь – это миг, с другой – долгий промежуток времени. К сожалению, невозможно повторить мгновения жизни и они остаются россыпью воспоминаний.

Многие люди, встречающиеся на нашем жизненном пути, зачастую вносят в жизнь глобальные и судьбоносные изменения. У каждого из нас есть такие встречи, есть такие незабываемые люди. Об этом в произведениях сборника «Истории из жизни».

Приятного прочтения.

**С любовью и благодарностью
составитель сборника
Зиновьев Василий Владимирович**

Марина Красавина

г. Коломна, Московская область

ФЕТРОВЫЙ БЕРЕТ С ВЕСЁЛЫМ ХВОСТИКОМ

*Воспоминания — это не пожелтевшие письма,
не старость, не засохшие цветы и реликвии,
а живой, трепещущий, полный поэзии мир.*

К. Паустовский

— Как же его звали, того подростка из моего детства? Многие стёрлось из памяти за эти годы, заслонилось более важными фактами и новыми знаниями, и, может быть, нет нужды сегодня вспоминать имя веснушчатого мальчишки в клетчатой рубашке, носившего в любую погоду фетровый берет с забавным хвостиком. Знаешь, странно всё же: имя забылось, а этот наивный хвостик запомнился, — словно продолжая давний разговор (не пойму только: с собой или со мной), задаёт вопрос Галка — моя школьная подруга.

С чего это вдруг? Нет, мы, конечно же, периодически вспоминаем детство и раннюю юность: какие-то обрывки фраз, встречи-случаи, старые кинофильмы, но чтобы вот так, без перехода — это впервые.

— Стареем, — улыбаясь, грустно-иронично говорю я и добавляю: или одиноки. И только теперь замечаю, что Галина смотрит на старый, в потёртом плюшевом переплёте семейный альбом. Он лежит на диванной подушке, будто отдыхая от тяжёлой ноши. Память, действительно, груз. Но такой важный...

Словно стесняясь этих нахлынувших внезапно воспоминаний, Галка тихо произносит: «Искала одно — нашла другое... Лица вроде бы наши, но какие далёкие», — видимо, не особо прислушиваясь к моим словам, отвечая течению своих мыслей, и потому медленно продолжает, словно читая по книге памяти историю из чьей-то жизни:

— Впрочем, все называли его Рыжим. Жёсткие, рыжие, с медным отливом кудрявые волосы не могла привести в порядок даже железная расчёска. Они выбивались из-под

берета, обрамляли лицо, ползли на глаза, всегда смотревшие с прищуром, так что невозможно было определить, смеётся мальчишка или размышляет над очередной светской шалостью. Он был заводилой во всех делах, будь то прополка капусты в совхозе или предрассветная рыбалка, мог незаметно подложить ветку крапивы ябеднику или привязать пару кед, наполненных водой, над входной дверью, точно зная, когда пройдёт неприятный ему человек. Уличить пацана было невозможно: его глаза смотрели всегда невинно хитро, и лишь в глубине плясали искорки-бесята, если задуманное удавалось осуществить. Вот такой защитник «униженных и оскорблённых», этакий Робин Гуд местного масштаба. А ещё он так виртуозно гонял на велосипеде по улицам нашего микрорайона, что никто не мог повторить эти эквилибристические выражи... Так как же его звали? — Это уже точно обращено ко мне в надежде, что я помню его имя. Увы!

Дело в том, что он был и в моём ласковом и солнечном детстве, учился в соседней школе. А познакомились мы в загородном пионерском лагере. Тогда ещё не было широкой магистрали, соединявшей окраину города с деревней, где заводчане построили для отдыха своих детей приземистые корпуса-бараки, светлое здание столовой, соорудили танцплощадку, разбили цветники. Административный корпус расположился в старом крепком здании бывшей дворянской усадьбы. В отличие от спальных корпусов, где лишь к концу лета выветривался запах масляной краски, воздух в здании был смолистый, терпко-сладковатый. Как нравилось нам приникать к небольшим окнам с широкими подоконниками, на которых можно было уютно устроиться, обхватив колени руками, и помечтать...

Старые липы укрывали деревянный дом, и оттого он становился таинственным, словно выплыл из глубины девятнадцатого века. Точь-в-точь из старого фильма «Метель»...

Пионерский лагерь нашего детства! «Эх, хорошо в стране Советской жить...» Под эту песню начиналась зарядка,

отрывавшая нас от тёплых подушек и сладких снов. Радостно подпрыгивал на голове Рыжего хвостик берета... И солнце сопровождало нас, словно ставило перед собой задачу покрыть бледные лица, руки и ноги золотистым загаром.

Наши вожатые! Заводские парни в пионерских галстуках. Мы были тайно по-детски влюблены в них, поверяли сердечные тайны, жадно ловили каждое слово и взгляд... А они платили нам выдумками, доброй строгостью и беседами по душам. Наверное, возвращались вместе с нами в детство. Только тогда, в их детстве, была война, и радости они видели мало... И когда в клуб привозили очередной фильм, неизвестно, кому больше хотелось поскорее оказаться первооткрывателем: нам или нашим вожатым.

Был в лагере клуб. Он стоял на высоком берегу отдельно от корпусов. Деревянный широкоплечий клуб вмещал в своё нутро все отряды. Большой экран тускло светился в полумраке своим единственным глазом. Но приходил кинемеханик Витя – и глаз оживал, становился разноцветным. Казалось, он весело подмигивал всем нам. Откуда-то, из неизвестной нам глубины, «из застенков», рвался тонкий луч, а мы торопливо просовывали в пространство между ним и экраном растопыренные пятерни, показывая «театр теней». На острие этого луча прятались удивительные приключения и тайны. А хвостик фетрового берета казался на экране волшебной палочкой...

И я уже слушаю и не слушаю Галку, увлечённая течением её мыслей, плывя по серебристым волнам памяти, раскручивая киноленту времени...

Моя школьная подруга, будто споткнувшись о камешек на пути, вдруг замолкает, а мне неловко обрывать паузу. Мы обе помним те светлые, свежие, долгие-долгие вечера в пионерском лагере над Окой, когда в ивовых зарослях уже постепенно стихали занятые семейными заботами соловьи. Наверное, мелодия горна пугала их. После вечерней линейки мы умоляли вожатых разрешить «пять минут» посидеть у корпуса. Смотрели на звёзды – и молчали. И наши

нецелованные губы трогала наивно-восторженная улыбка свежести и очарования...

Нет с нами сегодня Валюшки, и уже никогда не придёт она к тлеющему костерку полудетских воспоминаний. Ах, как она умела слушать, вся сжавшись в комочек, точно мышка, незаметная и неприхотливая. Она любила кино до самозабвения, собирала деньги на очередной фильм, экономя копейки на школьных завтраках. А потом обязательно в деталях пересказывала увиденное, веря в происходящее на экране так, будто это был кусочек её собственной жизни. А может, так и было? Она проникалась происходящим, переживая и негодуя. Её так легко было обидеть!.. Глаза за стёклами очков наполнялись слезами, она что-то бормотала о смерти, об одиночестве — мы не хотели понимать тех слов. Мы мечтали... мечтали о времени, когда станем совсем большими и обязательно будем счастливы. А Рыжий всегда был рядом, говорил ломающимся баском и шутил.

— Знаешь, не могу вспомнить ни одной, но осталось впечатление странной игры.

Мы сидим с Галкой в её «однушке» по случаю очередного дня рождения. За шторами — взаимопроникновение зимы в весну или наоборот, да это и не важно: включён электрокамин, звучит, переливаясь, вода в мини-фонтанчике — чем не возвращение к берегу детства?

Я действительно не помню его имени. Наши тонкие лёгкие дорожки шли в разных направлениях, сходясь на мгновения пионерского лета. Мне нравились его песни «с хрипотцой» под гитару на скамейке в заводском саду (все знали, кому он подражал), веселил хвостик беретки. А ещё Рыжий не только исправно сообщал нам обо всех фильмах, которые шли в заводском клубе, но и заранее покупал билеты: в кассе работала тётушка.

«Клубишко» — так ласково называли здание заводского клуба, построенного в 30-е годы минувшего века. Светлое невысокое приземистое здание в стиле конструктивизма. Клуб носил имя В.И. Ленина. Кинозал с деревянными

креслами, обтянутыми тёмно-коричневым дерматином, шершавый холодок которого лукаво проникал даже сквозь пальто. Зато кресла сочно откидывались, издавая при этом упругий стук.

Просторное фойе с буфетом. Какой вкусной была там газировка, стоившая 3 копейки! Её наливали из высокого стеклянного конуса-сифона полная женщина в белой шапочке с кружевами и таком же нарядном переднике. Пузырьки воздуха били в нос, обжигали горло, неохотно замирая где-то в животе. Пили мы не спеша, наслаждаясь каждым глотком, растягивая удовольствие. Восхитительный острый запах лимона, кислотовато-сладкий вкус, утоляющий жажду.

Мы выбирали место у входа в фойе, возле массивной четырёхгранной колонны, и, рассматривая со своего «наблюдательного пункта» публику, пробегали глазами по лицам: нет ли знакомых? — обсуждали школьные успехи и неудачи, книги, которые читали. На стенах висели репродукции картин известных художников, большие цветные фотографии сцен из спектаклей самодеятельного театра при клубе и фото популярных актёров. Коллекционировать их фото-портреты тогда было модно.

Собирательницы приносили альбом в школу, и на переменках можно было услышать увлекательные рассказы о жизни актёров. Сколько разнообразных эмоций вызывал журнал «Советский экран»: девчонки внимательно рассматривали стильные наряды, косметику, причёски, втайне завидуя яркой жизни артистов. И мечтали стать актрисами. Никто не стал, даже самые красивые девочки из нашего класса к окончанию школы выбрали более прозаические профессии... И Рыжий, поначалу мечтавший о киносъёмках, благополучно стал сварщиком.

— И всё-таки, почему Рыжий? — чуть грубовато прерываю этот экскурс.

Галина, видимо, ещё в другом измерении под названием «прошлое», поэтому несколько мгновений молчит, смотрит на меня и, спохватившись, повторяет:

— Да, Рыжий... В тот осенний день мы собрались в клуб на фильм. Ты с нами отчего-то не пошла...

Огромные афиши на загроунтованной фанере, написанные плакатным пером то торопящимся вверх, то строгим и торжественным, то легкомысленно скачущим шрифтом, еженедельно меняли свои названия. Нередко названия сопровождалась ядовито-скромной припиской: «Дети до 16 лет не допускаются». Обидная для нас, подростков, надпись, проводившая некую демаркационную линию между взрослой жизнью и нашей. Конечно, мы были несведущи во многих вопросах этой самой таинственной жизни: родители ревниво оберегали наш слух и взгляд, уделяя внимание нашим юным душам и здоровью. Всерьёз обсуждали с нами политические события, обязательно добавляя при этом: «Только бы не было войны...» А нам так хотелось стать поскорее взрослыми! «Взрослой ещё будешь, — утешала мама, — а вот маленькой — никогда. И время не торопи»... Но тот кинофильм стоило обязательно посмотреть. «Вертикаль» — с нашим кумиром Владимиром Высоцким!

Рыжий нас уже ждал. Выстаивать длинную очередь ему не пришлось: тётушка оставила билеты. И мы даже не взглянули на афишу, бойко подпрыгивая от радости. Ещё бы! Вот это удача! Я уже предвкушала, с каким упоением поведаю завтра одноклассникам об увиденном...

Открыли массивную входную дверь. У входа в фойе, как обычно, стояла директор клуба Галина Михайловна. Она, бесспорно, знала всех жителей микрорайона, а уж детей — едва ли не по именам. Смерила нас испытующим взглядом. И когда Рыжий протянул билетёрше синие заветные билеты, громко и строго произнесла, оглядывая нас: «Дети, сегодня фильм не для вас». Валюшка пыталась объяснить, что ей уже полгода назад исполнилось 16 лет. Но её хрупкая тщедушная фигурка с двумя косичками не произвела на Галину Михайловну должного впечатления. Ни уговоры, ни искренние слёзы не разжалобили директора. Она легко

развернула нас, как оловянных солдатиков. Да ещё и отцу позвонила. На работу. Вечер был испорчен.

Здорово подшутил над нами Рыжий: ему-то уже исполнилось 16, а нам ещё надо было ждать этого счастливого мгновения почти целый год.

Понурые и зарёванные отправились мы домой... Квадратики тротуарных плиток, между которыми всё ещё, несмотря на осень, упрямо пробивались былинки, напоминали маленькие экранчики. В унисон с нашим настроением шёл дождь, и название «Вертикаль» отражалось в лужах, подсвеченных лучом фонаря...

Галина отчего-то оглядывается и чуть слышно произносит: «Знаешь, он так был похож на Высоцкого...»

Надо же, прошло столько лет.

И я не выдерживаю, бросаясь с головой в омут собственных воспоминаний:

— Помнишь фильм «Человек-амфибия»?

Могла бы и не спрашивать. Разные бывают фильмы. Одни забываются за год, другие — живут десятилетиями. «Человек-амфибия» из таких. К тому времени не было среди нас никого, кто не прочитал роман А. Белыева, и мы скрупулёзно сопоставляли детали, восхищаясь и книгой, и кинофильмом. Его привозили в лагерь каждую смену. С замиранием сердца следили мы за развитием хорошо знакомого сюжета, заново переживая происходящее на экране. Пейзажи подводного мира дарили восхищение и ощущение сказочности. Зал каждый раз вздрагивал и ахал, когда Ихтиандр появлялся из бочки, наполненной ржавой водой. А Рыжий крепко держал мою холодную от волнения руку в своей, словно успокаивая своим теплом...

Я носила шейный платок «1а Ихтиандр», белые брюки. Мы изо всех сил кричали на танцплощадке: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...» И баянист Виктор Васильевич играл нам эту мелодию, как сказали бы сегодня, супермодного шлягера.

В день своего рождения, проснувшись до подъёма, увидела на тумбочке фигурку из пластилина. Ихтиандр в скафандре, с коротким ножом, готовый разрезать любую сеть в стремлении обрести свободу. Он словно плыл мне навстречу по кружевным волнам салфетки. Пластилин, покрытый клеем, серебрился и блестел в лучах утреннего июньского солнца, как чешуя... Подарок Рыжего.

Много лет фигурка стояла дома на книжном шкафу, а во время ремонта упала, сплющилась, превратившись в жалкий комок серо-зелёной массы, смотреть на которую было больно. Случилось это в год окончания школы.

Благодаря фильму в то лето я познакомилась с творчеством поэтессы Юлии Друниной. Это она была автором слов песни «Рыбак» (музыка Андрея Петрова):

Лучше лежать во мгле,
В синей прохладной мгле,
Чем мучиться на суровой,
Жестокой проклятой земле...
Будет шуметь вода,
Будут лететь года,
И в белых туманах скроются
Чёрные города...

И года, действительно, летели... Давно нет здания клуба, на крышу которого во время грозы лет 40 назад рухнула огромная липа, видевшая столько лиц и скрывавшая сотни тайн в своих ветвях... Казалось бы, синие туманы давным-давно укрыли годы нашей ранней юности. Но по-прежнему проступают воспоминания.

Встречаясь с Галкой, никогда не заговаривали всерьёз о Рыжем. И вот сегодня, в её день рождения... Конечно, можно бы, удовлетворяя женское любопытство, напрямую спросить, почему именно в этот день её мысли занимает полузабытая история из детства. Но когда люди давно знают друг друга, между ними не принято задавать лишние

вопросы — лучше постараться вникнуть в суть мыслей собеседника и найти тот единственно верный «хвостик», который... поможет понять причину. Всё объяснит. Вероятно, совсем не зря сегодняшней вечер мы посвятили нашим общим воспоминаниям, и с фотографии по-прежнему смотрит на нас невысокий крепкий паренёк в заливхватски сидящем на непокорных кудрях фетровом берете с весёлым хвостиком...

После наших полудетских свиданий-расставаний мы потеряли друг друга из вида, не делая попытки встретиться. Конечно, кое-какие факты взрослой биографии Рыжего достигали и моего слуха: армия, работа на Севере, неудачные попытки создать семью, кинопробы, увлечение живописью, автоспортом... Роман, да и только. Но однажды...

Я летела домой из Петербурга. Рейс задержали, и в Москве уже была ночь. Меня встречала дочь, я торопилась получить багаж и... споткнулась буквально на ровном месте. Окружающим мой кувырок вперёд показался бы по меньшей мере странным. Однако было мне тогда не до мыслей о том, что скажут люди.

Неожиданно меня подхватили чьи-то сильные руки. Было неловко, стыдно отчего-то. Подняла глаза... Рыжий! Нет, уже седой. Вместо берета с весёлым хвостиком — фирменная бейсболка, лихо развёрнутая козырьком назад. Всё та же ироничная улыбка. Он продолжал держать меня в объятиях. Неужели ждал этого мгновения? Люди торопились к выходу, обтекая нас мощными потоками, а мы не могли опуститься на землю, томясь невысказанными словами и желаниями. Несколько фраз — и вся минувшая жизнь как на ладони. Он встречал внука с соревнований...

Телефон? Его — остался в машине, а мой в очередной раз отказывался протянуть руку дружбы. Надо же, каких-нибудь пять минут назад разговаривала с дочерью... В воспоминания же с первого раза одиннадцатизначных чисел в цыганском таборе аэропорта не верю давным-давно. Значит, судьба. И наши дороги, уже не такие стремительные, как

в ранней юности, вновь разошлись. Вырвавшись, помчалась я навстречу холодной, бесснежной ноябрьской ночи, спиной чувствуя сквозь толпу взгляд мальчишки из своего детства...

Мальчишки, чьё имя не могу вспомнить.

ЧЕРТЁЖ НА ГОЛУБОЙ БУМАГЕ

Родители пришли поздно. Оба работали на заводе, правда, в разных отделах: мама — металлург, весьма уважаемый за профессионализм и требовательность; отец — конструктор, как поговаривали, «неудачник». Несмотря на безупречно аккуратные чертежи, на работе не «горел», увлекался искусством, разбирался в политике, много и жадно читал. Для получения более высокой зарплаты и карьерного роста не хватало того самого профессионализма и ещё чего-то, скажем... уверенности. Да и не умел отец выбивать-выпрашивать. По-детски наивный, не утратил этого качества до последних дней недолгой жизни. Был он племянником директора завода — видного управленца, прошедшего проверку Ставкой Верховного главнокомандующего, откуда легко было сорваться в разверстную пасть лагерного барака... Судьба, однако, была благосклонна к еврейскому мальчику, упрямому и упорному, сумевшему рано понять главный жизненный принцип: побеждает тот, кто смел и уверен в себе. Он тянулся к знаниям, как цветок навстречу солнечным лучам.

Отец же, с детства получивший в достатке материальных и моральных благ, вероятно, считал, что они будут всегда поступать к нему по чьему-то распоряжению свыше. А когда этого не происходило, обижался... и, не зная иного решения, да и не пытаясь что-либо изменить, уходил от проблем в близкий ему мир собственных интересов, не забывая, однако, приобщать к нему и жену, и подрастающих дочерей.

Мама выросла в семье бедной, предки в поисках лучшей доли переселились из Польши в крупный промышленный украинский город, где свободной земли было немного, зато

нужны были рабочие руки, поэтому к труду приучали с младенчества, всеми силами стараясь выбиться в люди прежде всего через знания. И когда старшие сёстры раскладывали на большом обеденном столе белые листы ватмана, открывали баночку с тушью и начинали священнодействовать над чертежами, Любаша с завистью следила, как появляются то длинные линии, похожие на дорогу, то колёсики, как на телеге у дома, то зубья пилы. Как хотелось девочке поскорее самой делать такие же «картинки»! Шершавая поверхность чистого листа вызывала не робость, а жажду покорить эту снежную равнину...

Дядюшка, вытацивший племянника из разрушенного Киева, где на Крещатике, в их чудом уцелевшей большой квартире, поселился военком, помог с устройством на завод в маленьком подмосковном городе и поселил в директорском коттедже. Человек принципиальный и щепетильный, ценивший семейные узы, Семён любил свою капризную сестру, привыкшую к обеспеченной жизни, и порой удивлялся, как смогла она выжить в эвакуации, как не погибла в годы войны... Вероятно, обладала магическим даром «привязывать» к себе людей, подчиняя своему взгляду и желанию. «Голубая кровь» – говорила она о себе высокомерно. И правда, сквозь густую сеть тонких прожилок просвечивала синева, а бледная светлая кожа не ведала загара. Невысокого роста, сухонькая, с впалой грудью, в юности слыла Борислава красавицей. От длинной и тяжёлой косы, дважды охватывавшей голову, к старости остались жалкие седенькие волосики, сохранившие удивительную мягкость и блеск. И какое-то благоуханное свечение.

Отец боялся её глубокого взгляда, её слёз, истерик, которые она устраивала по любому поводу: не так сказал, не позвал к столу, не спросил совета... Видимо, это была ревность. Бабуля тиранила и маму, безропотно выполнявшую любую просьбу. Мать, ведущий инженер, годами ходила в синем сарафане, лоснившемся на животе и груди, в побледневшей от частых стирок блузке, тогда как бабушке старалась ку-

пить что-то к празднику наравне с дочками, выкраивая средства из скромного семейного бюджета. Даже подруга Фаина, рыжеволосая модная толстушка, будто бы вскользь бросала, не обращая внимания ни на девочек, ни на случайно зашедшую соседку: «Люба, посмотри на себя! Неужели ты не можешь купить себе новую кофточку?» Конечно, маме были неприятны эти слова, но она привыкла сдерживать эмоции, поэтому тихо отвечала всегда одно и то же: «Не могу»...

У бабушки была своя комната, светлая, с тремя окнами, похожая на эркер. Сходство с летней верандой (такая была на даче, которую ради укрепления здоровья детей и чтобы немного отдохнуть от ежевечерних «концертов», как называла их мама, и побыть вдвоём, родители много лет снимали у отцовского сослуживца), навевало мысли о празднике. Родители и девочки спали в другой комнате, чуть большей. Сколько помнилось, по стенам стояли кровати, в проёме у окна — книжный шкаф со стеклянными дверцами, так туго набитый томами, что казался раздувшимся. И ещё платяной — с фотографией Любаши в вязаной кофточке. Через много лет, когда старшая из дочерей после окончания института получила направление в сельскую школу, этот «многоуважаемый шкаф» вместе с фотографией перекочевал в пустую сырую комнату барака, где поселили дипломированного специалиста...

За деревянной спиной книжного шкафа прятался кульман — это слово запомнилось с самого детства. Укрытый копировальной бумагой (ни в коем случае не газетой!), он извлекался из «застенков» по особым случаям. Конечно, это была работа. Вообще-то ко всему, что касалось черчения, отец относился если не с трепетом, то очень серьёзно. Момент черчения был сродни ритуалу. Готовился к работе тщательно: ластик, если попадался твёрдый, вымачивал в керосине, а потом долго оттирал салфеткой; нервничал, если у листа ватмана был загнут или помят краешек. О карандашах особо. Грифель должен был напоминать остриё — и как это они не ломались во время работы? — только

краешек становился тупым. Рубашка грифеля ровно обстругана со всех сторон. Иногда отец приносил работу домой, часто студенты со всей округи обращались, зная об аккуратности дяди Саши...

Бабушка ложилась спать рано, поэтому завершать игру или приготовление уроков девочкам приходилось на кухне, где вечерами нередко мама штопала носки или шила. А папа читал вслух. Лампа под прозрачным стеклянным абажуром была яркой. Как умиротворённо и тепло становилось вокруг! И пусть голос отца непроизвольно звучал тише, чтобы бабушка спокойно отдыхала, всё равно на отцовских коленях можно было покачаться, посматривая, как ровно и тесно ложатся полоски штопки и появляется плетёная «корзиночка» на пятке чулочка. С годами девчонки освоили азы кройки и шитья, но штопку любили больше всего. И кулинарные хитрости схватывали на лету. Но всегда непроизвольно втягивали голову в плечи, едва слышали разговор на повышенных тонах.

Как-то вечером за семейным ужином — как вкусны и душисты были те вечера! — отец таинственно, делая многозначительные паузы между словами, будто пробуя на вкус каждый звук, произнёс:

— Наверное, меня... пошлют... за границу.

Сделал поистине театральную паузу, упиваясь произведённым впечатлением, и, чутко уловив в лице бабушки вспышку страдания, поспешил завершить тираду уже не столь патетически:

— Мой почерк чертёжника признали каллиграфическим...

Словно речь шла об ученических прописях. Пока мама собиралась с мыслями, проникая в суть сказанного, бабушка негромко, но трагически-авторитетно-пронзительно изрела:

— А ты представляешь себе, кто здесь будет заботиться о нас — членах твоей многочисленной семьи (вот уж действительно многочисленная — 4 женщины!)? О какой рабо-

те ТА-а-а-аМ (последний звук почти шёпотом) говоришь ты, сын пропавшего без вести (почти безутешное всхлипывание)?

Назревал скандал...

Про девчонок, казалось, забыли. Они же, услышав незнакомо-непонятное слово «заграница», застыли с вилочками в руках, так и не донеся до рта аппетитные куриные кусочки.

Мама пришла в себя уже через мгновение, поэтому, не повышая голоса, не реагируя на слова свекрови, что-то шепнула отцу. Он машинально снял очки в тёмной оправе, протёр стёкла безукоризненно чистым сложенным платком, пытаясь, видимо, справиться с волнением и вновь взять ситуацию под контроль. Тщетно. Тонкие пальцы с розовыми ногтями дрожали, пауза затягивалась... Самое лучшее было переключить внимание на что-нибудь иное.

— Сегодня курица необыкновенно аппетитна, — произнёс он (да когда же успел это понять, если и к еде-то не приотронулся? Не заглянул даже в тарелку)...

В воздухе висела напряжённая тишина, грозя обрушиться... Ох уж эти скандалы! На шум и крик сбегались соседи по лестничной клетке. Сначала стыдили родителей за неуважительное отношение к пожилому человеку, но, раскусив изошрённое притворство-самодурство, постепенно всё поняли и уже усовещивали бабушку. Она же, откинувшись на высокую спинку деревянного стула, закрывала глаза, охая и стеная, при этом не забывая периодически незаметно поглядывать из-под полуприкрытых длинных ресниц. Слова соседей благополучно растворялись под высоким потолком. На пару дней в доме наступала тишина, нарушаемая звонкими детскими голосами, а потом следовал очередной «концерт».

За скандал, получивший название «верёвочка»: кажется, бабушка угрожала повеситься, — отца даже на партбюро вызывали по причине нечуткого отношения к собственной матери. Хорошо ещё, что ограничились простой беседой, а могли и выговор объявить. Или премии лишить, что при

мизерной зарплате инженера в 95 рублей было весьма ощутимо.

Родители стыдились семейного сора, перебивания косточек: в былое время люди опасались много болтать на работе — не в пример нынешнему, когда предметом суесловия становится едва ли не каждая деталь семейной жизни. И кажется, что в домах прозрачны стены и потолки, а подслушивающие устройства столь же привычны, как зажигалка.

Отец же просто любил их двоих: жену и мать. Кого из них больше? Вряд ли этот вопрос правомерен. Он дорожил этими женщинами и разрывался между ними. Не мог обидеть резким словом. Может, оттого и ушёл из жизни так рано (в неполных 54 года), что прятал в сердце боль и обиду, а они прорывались страшной головной болью... Ушёл всего через 5 лет после смерти своей матери. Позвала. Перетянула...

Наверное, поэтому любил оставаться в отделе после окончания рабочего дня. Уборщица мыла полы, тихонько напевая под нос, сквозь огромные окна лился уставший за день свет, и лучи заходящего солнца наносили на голубоватые стёкла неведомый чертёж. Отец неторопливо раскрывал блокнот и погружался в зыбкие глубины творчества. Строки наплывали и ложились уверенно, как чёткие линии: почерк был крупный, размашистый, аккуратный. Учительский. Изредка резкая черта перегораживала, словно шлагбаум, путь неточному слову...

Завод, известный на всю страну, получил выгодный заказ, качественное выполнение которого означало премии. Это называлось «аккордная работа», и мама приносила на проверку домой, как школьные тетради, «нормали» — конечно, те, что можно было выносить с завода. Или допоздна оставалась в отделе. А ещё были партийные собрания, заседания актива — всё после работы. Во время одного из них обсуждали «порочащее советского человека поведение писателя Солженицына», и каждый должен был высказаться, одоббив мнение старших товарищей, хотя вряд ли кто-либо прочитал даже несколько строк из произведений писателя. Лишь отец,

достававший книги каким-то неведомым способом, мог сказать, но решение уже было сформулировано, и никакой собственной точки зрения высказывать не полагалось.

Любили родители многочисленные заседания или нет — об этом в доме не говорили, — но отец пользовался уважением коллег за феноменальную память, знание фактов, умение убеждать. Вот только для себя всего этого оказывалось мало. А мама как-то вскользь произнесла чуть слышно: «прозаседавшиеся». Но партийные взносы платили честно, всем отделом покупали лотерейные билеты и облигации. И много работали...

В школьном саду соловьи отмечали то ли встречу друзей, то ли очередное сватовство. Дома было спокойно, сестра терпеливо играла на пианино гаммы... Бабушка читала роман Т. Драйзера «Сестра Керри».

...Отцу поручили выполнить чертёж на голубой авиационной кальке. Память сохранила небесную голубизну этого материала, его шелковистую прочность. Кальку можно было стирать, удаляя линии влажной тряпкой с мылом. А когда материал становился тонким и волокна легко вылезали, как перья из подушки, кальку списывали, и родители приносили куски домой. Учебники, обёрнутые матово-голубой калькой, были предметом зависти одноклассников...

За границу тогда посылали редко, и это было признанием заслуг на высоком уровне... Отец чертил и напевал свою любимую песню: «Первым делом, первым делом самолёты...».

Карандаш будто летал по листу ватмана.

Чертёж был почти готов — настоящее произведение искусства. Перед уходом домой полагалось снять кальку с кульмана и сдать дежурному. Голова раскалывалась: таблетка тройчатки не помогла, и отец торопился домой, да и вахтёр отлучился. Открытый чертёж на фоне потемневших окон чуть поблёскивал...

А утром... чертежа не стало. Кто и когда совершил похищение документа — выяснить не удалось. Спустя много лет можно предположить, что уборщица протирала кульман

и не заметила, как удалила чертёж, выполненный с такой любовью. Но кальки тоже не было! Или то было сделано кем-то из коллег из зависти. Сняли утром, хотя отец всегда приходил на работу очень рано.

Память сохранила серое, очень худое лицо отца, для которого выговор был равносильен казни. Он писал какие-то бумаги, домой возвращался поздно, терзался — но ни разу не сорвал свои неудачи на близких: помогал дочерям оформлять альбомы, читал им книги, вот только петь перестал. В его рукописных тетрадах со стихами в тот год появилось всего несколько строк... А дачу тогда снять не смогли, и впервые девочки поехали в пионерский лагерь...

Выговор сняли через год. Вероятно, родство с высоким чиновником (дядя тогда служил в одном из министерств) всё же сыграло свою положительную роль. И жизнь шла своим чередом, лишь осенние чёрные ветви деревьев на кальке бледного неба, вероятно, казались отцу похожими на причудливые линии чертежей...

А тот чертёж на синей авиационной кальке канул в Лету, словно и не было его никогда.

Давно ушёл отец... Только скромная доска из мраморной крошки да фотография. Глубокий взгляд сквозь толщу керамики и годы пронзает мне душу. И такая невысказанная мольба, упрёк и затаённая боль. Странно, но временами она кажется полуулыбкой. Так краешком губ улыбается его правнучка. Господи, не посылай ей подобной судьбы...

Робко провожу пальцами по застывшему навеки отцовскому взору, будто пытаюсь заставить ресницы моргнуть (была у нас в детстве такая игра), задерживаю дыхание в надежде передать хотя бы атом своего живого тепла. И каждый раз вижу мелкие прожилки на холодном мраморе — расползающиеся, дрожащие линии выцветшего чертежа минувшей жизни.

Конец 2013 — сентябрь 2017 года

Светлана Маланко

г. Мурманск

МОЯ СЕСТРЁНКА ПРИВЕЛА МЕНЯ К БОГУ

Разными путями приходит человек к Богу. Кто-то приходит к нему, казалось бы, совсем неожиданно для самого себя, для иных путь к Богу начинается на какой-то волне радости, в предчувствии чего-то нового и неизведанного для своей души. Но часто, сколь часто для человека путь к Богу начинается после перенесённых им скорбей.

...Великий Новгород, новгородская земля. Дорогая, столь любимая мной родина. Много лет связывала нашу семью глубокая духовная связь с инокиней Клавдией (Мироновой) из новгородского Варлаамо-Хутынского Преображенского монастыря. Почти каждое лето мы надолго приезжали в дорогу нашему сердцу обитель, несли послушание, молились у мощей великого новгородского святого — преподобного Варлаама Хутынского.

Инокиня Клавдия много лет служила в маленькой дивной часовенке на святой Хутынской горке, с великой любовью принимала паломников или целые паломнические группы.

Матушка была удивительным человеком. Казалось, нет никаких на земле преград для её любящей души, она озаряла светом и любовью всякого входящего в часовенку святого Варлаама, с первых же мгновений общения становясь близким человеком для каждого. Окормлявшаяся в своё время у духоносных старцев, о которых сейчас написаны книги, сняты множество фильмов, матушка воистину несла людям свет Православия.

«Хранительница Хутынской горки» — с любовью называли мы дорогую нашу матушку.

Матушка очень сильно болела. С ранней молодости она страдала головными болями, а позже, уже в монастыре, и бронхиальной астмой, а с годами болезнь усугубилась настолько, что не помогало уже, казалось, ничто в этом мире.

Мы часто созванивались с матушкой, и, слыша её дорогой, но столь уже задыхающийся голос, я порой просто впадала в отчаяние — что же дальше?..

...Третий день нового, 2015 года. Я в гостях у своей крестницы, в её большой, почти старинной квартире; мы пьём чай, и вдруг чувство сильнейшей, неизъяснимой тоски захлестывает меня, какой, казалось, я не испытывала во всей своей жизни.

Выйдя на улицу, каким-то сверхъестественным инстинктом понимаю, что невыразимо хочу позвонить лишь одному человеку на земле — моей дорогой, любимой, такой родной до самой глубины души — матушке Клавдии.

Дрожащими руками набираю номер, жду с замирающим сердцем и слышу... тихий голос её сестры: «Матушки больше с нами нет. Сегодня, вот только что, её похоронили. Её отпевал сам митрополит Новгородский и Старорусский Лев... Светочка, приезжайте на девятый день, я приму вас».

...Нет и никогда не найдёшь слов, чтобы описать боль утраты. Отстояв праздничную Рождественскую службу, вечером того же дня уезжаю в поезде на Великий Новгород.

Целых полтора дня пути, и всё это время под стук колёс в висках, словно метроном, отзывается лишь одно слово — боль, боль, боль...

И вот я в просторной, уютной квартире на Предтеченской улице, почти возле самого Новгородского кремля. Впервые в жизни вижу сестру дорогой, любимой, уже оплаканной мною матушки. Ольга Викторовна — милая, интеллигентная женщина, приятный, такой тихий сейчас голос. Умные, даже мудрые глаза. С первых минут испытываю к ней тёплое чувство, ощущение, что знаю её всю свою жизнь... Уже поздняя ночь, пьём чай и чувствуем, что пока ещё не в силах разойтись. Ольга Викторовна достаёт старый фотоальбом, и я впервые вижу детские, юношеские старые снимки дорогой нашей матушки Клавдии. Вот она — совсем ещё маленькая девочка, с куклой в руках, пухленькое милое

детское лицо — а взгляд устремлён уже куда-то вдаль... Вот она — студентка Ленинградского Герценовского института. А здесь — с семьёй знаменитого новгородского старца, протоиерея Анатолия Малинина.

— А вот это, — показывает мне снимок Ольга Викторовна, — её последняя мирская фотография перед уходом в монастырь... — На снимке — удивительно милая девушка, внимательные глаза смотрят с такой теплотой и любовью, что щемит сердце. Тёплая, чистая улыбка. Смотрю на столь дорогое лицо и не в силах до конца принять столь великую утрату.

Ольга Викторовна переворачивает страницы фотоальбома, в глазах — слёзы: «Сестричка младшая моя... Такая молодая и так болела... И вот нет её. А я, старшая и здоровая, — жива...»

Она тихо плачет, и я плачу рядом с ней. Раньше в наших бедах нас всегда утешала матушка, а кто утешит сейчас?..

Утром такой мороз, что перехватывает дыхание. Едем в монастырь. Сегодня девятый день со дня смерти матушки. Впервые вхожу в милую обитель, зная, что за её воротами нет уже столь дорогого человека. Сугубая панихида по ней в храме, печальные лица. Печален и с такой любовью служит игумен Макарий, слёзы душат меня, я не в силах их унять. Потом — лития у свежей могилки, цветы, цветы... Столько народа, все сёстры монастыря.

Ольга Викторовна молча, долго стоит у могилы сестры. Потом тихо говорит: «Сколько мне говорила сестричка: Оля, иди в храм! Надо исповедоваться, надо причащаться... Нет же, я не слышала её...» — Она снова тихо плачет.

Удивительно, мы, ни разу не встречавшиеся при жизни матушки, крепко сдружились после её смерти. Общая любовь к дорогому человеку очень сблизила нас в эти дни, помогла пережить особенно тяжёлое, скорбное время. Ольга Викторовна стала воцерковляться, постоянно начала ходить на дивные службы в ближайший Софийский собор в Новгородском кремле. «Моей сестрёнке нужно было умереть,

чтобы я пришла в храм», — печально констатирует Ольга Викторовна.

Потом совершились и первые паломничества — Москва, Санкт-Петербург, Псковщина, Вырица... Но хотелось бы рассказать ещё вот о чём. Матушка Клавдия при жизни очень почитала святителя Спиридона Тримифунтского.

«Фотиньюшка, прочти его житие — оно удивительно», — говорила она мне, ещё такой несведущей. И посылала меня приложиться к его дивной вышитой иконе в боковой придел Преображенского храма. Насколько же сейчас, спустя годы, я благодарна матушке, что она озарила меня любовью к этому удивительному святому подвижнику!..

Свою любовь к этому великому святому матушка, конечно, старалась привить и своей сестре.

— Сестрёнка взяла с меня слово, что когда-нибудь я съезжу поклониться мощам святителя Спиридона, — рассказывала Ольга Викторовна уже после смерти матушки. Загорелась мыслью поехать в Грецию сразу же, в первый год после ухода сестры. Поначалу долго не было денег не только на такую поездку, но и хватало их только на весьма скромную жизнь и недалёкие паломничества. Ольга Викторовна, экономист по образованию, уже будучи на пенсии, работала в агентстве по недвижимости. И вдруг — такая сделка!..

— Я поняла, что моя поездка скоро совершится. Нас собралось несколько человек, все горячо любили матушку при жизни, все с любовью чтим её память.

Но — удивительно!.. Сколько месяцев бесплодных ожиданий и вдруг не просто поездка, а на День Ангела матушки, который в этом году к тому же совпал с великим Праздником Святой Троицы! Воистину, дивны дела твои, Господи!..

Ольга Викторовна вернулась из Греции преображённой.

— Было много чудес, — рассказывала она. — Такое ощущение, что сестрёнка моя незримо молилась за нас оттуда. Поездка была дивной, и мы были просто обласканы у мощей святителя Спиридона, и не единожды!..

Два года минуло со дня смерти нашей дорогой матушки, инокини Клавдии из новгородского Хутынского монастыря. Как и в прежние годы, были отслужены панихиды по матушке, потом — поминальная трапеза, на которой собрались все насельницы обители, все любящие и помнящие её... Приехали помянуть матушку из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов, все те, кто с любовью и благодарностью помнит этого удивительного человека.

Сколько же, сколько было пережито в связи с её уходом из жизни... Но Господь утешил нас, связав воедино двух близких ей людей. И Господь привёл в свой храм Божий сестру, горячо любимую сестру нашей матушки.

Денис Минаев

г. Коломна Московская область

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Шумный-шумный вокзал. Беспорядочная суета. Сотни людей вокруг, но я всё равно один. Никому нет дела до меня, ровно как и мне до них. Только гордые фонари на перроне смотрят на всю эту кутерьму свысока и своим ослепляющим светом затмевают чистое звёздное небо.

Громкий, металлический неприятный женский голос объявляет посадку на мой поезд. Вот и закончилась двухмесячная научная командировка в Уфу, и теперь я возвращаюсь домой, в Рязань.

Не думая уже ни о чём, направляюсь к нужному вагону. Ещё немного суеты – и я удобно располагаюсь на нижней полке купе. Всё. Осталось несколько томительных минут ожидания, и поезд помчит, приближая мою встречу с женой и сынишкой. Достая газеты, купленные в дорогу, и начинаю перелистывать одну с последней страницы, как привык.

Уже знакомый металлический голос объявляет отправление. Моё внимание привлекает оживлённый перрон и торопливые люди, от которых потихоньку удаляюсь. В купе я один, что, несомненно, радует.

Только успел подумать об этом, как дверь распахнулась и вошла красивая девушка. Чёрное закрытое платье изящно облегалo стройную фигуру. Почти полное отсутствие макияжа и чёрная повязка на голове придавали загадочность этой симпатичной блондинке.

– Здравствуйте, – приятным голосом сказала незнакомка и на некоторое время задержала взгляд на моей персоне, будто вспоминая, где она могла меня видеть.

– Здравствуйте, – ответил я. – А мы с вами нигде не встречались?

И, не дожидаясь ответа, спросил:

— Извините, вас, случайно, не Света зовут?

В её карих глазах промелькнул огонёк интереса, и миловидное лицо озарила очаровательная улыбка:

— Кажется, мы с вами в одной школе учились...

— Более того, в одном классе, — уточнил я. — Ташкент, школа № 101...

— Здравствуй, здравствуй, Саша. Сколько лет, сколько зим.

Я встал, и мы по-дружески поцеловались. Затем, присев рядом, продолжил разговор:

— Как живёшь, Светик? Прекрасно выглядишь.

— Да ладно, брось...

— Нет, нет, действительно. Выглядишь потрясающе. Чёрный цвет тебе очень к лицу.

— Это точно. Жизнь моя не слишком светлая, поэтому чёрный цвет — как родной.

— Почему так печально говоришь? Что-то случилось? — без притворства поинтересовался я.

— Траур у меня, — сказала Света, и огонёк в её глазах потух. А лицо, кажется, немного посерело. — Еду в Ульяновск, к мужу на могилу. Вернее, к бывшему мужу, — и она тяжело вздохнула. На щеке бриллиантовой капелькой заблестела слеза.

— Извини, не знал, — поспешил я реабилитироваться. — Мои соболезнования.

Света тихо плакала...

Надо было срочно менять тему.

— Ты давно в России живёшь? — спросил я.

— Уже пятнадцать лет. Окончила Авиационный институт. Ещё там, в Узбекистане. Парень вернулся из армии, мы поженились и почти сразу переехали в Уфу вместе с моими родителями. Позже в Россию и его родители перебрались. Кстати... Ты, Саша, знаешь моего бывшего... Слава, Слава Киселёв...

— Конечно, знаю...

Так всегда, память оставляет именно такой образ человека, каким его видишь в последний раз. Я тут же вспомнил нашу последнюю встречу с ним. И образ Славки, нашего ташкентского одноклассника, запечатлелся в памяти далеко не в весёлом виде.

Встретил я его в Ульяновске, где гостил у родственников, три года назад. Слава сидел возле церкви в инвалидной коляске и просил милостыню. Я пытался с ним заговорить, но он долгое время делал вид, что не знает меня. Я был настойчив, но он не поддавался. Потом, в конце концов, решительно поднял голову, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Ну, если мы с тобой знакомы, то выручай старого друга...

— Чем я могу тебе помочь, Слава?

— Дай сотню...

Я был в смятении. В душе творилось что-то непонятное. Достав из бумажника сотенную купюру, я протянул её школьному товарищу. Он резко вырвал деньги, будто боялся, что я передумаю, и быстрыми движениями рук заставил свою инвалидную коляску торопливо удалиться.

Ещё несколько минут я стоял на том же месте и не мог сообразить, что же произошло. Больше мы с ним не виделись.

Со временем я немного успокоил себя тем, что это и не Славка вовсе. Да Бог ему судья...

Конечно же, я не стал посвящать Свету в свои воспоминания об этой встрече. Ненадолго замолчал. Потом спохватился:

— Подожди, Светик. Получается, Славка умер? Где, говоришь? В Ульяновске?

— Да... Покончил с собой... Совсем недавно... Неделю назад... Я в командировке за границей была. На похороны попасть не получилось. Даже проститься по-людски не удалось...

И Света опять горько заплакала. Я налил ей стакан минеральной воды и попытался успокоить.

Много вопросов рождалось в голове, но я не решался их задать. Несвоевременно как-то.

Света успокоилась. Появилась проводница. Принесла постельное бельё. Предложила чаю, от которого мы поспешили отказаться. Я достал из сумки несколько бутербродов с колбасой, пяток варёных яиц, сала и термос с чаем и уселся за столик напротив собеседницы.

— А что-нибудь покрепче у тебя есть? — спросила она.

— Найдём, — на выдохе ответил я и водрузил на стол бутылку стерлитамакской водки.

Первую рюмку выпили молча, каждый думал своё.

За окном уже стемнело. Время перевалило далеко за полночь, но спать не хотелось. Равномерный стук колёс почему-то не действовал усыпляюще, как это обычно бывало.

— Хорошо нам со Славиком жилось сначала, — нарушила тишину Света. — Хоть и трудно, но всё же хорошо. Тяжело было устроиться на новом месте — ни друзей, ни знакомых. Купили домик на окраине Уфы и стали жить вместе с моими родителями. Слава устроился на работу автослесарем — он же училище окончил. Уставал сильно. Но, знаешь, Саша, он всегда старался со мной быть весёлым — живчиком таким. Можно сказать, на руках носил. И в парк, и в кино по выходным, да и просто так вечерами по городу гуляли...

А какой он был счастливый, когда у нас Димка родился! Что ты!.. Горды-ы-ый... Как будто у него одного в мире жена сына родила. Как он за ним ухаживал, буквально трясся над Димой и надо мной. Помогал во всём. Иной раз приходит с работы, чуть с ног не валится, а хотя бы одна пелёнка несвежая будет — тут же в баню и за стирку... Внимательный.

Когда сын подросток, муж стал уговаривать меня родить ещё одного ребёнка. Но я попыталась его отговорить, мол, подумай, мы живём вместе с родителями. И так в доме не развернуться. У Димы даже своей комнатки нет, а ты ещё одного хочешь...

Вот тут, наверное, всё и началось... — Света замолчала. Мы выпили ещё по чуть-чуть.

— Ты не подумай, что Слава меня упрекал или винил в чём-то. Нет. Он просто начал искать способ заработать на отдельное жильё, будь оно неладно. Что он только не предпринимал, как только не вертелся. Зарабатывал неплохо, но, как назло, дома и квартиры дорожали с каждым днём.

В общем, в один злосчастный день приходит Слава домой и говорит, что написал заявление в военкомат и собирается ехать в Чечню. А это 1995 год. Помнишь, что тогда там творилось?

Я всеми способами умоляла его отказаться от этой затеи. Уже и согласилась родить ещё ребёнка. А он ни в какую — я должен обеспечить семью, и всё тут. Упрямый ужасно... В общем, через месяц он уехал на войну!..

Мы выпили со Светой по третьей. Закусили. Немного помолчали.

— Он писал почти каждую неделю, — вздохнула Света. — Скучал сильно. Письма были тёплые, добрые.

Через полгода приехал. Жив-здоров, за исключением небольшого шрама на руке, и чёлка на голове совсем седая...

Тут я невзначай вернулся к воспоминаниям о человеке в инвалидной коляске. Сомнений не оставалось. Это был Слава. Суровый, наскоро побритый мужчина с прядью седых волос на лбу. Но почему он отказался меня узнавать — это оставалось вопросом...

— Он изменился сильно, — продолжала Светлана. — Стал молчаливым, с потускневшими глазами. Мог подолгу сидеть где-нибудь один. Даже втихомолку плакал. Но при мне и сыне старался быть прежним Славой.

Что самое обидное — когда мы получили в Сбербанке его деньги, оказалось, что на жильё нам не хватает. Инфляция сожрала весь его мучительный труд. Да чёрт с ними, с день-

гами, я была счастлива, что он вернулся. Что он теперь рядом. Но моя радость быстро улетучилась — через два месяца он опять уехал в Чечню.

Во второй раз я получила от него два письма, а потом... — и Света замолчала. На глаза её навернулись слёзы. Не дожидаясь меня, она выпила ещё одну рюмку и тяжело вздохнула:

— А потом около четырёх месяцев была тишина — долгая, мучительная, душераздирающая тишина. Я не знала, что делать, куда деваться. Не могла есть, не могла спать нормально, пока... Пока в один из серых дней не пришло письмо от начальника военного госпиталя в Ростове-на-Дону, где говорилось, что мой Слава... — и голос Светланы задрожал. — ...Мой Слава тяжело ранен в позвоночник, и вся его нижняя часть тела отказала. Пуля снайпера сделала его инвалидом. И теперь Славка не хочет возвращаться домой. Говорит, чтобы не быть обузой...

Что страшно, Саша, потом, когда я уже приехала его забирать, узнала, что снайпера, который моего Славу... В общем, снайпер — девка была, представляешь. Сучка. Сама, тварь, из Омска. В своих же русских парней стреляла... Поймали её потом. Ну и... в общем... сам понимаешь, что с ней сделали...

Затем около полутора лет мы со Славой провели в госпиталях, пытались его на ноги поставить. Все заработанные деньги на лечение ушли — да всё впустую. Ничего не помогло.

Славка сильно изменился. Никто ему стал не нужен. Даже с Димкой, со своим сыном, он был холоден. А про меня уж и говорить не стоит. Почти не обращал внимания. Только придирался по всяким пустякам. Начал сильно пить. В пьяном угаре всю ночь скандалил, бил посуду, кричал, как бешеный. И пил, пил, пил... Бывало, утром швырнёт в меня чистые, постиранные носки и требует новые.

Частенько упрекал в том, что я ему ещё одного ребёнка не родила, а вот сейчас, мол, он даже и на это не способен...

Так продолжалось больше года...

Не скрою, я начала его ненавидеть. За что он нас обижал? Меня и сына, за что?..

Ко мне стал захаживать в гости коллега. Нет, не подумай, Саша, у нас ничего не было. Хотя иногда так хотелось бросить всё и упасть в объятия нового поклонника.

Славка это почувствовал. Начал обвинять меня в измене и требовать развода. Я отказывалась, сопротивлялась... Но под настойчивые уговоры моих родителей и по требованию Славы мы с ним всё-таки развелись. И он уехал к своим родителям в Ульяновск.

Мой коллега, Алексей, стал просить меня выйти за него замуж. Но я не соглашалась. А Слава на письма не отвечал.

Вот так я и жила до сих пор. Алексей приходит постоянно, а от Славы ничего...

А вчера я получила телеграмму о том, что Слава покончил жизнь самоубийством. Вот так...

Наступила длительная тишина. Света молча смотрела в окно. Уже светало. Мимо проносились деревья, чьи-то дома, поля, но Светлана их не видела, она была где-то далеко в своих мыслях.

Усталость бессонной ночи и алкоголь сделали своё дело, и Света тихонько задремала. Лишь изредка во сне она стонала.

Я смотрел на эту чудесную, но очень несчастную женщину и думал: «Боже мой... Светка, Светка... Светка Ромашова... Кто же знал, что у этой, в прошлом вечно жизнерадостной, весёлой и улыбчивой девчонки с длинными волнистыми русыми волосами и с глубокими, как Чёрное море, глазами, будет такая нелёгкая жизнь.

И что Славка, отъявленный заводила и хулиган, одновременно пишущий стихи, романтик, так быстро покинет этот бренный мир!..»

Разбудил я Свету на подъезде к Ульяновску. И вышел вместе с ней. Ничего страшного, если я задержусь день-другой здесь. Навещу своего старого приятеля.

Родители Славы меня тоже вспомнили. Рассказали, что всё это время после развода он проводил у вокзала или у церкви, выпрашивая милостыню. Возвращался домой пьяный, но не дебоширил. Утром просил у матери прощения, однако всё повторялось...

Что удивило — он не оставил никакой предсмертной записки...

Свежая могила на кладбище отличалась от других только большим количеством цветов и красивым крестом.

День прошёл незаметно и как-то пасмурно...

Назавтра мы разъехались...

Радостные минуты встречи с женой и сыном ненадолго отвлекли меня от раздумий об одноклассниках. А вечером следующего дня, разбирая свою почту, накопившуюся за время отсутствия, я наткнулся на письмо, пришедшее три дня назад из... Ульяновска. Я замер и в течение нескольких минут не мог даже открыть конверт.

Подозрения оправдались — это писал Слава, причём перед самой смертью. Как он узнал мой адрес?!..

Он просил прощения за нашу встречу возле церкви, объясняя своё поведение тем, что боялся в минуты слабости рассказать историю любви к Свете. В письме же он всё подробно изложил. Оказалось, Слава специально устраивал скандалы и беспробудно пил, чтобы жена возненавидела его и бросила. Не хотел он губить её жизнь. Надеялся, что после развода она выйдет замуж за хорошего человека и будет по-настоящему счастлива.

Он писал, как сжималось сердце, когда думал о ней, о сыне. Как плакал, получая от Светы письма. Но не отвечал, надеясь, что она со временем смирится и забудет его.

Шло время, но его любимая не соглашалась стать женой другого. И тогда Славка решил совсем уйти... Уйти из жизни, чтоб не мешать.

Последней просьбой одноклассника ко мне было — ничего не рассказывать Светлане об этом письме.

Я не знал, как поступить. И решил сделать, как он просил. Ничего не говорить!..

* * *

Прошло несколько лет. Меня снова пригласили в Уфу читать лекции в институте.

На одном из занятий я начал знакомиться с новой группой. И бросилась мне в глаза одна фамилия в журнале: Киселёв, Дмитрий Киселёв.

После лекций я попросил Диму остаться для беседы.

Во время разговора стало ясно, что это сын моих школьных друзей. Что мама его, Светлана, вышла замуж за Алексея и родила девочку. Что об отце своём Дима знает и от матери слышал в его адрес всё только доброе...

Ответ на мой вопрос: «Что делать с письмом Славы?» — пришёл сам по себе. Я не отдал письмо Свете, как и обещал. Но передо мной сидел Дмитрий Вячеславович Киселёв. Взрослый человек!..

03—04.06.2003

р. п. Пителино и г. Сасово Рязанской обл.

ЮРКА + ЛЕНА

Юрка был необычным мальчишкой. Его внешность произвольно вызывала милую улыбку у посторонних людей. Два маленьких глазика голубовато-зелёного цвета, казалось, горели возле вздёрнутого, вечно потеющего, носика на конопатом личике. Огненно-рыжая шевелюра слегка прикрывала торчащие, как локаторы, уши.

— Какой милый мальчик... — ахнула воспитатель детского сада, когда увидела Юрку, стоящего вместе с мамой в раздевалке. — Здравствуй, малыш.

— Здравсьте, — процедил недовольно мальчишка.

Несмотря на то, что Юрке было уже шесть лет, в детский сад он пришёл впервые. Он всегда был под присмотром бабушки. А вот сейчас её положили в больницу, и мальчик остался как бы не при деле. Если, конечно, можно так выразиться. Дел у Юрки было невпроворот. Ещё бы... Уже начался курортный сезон, и их город Сочи наполнился интересными отдыхающими. Разные-разные люди ходили вокруг.

Юрка, шустрый от природы, уже давно собрал команду таких же мальчишек, с которыми организовал торговый бизнес. То у соседки тёти Нюры тайком нарвут яблок, то наловят креветок или рыбы, а то и у бабки Шуры умыкнут из погреба трёхлитровую банку самогона и ходят потом по пляжу, предлагая свой товар загорающим. А вечером все заработанные деньги превращались в мороженое и лимонад, которые поедались дружной компанией.

В общем, дел было много. А тут вдруг, не спросив у него, Юрку повели в детский сад.

— Мам, за что? За что ты меня тащишь в эту клетку? — плакал он по дороге.

— В какую клетку? — удивлялась мама.

— Хоть мы и дети, но мы — тоже человеки. Почему меня, как тигра, надо держать за этой решёткой? — и Юрка показал на высокий железный забор вокруг детского сада.

Но взрослые не поняли свободолюбивой натуры ребёнка, и мальчик был передан воспитательнице вместе со сменным бельём, носовым платком и игрушечной машинкой.

— Дети, знакомьтесь, у нас новый мальчик. Зовут его Юрочка. Подружитесь с ним. Не обижайте друг друга, — сказала воспитательница, и Юрка прошёл в комнату, наполненную пёстро разодетыми девочками и мальчиками.

Общий язык со всеми он нашёл быстро: с кем-то поздоровался, кому-то улыбнулся, у кого-то выменял на машинку самолёт, кому-то наступил на ногу, а у кого-то даже купил за рубль целую кучу солдатиков. В общем, общественная жизнь началась.

И во всей этой кутерьме Юрка как-то не сразу заметил... ЕЁ. Самая красивая девочка сидела в сторонке в компании подружек и играла с куклами. Подойти к ней Юра не решился, а только узнал у других, что зовут её Лена.

Он весь день как бы невзначай поглядывал на девочку, пытаясь поймать её взгляд, но, увы, она его не замечала...

Вечером, когда родители пришли за детьми, в раздевалке он вновь встретился с Леной. Она послушно сидела, пока мама надевала ей босоножки.

По счастливому стечению обстоятельств им оказалось по пути. Мама Юрки любезно общалась с мамой Лены, а дети шли, держась за руки, по разные стороны от родителей. Ребята молча отмеряли шаги к дому.

— Мам, а ты купишь мне велосипед? — спросила вдруг Лена.

— Леночка, обязательно купим велосипед. Только давай подождём, когда папа получит денежки. Хорошо? — ответила мама.

— Ладно, — сказала девочка и хвастливо посмотрела на Юрку.

— Хм, — усмехнулся он и демонстративно отвернулся от воображалы.

«Подумаешь — велосипед... Папа купит... — размышлял Юрка. — Да я, если захочу, сам куплю всё что вздумается, без помощи папы и мамы...»

И тут Юрку осенило. Он догадался, как сможет завоевать сердце этой девочки. Точно, он сам купит двухколёсное чудо и подарит ей. И тогда Лена будет дружить с ним всегда. Ах, Лена...

Юрка с нетерпением ждал приближения субботы, когда его наконец не поведут в детский сад и он сможет купить велосипед...

Вот и суббота. Но она не принесла большой радости: Юрка встал рано, разбил свою копилку и с кучей мелочи поспешил в магазин. Но тётка, называемая продавщицей, огорчила его тем, что сбережений на покупку маловато.

Юрка вернулся домой огорчённым. Но унывать даже и не собирался.

Всю субботу и воскресенье дворовая ребятня помогала Юрке набрать нужную сумму. Но, увы, денег всё равно не хватало. Самую малость, но не хватало.

Понедельник казался Юрке пасмурным и от этого совсем не весёлым. Целую неделю ему предстояло ходить в детский сад.

А вдруг на этой неделе папа Лены получит деньги и купит велосипед? И всё. Тогда больше не видать ему этой милой девочки. Он не сможет её удивить... Юрка стоял на углу детского сада возле высокого забора и пытался прогнать эти мысли прочь, но тщетно.

Ребята весело резвились на детской площадке, а Юрка искал ответ к, казалось, неразрешимой задаче.

— Мальчик, здравствуй, — неожиданно раздался приятный женский голос.

— Здравствуйте, — Юрка поднял глаза и посмотрел за забор на тётку, стоявшую перед ним. Таких красивых он видел только в кино и красочных журналах. Но в фильмах обычно их сопровождали здоровенные мужчины-герои. А сейчас Юрка очень удивился, когда увидел рядом с красавицей толстого дядьку, похожего на Карабаса-Барабаса.

— Мальчик, ты не мог бы подарить нам пёрышко вон той птички? — и женщина указала в сторону небольшого загончика, где гордо расхаживала парочка павлинов.

Они уже давно жили на территории детского сада. Воспитатели постоянно ухаживали за ними, а дети с живым интересом рассматривали диковинных птиц.

— Ты нам пёрышко, а мы дадим тебе рубль на мороженое, — сказал «Карабас-Барабас».

— Щас, — когда дело касалось денег, глаза у Юрки загорались живым огоньком интереса.

Улучив момент, Юрка пробрался в загончик и выдернул перо из хвоста павлина. Ещё несколько манёвров —

и мальчишка стал богаче на целый рубль, а парочка отдыхающих удалилась восвояси. Глупая тётка сияла от удовольствия.

Если бы Юрка знал значение слова «Эврика», он, несомненно, воскликнул бы, как Архимед. Так как решение финансовой проблемы наконец-то нашлось.

Не теряя времени, Юрка по-партизански прокрался к павлинам. Расположение загончика было очень удобным для мальчишки. Густые заросли кустарника надёжно скрывали его от ненужных в данную минуту взглядов воспитателей. Быстренько, но аккуратно Юрка надёргал из хвостов птиц пару дюжин перьев. Павлинам это очень не понравилось. Они попытались привлечь к себе внимание и пожаловаться, но из-за весёлого шума и смеха ребятни воспитатели ничего не услышали.

Выждав несколько минут, Юрка перекинул через проём в заборе ценный груз и полез на вершину ограды. Осталось совсем немного, и мальчик уже представлял, как он продаст эти перья отдыхающим и наконец-то исполнит заветную мечту своей принцессы. Он, как рыцарь, подъедет к Леночке на белом... велосипеде и преподнесёт его ей в подарок, тем самым навсегда завладеет её сердцем.

Сладкие грёзы развеялись моментально, когда Юрка услышал треск рвущегося материала. Предательская пика на вершине железного забора беспощадно зацепила его за шортики и даже не думала отпускать. Нога Юрки соскользнула, и мальчишка повис на заборе, как ёлочная игрушка.

Ничего не оставалось юному рыцарю, как только кричать и звать на помощь, признавая этим своё поражение...

Воспитатели появились быстро. Так же быстро обо всём узнали мама и папа. Вместо свидания Юрка простоял весь вечер в углу, раздумывая, как же он посмотрит теперь в глаза Лены...

***

Наступило следующее утро. Юрке ни за что не хотелось просыпаться. Но всё-таки его подняли, и, стгорая от стыда, мальчик появился в детском саду.

Он стоял перед воспитательницей, опустив голову и разглядывая свои босоножки, как вдруг в ворота въехала Лена на новеньком сверкающем на солнышке велосипеде.

Юрка смотрел на неё, не отрывая глаз, и непонятные чувства переполняли его душу...

Но тут девочка подъехала прямо к нему и произнесла:

— Привет. А мне папа вчера купил велосипед. Видишь, какой красивый!

Юрка только молча и огорчённо кивал головой.

Лена плавно слезла с сиденья и улыбнулась:

— Хочешь прокатиться?..

***

Через несколько дней папа Юрки принёс в детский сад ещё одну пару красивых павлинов.

03—30.03.2004

с. Ям Домогеговского района

Московской обл.

Петр Панасейко

г. Тольятти, Самарская область

ВЕЩИЙ СОН НЕВЕСТЫ

Повесть

Глава 1. Квартирант

К середине 1960-х годов в селе Солнечном закончилось объединение ранее существовавших отдельно колхозов, образованных в 1930 году. Сельчане решили: поскольку село едино, то и колхоз должен быть один. Сами они, разумеется, до этого не додумались бы, ибо должность председателя светила только одному из трёх руководителей прежних хозяйств. Выиграл на общем собрании колхозников Иван Шевченко, обещавший сельчанам асфальтировать в ближайшее время новую центральную улицу. Сказано — сделано. В центре села загудели трактора, появилась и другая дорожная техника. Асфальтировали улицу дорожные рабочие из района.

Тракторист Сергей Кононенко на время строительства дороги попал на квартиру в семью Ильченко. Удивляться наличию украинских фамилий не стоит, события, описанные в настоящей повести, происходили на Украине.

В один из тёплых июльских вечеров семья Ильченко после ужина отправилась из летней кухни в дом, где в зале стоял недавно купленный чёрно-белый телевизор. Командированный присоединился к компании, хотя любил в это время брать в руки удочку и идти на пруд. Показывали советский фильм — детектив 1955 года «Дело Румянцева». За всё время, а продолжительность его составила 1 час и 37 минут, никто из телезрителей, как говорят, и слова не проронил. Детектив — он и есть детектив.

Однако когда экран погас, началась маленькая дискуссия. Жена хозяина дома во время просмотра буквально влюби-

лась в полковника Афанасьева. Дочь же не поверила, что в милиции могут работать такие замечательные сотрудники. На то у неё имелось основание.

...Однажды Лена купалась в пруду за селом с подругой. К ним начали приставать ребята не из их села. Покинув местный пляж, подруги побежали домой, но вскоре их догнали на мотоцикле знакомые незнакомцы. Шестнадцатилетние девчонки догадались, чего хотят от них преследователи, и пошли на хитрость.

— Ребята, простите нас, но мы вам не подходим на данный момент, — «пропели» Лена и Света. — Мы можем вас заразить некрасивой болезнью.

Радовались своей находчивости подруги рано. Утром за ними из района приехали два милиционера и увезли с собой. Дежурный райотдела зачитал им заявление двух парней, якобы они хотели заразить их венерическими заболеваниями, не долечившись в больнице. Подруги как стояли вместе, так и упали на пол, потеряв сознание от такой «новости». Очнувшись, получили очередной удар: если два милиционера поехали с ними в район, то третий направился в их сельскую школу за характеристиками, чем нанёс моральный вред, рассказав педагогам о случившемся.

Понятно, что вскоре дело против подруг, шитое белыми нитками, рассыпалось, как карточный домик. Однако, как ни пытались привлечь потерпевшие к ответственности милиционеров, ничего у них не вышло. И не могло выйти. У одного из тех ребят папа работал в районном отделе внутренних дел. Руководство, приняв поступок ребят за шутку, мер не приняло...

— А вы, Сергей, что скажете? — обратился хозяин дома к квартиранту. — Бывают в нашей доблестной милиции порядочные сотрудники?

— К счастью, порядочных больше, чем непорядочных. Но последние, хоть и в меньшинстве, могут вам искалечить жизнь, мало не покажется.

— Вы, уважаемый, говорите так, как будто сами становились их жертвой.

— Вы угадали. Спасли меня как раз два порядочных. Дай Бог им здоровья и долгих лет жизни.

— Может, наконец-то расскажете нам, что же с вами случилось?

Ответить не дала вступившая в разговор родителей дочь Лена:

— Ну ладно, мама с папой, я тут с вами засиделась, пойду с Васей покатаюсь на велосипеде под луной. Школу-то я в этом году окончила, имею законное право отдыхать и гулять, когда хочу и с кем хочу.

— Дочка, не сходи с ума, уже поздно, ложись спать, — попросила мама.

— Ага, сейчас. Я уже не школьница и сама за себя отвечаю.

В диалог мамы с дочкой вмешался квартирант-тракторист:

— Лена, послушай маму, не рискуй, чтобы не случилось с тобой то, что приключилось на моём веку. Меня до сих пор в дрожь кидает, когда вспоминаю тот случай. Перед моими глазами всё время стоит мама другой Лены, восемнадцатилетней погибшей девушки. Она, к сожалению, не послушала. Нет, не маму свою, а родную тётю. Но не важно.

— Ладно, уговорили, пойду спать, — отвечала девушка, — утро вечера мудренее.

Когда дочка ушла, родители стали упрашивать Сергея рассказать о случившемся происшествии. Тот ответил: «Простите, на ночь рассказывать нельзя».

Хозяйка, увидев в его глазах слёзы, произнесла: «Простите и вы нас, Сергей, я верю, что с вами на самом деле приключилась беда».

Глава 2. Сон Лены из соседнего села

Село Юбилейное находилось от Солнечного в семи километрах. В нём жила девушка по имени Лена, которую

упомянул выше Сергей. Сам он никогда в том селе не бывал, жил дальше: недалеко от железнодорожной станции.

Лена Полтавченко окончила среднюю школу. Вместо поступления в институт, как это сделали некоторые её бывшие одноклассницы, она ждала из армии своего жениха Костю. Тогда, до 1967 года, как известно, срочную служили три года. До дембеля ему оставалось несколько месяцев.

По возрасту он был старше на три года. Познакомились в школе. Прогуливаясь вечером по улице села со своим верным четвероногим другом, восьмиклассник Костя Бойко спас пятиклассницу Лену от соседского пса, сорвавшегося с цепи. С тех пор они не расставались. Вспыхнула первая любовь.

Уходя в армию, жених просил невесту не терять времени и поступить в институт. Но подруга отказалась выполнить просьбу: ей очень хотелось учиться там вместе с Костей. Официальную версию выдвинула иную: надо тщательно подготовиться к вступительным экзаменам в вуз. Ей все поверили.

По вечерам Лена перед сном брала в руки учебники и читала. Днём этого не позволяла себе делать: во-первых, работа почтальоном, во-вторых, подсобное хозяйство родителей. Утром просыпалась, забыв об усталости вчерашнего дня, весёлой и жизнерадостной. Но однажды в этом случился сбой.

— Дочка, что с тобой? — поинтересовалась однажды мама.

— Сон приснился плохой, мамочка. Мне стало после него страшно.

— Да ладно, Леночка, что ты расстроилась, мне почти каждую ночь кошмары снятся, и ничего. Живая, как видишь, до сих пор. И... невредимая.

— Нет, мама, это вещей сон. Я пыталась забыть его. Не получается.

— Расскажи мне сейчас подробно свой сон, дочка. Я его расшифрую.

— Весь рассказать не могу, полностью не запомнила, но скажу только одно: мне приснились очень страшные и такие ужасные похороны.

— И ты из-за них расстроилась? Сколько этих похорон в нашем селе состоялось уже только в этом году, трудно сосчитать. Село-то большое. Многие сельчане пережили войну и оккупацию, горя хлебнули сполна, вот и уходят в мир иной потихоньку. Царство им Небесное.

Однако, взглянув в глаза дочери, в которых появились слёзы, мама догадалась, чьи похороны ей приснились.

— Неужели, дочь, тебе приснились твои, твои?..

— Да, мама, и на них приехал мой жених из армии.

— Не переживай сильно, Леночка, иди на работу, тебя уже на почте заждались. Я что-нибудь придумаю и разгадаю этот твой вещий сон.

На том мама с дочкой расстались. В свой обеденный перерыв, вместо кормления домашних животных, мама пошла в сельскую библиотеку за сонниками. Накормить животных попросила соседку, не объяснив ей, однако, причины.

Весь перерыв просидела с библиотекаршей, бывшей своей одноклассницей, изучая сонники. Ни в одном из них не вычитала о том, что если снятся кому-то собственные похороны, то обязательно в реальности состоятся. В основном сонники советовали в таком случае изменить свои привычки, начать вести здоровый образ жизни. На том и порешили.

После ужина мама проинформировала папу о плохом сне их дочери. Чтобы тот сразу не бросился искать, как обычно, успокаивающее средство, она сообщила, что говорят по поводу подобных снов «умные» сонники.

— Ерунда всё это, — ответил глава семьи. — А ты, Лена, на всякий случай возьми-ка на недельку отпуск и успокой свои пошатнувшиеся нервы.

Дочка послушалась совета и отправилась в район к тёте, которой рассказала о сне и причине внеочередного отпуска. Та отвечала:

— Знаешь, дорогая моя племянница, твои родители не правы. Как это ни страшно звучит, но нам всем надо ждать беды в ближайшее время. Будь осторожна, Леночка, постарайся до Нового года, пока из армии не вернётся твой Костя, не посещать подозрительные компании, не ходить и не ездить одной в тёмное время суток. Ну а появится рядом с тобой жених — тогда тебе не страшны будут ни гром небесный, ни молния.

— Спасибо, тётя, я поняла.

Вернувшись домой, Лена быстро забыла сон. Как, впрочем, и само предупреждение...

Глава 3. Отпуск по телеграмме

Отделение сержанта Бойко вернулось вместе с батальоном с плановых учений. Подчинённые показали неплохие результаты. Едва освоившись в родной казарме, сержант взялся за написание очередного письма своей невесте Лене. На этот раз он немного изменил содержание письма. Если в прежних письмах речь шла о предстоящей их свадьбе, то теперь на первое место вышло поступление в институт. На это, безусловно, повлиял его недавний сон, предсказавший ни с того ни с сего ему разлуку с любимой девушкой.

«Неужели за годы моей армейской службы она полюбила другого? — пронеслось у него в голове. — Вроде не должно этого случиться, но как тогда объяснить этот противный сон? Ладно, поступим в вуз, а там — посмотрим, что к чему».

Отдав запечатанный конверт почтальону, Костя достал из тумбочки учебники и принялся за чтение. Его беспокоило в данном случае то, что он за прошедшее время многое из полученного в школе забыл. Может так случиться, что невеста поступит на учёбу, а он «пролетит» мимо.

Прошло два дня. В столовую во время обеда зашёл командир роты. Визит касался сержанта Бойко, которого он, подождав окончания обеда, увёл с собой.

— Ну что, сержант, ты человек военный, привыкший, как и все мы, ко всему, а поэтому держи телеграмму и оформляй сегодня же краткосрочный отпуск домой, — сообщил офицер. — Небось по невесте соскучился? Вот и увидишь её. Хотя, если честно, время для поцелуев с ней неподходящее. Отцу-то сколько лет было? Наверное, фронтовые раны напомнили о себе. Одним словом, езжай на его похороны. Но не забывай возвратиться в часть своевременно. К сожалению, демобилизовать тебя не могу, нет ещё приказа.

Вечером вместо ужина в солдатской столовой Костя лежал на второй полке скорого поезда и думал о былом. Мимо окон перед его мысленным взором пролетали не полустанки, поля и реки, а мчались школьные годы. Когда очередь дошла до воспоминаний о первой любви, он просто уснул.

Снится ему, как он, десятиклассник, бегают по всем этажам школы и ищет ученицу Лену Полтавченко, но никак не находит. Кого ни спросит, никто её не видел. Куда же она исчезла в разгар учебного дня в школе? Домой идёт расстроенный. Дорога из школы проходила через сельское кладбище. Едва сделав несколько шагов, школьник останавливается и стоит как вкопанный: на памятнике одной из могил помещена знакомая фотография. Внимательно в неё всматривается и... мгновенно просыпается весь в поту. Это была Лена.

На похоронах отца они встретились. Но не как обычно. Посторонние заметили, что у них обоих какой-то камень на душе лежит.

Проводив фронтовика в последний путь, помянув его как положено, Костя, взяв за руку подружку-невесту, пошёл с ней гулять за село, где несла свои воды река. Говорили о школе, о своей взаимной первой любви, о предстоящей учёбе в институте, но о свадьбе не вспоминали. Первой не выдержала невеста: «Что-то мы с тобой, Костик, говорим не о том. Ты же, уезжая в армию почти три года назад, обещал по возвращении на мне жениться. Может, передумал?»

— Как ты можешь, любовь моя, такое говорить? Просто я сейчас вспомнил свою бабушку. Она мне рассказала один

случай. Её сестра, окончив школу, собралась замуж. Её жених-однокурсник в это время проходил службу в армии. Она очень сильно готовилась к свадьбе, всё село уже знало её дату, хотя служить любимому предстояло ещё много времени: два с половиной года. Заранее готовила себе свидетелей, как и свадебное платье.

— И что же, та девушка в итоге вышла замуж за другого?

— Нет, Леночка, это ещё не самое страшное. Страшное то, что она не дожидая до свадьбы пару месяцев, её сбил насмерть заезжий водитель-лихач. Вот и учила меня бабушка: заранее строить личные планы весьма нежелательно. Они могут рухнуть в одночасье по не зависящей от тебя причине. Ты, очень надеюсь, со мной в этом вопросе согласна, любимая?

— Конечно, согласна, любимый. Тем более что мне приснился недавно страшный сон, который я не хотела бы лишней раз вспоминать.

— Не надо весь вспоминать, скажи только мне, о чём он, сон твой? Хотя... прости меня, солнышко, я догадываюсь, рассматривая твоё лицо.

— В том-то и дело, Костя, потому я такая сегодня и грустная. Мне бы прыгать от радости, что приехал ты, но не могу. К тому же мне жаль твоего папу.

Немного помолчав, жених затем произнёс тихим голосом:

— Не знаю, зайка моя, кому мы с тобой сделали плохо, но только вижу я, нам не суждено быть вместе, сыграть свадьбу и жить долго и счастливо.

— Костя, ты так считаешь, наверное, из-за моего вещего сна?

— Не только, радость моя. Меня тоже недавно беспокоили нехорошие сны.

Глава 4. В село не вернулась

Поезд, на котором должен ехать сержант-отпускник, на ближайшую железнодорожную станцию по расписанию

подходил к двум часам ночи. Расстояние в десять километров напрямую по колхозным полям влюблённые решили одолеть на велосипеде. Ночь выдалась лунная. Дорога хорошо просматривалась. Потому что в сентябре у колхозников на полях оставалось меньше урожая, чем в летние месяцы. Теперь ночью они не все трудились в поле.

То и дело останавливались в пути: целоваться в движении не совсем удобно. Эти поцелуи развеяли у них обоих тоску, на душе стало весело: как будто бы и не было тех снов. Этому явно способствовал и лёгкий степной ветерок. Снова стали мечтать о свадьбе.

На станцию приехали за час до прихода поезда. А вот теперь с каждой минутой на них снова находила грусть: не хотелось расставаться даже и на непродолжительное время. Сначала слёзы появились у невесты, потом не выдержал и жених.

Когда поезд тронулся, Костя во весь голос крикнул:

— Сейчас не езжай обратно! Дождись утра, когда в полях появятся основные колхозники. Пока ещё темновато тебе ехать на велосипеде одной.

Поезд спрятался за горизонтом, а девушка стояла без движения, как статуя античности на постаменте. Она не знала, что делать: до рассвета оставалось ещё несколько часов. Села на велосипед, но, прокрутив одну педаль, «услышала» голос тётки с просьбой одной не появляться в тёмное время суток в незнакомых местах. Нажав вторую педаль, «услышала» просьбу жениха. Остановилась, присела на скамейке. Вспомнила любимый свой роман Михаила Лермонтова, изучаемый когда-то в школе. Весь «Герой нашего времени» ей не нравился. Последнюю же его главу «Фаталист» перечитывала много раз. Она стояла на стороне Печорина. Лена и сама решила испытать судьбу...

Когда утром дочка не вернулась в село, мама подумала, что та захала переночевать к тётке. Но ближе к обеду у неё стало тяжело на душе. Мужа послала к своей сестре

в город. Тот вернулся вскоре, но не один, а с родственницей. И мама Лены потеряла сознание, вспомнив её вещий сон.

К счастью, в тот момент в селе находился участковый инспектор.

— Не плачь, мамаша, преждевременно, может быть, твоя дочка уехала на поезде с женихом, — как мог успокаивал бедную женщину милиционер.

Доложив по рации в район своему начальству о ЧП в подшефном селе, капитан приступил к процедуре дознания. В первую очередь взял объяснение от родителей пропавшей девушки. Что знали, они всё рассказали.

Анализируя потом показания мамы, он выдвинул две версии. Первая: девушка уехала на поезде со своим парнем. Вторая: она могла стать жертвой преступления. Ему очень не хотелось в это верить, но участковый всё же больше склонялся ко второй версии. Трагической по своей сути.

Не отбрасывая, однако, и первоначальную версию, капитан, вернувшись в райотдел, направил в воинскую часть, где служил Бойко, телеграмму с просьбой срочно взять объяснение от того по поводу случившегося.

С ответом пришлось ждать сутки, ибо до этого Костя находился в поезде. Командование части выполнило просьбу правоохранителей добросовестно: вместо одного объяснения пришло два. Второе касалось сослуживца Бойко, который сел на поезд ранее. В момент, когда Костя прощался на перроне с невестой, тот вышел покурить в тамбур, всё видел и слышал.

На следующий день участковый вернулся в село Юбилейное с опергруппой. К поиску пропавшей подключили и нескольких курсантов средней школы милиции, проходящих стажировку в районном отделе милиции.

Пришли на помощь и местные народные дружинники. В первый день осмотреть территорию расстоянием в десять километров не удалось: пошёл дождь. А последний на полях — это виновник непроходимой грязи.

Поиск продолжили на второй день. В трёх километрах от села в посадке два курсанта милиции обнаружили обезображенное тело девушки. Когда его привезли в село, мама Лены, опознав в погибшей свою дочь, снова потеряла сознание. На этот раз без госпитализации не обошлось.

Лену Полтавченко хоронили всем селом. После похорон участковый инспектор как дознаватель передал дело следователю. К сожалению, как потом оказалось, не с лучшей репутацией. По закону капитан милиции сделал всё, что от него требовалось. Он считался одним из лучших участковых в районе. И, возможно, докопался бы до сути, но следствие вести ему не разрешалось.

Следователь затребовал от председателей колхозов списки колхозников, находившихся в ту ночь в поле, по обеим сторонам известной дороги на железнодорожную станцию.

Глава 5. Тракторист

Если бы Сергей Кононенко заранее знал, чем обернутся его свидетельские показания, то никогда не стал бы говорить следователю то, что видел. К своим тридцати годам он никогда никого не обманывал, говорил только правду. По-другому просто не мог, будучи и октябрёнком, и пионером, и комсомольцем. В Коммунистическую партию, правда, вступить не спешил.

Вот и сейчас, сидя в кабинете следователя, он по доброте своей души очень хотел помочь найти убийцу неизвестной ему молодой девушки.

— Значит, так, — обрадовался хозяин кабинета, — я так и пишу с ваших слов, что в ту ночь, под утро, вы видели ехавшую на велосипеде девушку? Что было дальше?

— Как что было? Она проехала мимо моего трактора метрах в тридцати и скрылась вдали. Ехала вдоль посадки. Я пахал в поле, левее её.

— А вам не кажется, молодой человек, странным, что в поле работали ещё трактористы, но девушку видели только вы?

— Не знаю, рядом со мной тракторов не было. Где-то вдалеке гул трактора, конечно, слышал, когда выключал свой мотор, чтобы не перегрелся. Может, они во время проезда девушки находились далеко от дороги. Ведь поля в то время суток накрыла словно покрывалом ночь, хоть и серебристо-лунная.

В тот день следователь, допросив свидетеля, отпустил его домой. Но, как говорят, счастье длилось не очень долго. Утром за ним приехал участковый.

— Сергей Владимирович, ты что наговорил следователю? — спросил капитан.

— Не понял, Иван Иванович, что вы имеете в виду? — переспросил тот с удивлением.

— Что имею? Бери, читай. Это санкция на твой арест, уважаемый. С ума они, что ли, там все сошли? Подозревать отца двух малолетних детей, мужа прекрасной женщины, сына фронтовика в убийстве? Чушь какая-то! Никак дело хотят закрыть побыстрее? Ну ладно, Сергей, ты уж меня извини, я человек подневольный, поехали со мной. А там как Бог даст. Главное, мой совет, не дай себя оговорить, борись за своё честное имя, Серёжа. Чего бы тебе это ни стоило. А «ломать» тебя будут, по всей вероятности, очень и очень настойчиво.

Увы! «Ломать» арестованного тракториста начали в тот же день.

— Ну что, гражданин Кононенко, созрел для чистосердечного признания? Мол, простите меня, люди добрые, беспопутал, — спросил следователь.

— Не понял: на что вы намекаете, уважаемый гражданин следователь?

— Сам не догадываешься? Постоянно в поле один, на тракторе, жена далеко, а хочется женской ласки. А тут хорошенькая девушка проезжает, как её пропустить?

Я правильно рассуждаю на тему женской ласки, подозреваемый?

— Что за ерунду вы говорите? Я прекрасный семьянин. У меня жена.

— Я тебя хорошо понимаю как мужик, поэтому могу тебе пойти навстречу и оформить твои показания как явку с повинной. Видишь, какой я добрый. Пока добрый. Но я могу рассердиться, и тогда... тебе помочь я не смогу. В нашем уголовном розыске есть отчаянные ребята, они не любят, когда говорят неправду. Бери лист бумаги и пиши явку с повинной, текст я продиктую.

Следователь, стоя с сигаретой у открытого окна, диктовал, а задержанный, сидя за его столом, писал. Однако, как выяснилось, Сергей послушал всё же доброго участкового, а не следователя, изображающего из себя благодетеля. Последний, взяв в руки бумагу, прочитал следующее: «Я, Кононенко Сергей, не виноват в том преступлении, которое мне приписывает следователь. Требую встречу с прокурором области».

— Ну ты и шутник, однако, может, тебе ещё организовать встречу с прокурором всей Украины? Сейчас тебя уведут, а завтра мы продолжим беседу.

Завтра наступило быстро. Когда милиционер доставил в кабинет следователя подозреваемого, то его внешний вид сильно отличался от вчерашнего. То и дело он хватался за бока. Видимо, били по почкам. На лице синяков не было, но вид настораживал.

Как ни уговаривал следователь взять на себя чужую вину, Сергей не взял. Решил схитрить. Попросил встречу с отцом.

— Правильно, посоветуйся с папашей насчёт явки с повинной, — обрадовался следователь.

Отец, увидев сына в кабинете следователя, догадался, что к нему применялось физическое насилие. Как фронтовик, видевший на войне всякое, он справился с эмоциями и удержал себя в руках:

— Сынок, перекрестись сейчас и ответь мне на один вопрос: ты изнасиловал и убил ту девушку или не ты? Мне это важно знать. Говори правду.

— Нет, папа, не я, — перекрестившись три раза, ответил сын.

— Спасибо, сынок! Я знал, что мы с мамой воспитали честного и мужественного человека. Говори всем только правду. И ничего кроме правды.

Увидев, что отец подозреваемого здорово отклонился от его плана по признанию сыном вины, следователь попросил того удалиться со словами: «Жаль, что вы не поняли, в каком положении оказался сын».

— Дай Бог, чтобы ваш сын не оказался в такой ситуации, — ответил седой мужчина, заслуживший на фронте другого отношения к себе.

Глава 6. Отец тракториста

После встречи с сыном бывший фронтовик куда-то засобирался: достал из шкафа военный китель с сержантскими погонами, пересчитал на нём боевые ордена и медали. Посмотрел ещё раз на своё фронтовое фото.

— Далеко ли ехать собрался, Миша? — спросила с удивлением жена.

— На фронт, Любаша. В мае сорок пятого для меня, получается, война не окончилась.

— Прости, но как раз сейчас мне, как видишь, вовсе не до шуток.

— Мне тоже, жена. Если на фронте мы видели врага в лицо, то теперь он прячется за чужими спинами. Увидела бы ты, что они сделали с нашим сыном. Буду воевать за Серёжу, пока позволяет здоровье и не открылись фронтовые раны. Еду, Люба, в Киев правду искать. В той страшной войне мы нашли правду, неужели сейчас, в мирное время, не найдём? Да не бывать тому! Но ты никому не говори, скажи, что поехал в Киев к брату успокоить нервы после случившегося.

Встретились братья. Обнялись.

— Я понимаю твоё горе, Миша, — сказал брат, — но ты ничего здесь не добьёшься. Можешь только навредить моему племяннику. Найди лучше хорошего адвоката, чтобы уменьшить срок наказания.

Услышав от родного человека слова о «сроке наказания», приезжий не стал даже раздеваться, а немедленно покинул не совсем гостеприимную квартиру родственника. Прямоком направился в гостиницу. Ему, как участнику войны, номер предоставили без проблем. Соседом оказался какой-то студент-двоечник из провинции, приехавший по вызову деканата на пересдачу сессии.

Утром следующего дня Кононенко-старший отправился в Министерство внутренних дел республики. В беседе с каким-то чиновником выяснил, что, оказывается, сейчас не 1937 год и просто так людей не арестовывают. Тоже посоветовал нанять адвоката. Обещал подсказать кандидатуру.

Расстроенный такой беседой, фронтовик вышел из здания и сел на скамейке поблизости. Стал думать, что делать дальше. «А, собственно говоря, кто этот майор? Есть там ведь чины и повыше, — думал он про себя. — Пойду-ка попрошу записать меня на приём к самому главному милицейскому начальнику». Вернувшись в здание, Михаил Иванович, засмотревшись, нечаянно столкнулся с каким-то полковником милиции. Как это ни странно, но тот остановился.

— Простите меня великодушно, виноват, отвлёкся, — стал извиняться бывший фронтовой разведчик. — Я здесь, в прекрасном городе Киеве, впервые...

Договорить не успел: глаза и улыбка полковника показали ему уж больно знакомыми. Да, он не ошибся. Перед ним стоял с офицерской выправкой бывший на фронте командиром роты лейтенант Соколов. Правая рука сержанта потянулась по привычке за приветствием. Но его остановил полковник:

— Не надо, сержант Кононенко, мы же не на фронте. Как я рад встрече с тобой, ты даже не представляешь. Ведь я обязан жизнью тебе и твоему отделению. Опоздай вы тогда

на пять минут — и я не стоял бы сейчас перед тобой. Низкий поклон тебе, Михаил Иванович, за моё спасение. Я перед тобой в долгу. Пойдём сейчас в мой кабинет, и ты расскажешь, что привело тебя к нам.

Полковник слушал однополчанина, не перебивая, только разводил руками. Выслушав до конца, попросил:

— О том, что ты находился у меня, никому не говори. Я лично возьму это дело под контроль. Можешь спать спокойно, мой фронтовой друг, я докопаюсь до истины. У такого храброго отца-фронтовика не может быть сына, переступившего закон. Езжай, Михаил Иванович, домой, но никому ни слова. Даже жене. Скажи, что не попал к нам.

В ответ сержант не мог выговорить ни слова: слёзы благодарности не позволили это сделать. Его можно понять: найти правду он уже не надеялся. Бог, однако, послал ему в помощь надёжного офицера-фронтовика.

Вернувшись в село, Кононенко-старший сдержал слово: никто так и не узнал о результатах его поездки. «Поеду ещё раз», — говорил он всем любопытным.

Сын по-прежнему находился под арестом, из подозреваемого превратился в обвиняемого. Шансов на спасение не видел. Следователь несколько раз носил дело на утверждение обвинения прокурору района, но, надо отдать тому должное, он его не утверждал, требуя прямых улик. Для прокурора факт, что тракторист видел проезжающую девушку, погибшую впоследствии, не являлся основанием для его обвинения. Если бы тот свою вину признал, чего добивались в райотделе «отчаянные ребята», тогда никаких проблем не возникло бы. Правда, на время. В суде обвиняемый мог снова отказаться от своих показаний.

Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не поездка отца обвиняемого «за правдой» в Киев. Именно она всё расставила по своим местам. Бывший фронтовой командир не обманул своего храброго сержанта. Помог как мог. Не зря говорят, что крепче дружбы фронтовиков ничего нет. Это не просто красивые слова. Это суровый закон фронтовиков.

Глава 7. Незнакомец

За селом у пруда с утра собралась небольшая компания подростков лет шестнадцати. Ловили рыбу, развели костёр на берегу для ухи. Вода в котелке кипела уже несколько минут, но караси упорно не хотели ловиться.

А в это время на другой стороне пруда сидел с удочкой парень лет двадцати пяти, который не успевал снимать с крючка рыбу. Это не могло, конечно, не привлечь особого внимания юных любителей ухи из карасей.

— Вася, ну-ка сбегай к дяденьке и попроси у него немножко рыбки на уху, — командным голосом приказал старший из них по возрасту, подросток Иван. — Почему именно ты? Потому что постоянно отлыниваешь от наших дел.

Спорить друг с другом подростки не стали, и Вася «со скоростью звука» побежал выполнять приказ. В направлении, разумеется, удачливого рыбака.

— Дяденька, дяденька, а почему у вас караси ловятся, а нас они почему-то игнорируют? — тихонько спросил он, чтобы не распугать в пруду рыбу.

— Потому что компания у вас слишком шумная, а караси очень любят тишину.

— Вы нам не дадите на уху немножко? Ну пожалуйста, очень прошу.

— Нет, не дам, я вас всех научу рыбачить. Тебя, кстати, как звать? Васей? Пойдём, Вася, к вам, если не возражаешь? Твои друзья меня не прогонят?

Вася от радости готов был закричать во весь голос, но опомнился, вспомнив слова о тишине.

Через полчаса сам Вася поймал два карася, Витя и Серёжа — столько же, а их «атаман» Иван, как ни старался, ни упирался, но не поймал ни одного.

— Злой ты человек, Ваня, на ребят кричишь, на рыбу кричишь, вот и результат, — объяснил популярно незнакомец неудачу подростка.

— Мама мне сказала, что я рождён быть лидером, и я им стану. Видите, как ребята выполняют мои приказы. Вася, давай два круга бегом.

Подросток не среагировал. «Лидер» тут же приказал Виктору и Сергею проучить того. Через несколько секунд Вася получил удар кулаком в ухо и удар ногой по ягодицам. Этого хватило сполна: пострадавший подросток вскочил и побежал вдоль пруда, утирая слёзы от боли. Раздался смех.

Когда уха сварилась, подростки приглашали «дяденьку» к столу, но тот вежливо отказался, ссылаясь на сытный завтрак. Перед ухой ребята выпили по бутылке пива, кроме Васи. Если для взрослого человека страшна одна выпитая бутылка водки, то для подростка весьма опасна и бутылка пива.

Утро постепенно сменял день. Стало жарко. Пиво плюс жара развязали подросткам языки. Тем более что они узнали: незнакомец из соседнего села, недавно освобожденный из мест лишения свободы, является, по сути, своим парнем. А разговоры их оказались весьма интересные: то они сад с яблоками чей-то обчистили ночью, то огород бабушке-односельчанке ночью «помогли» выкопать, то залезли в сельскую аптеку и «разбогатели» презервативами.

Незнакомец молчал, ждал подходящего момента, но когда услышал о презервативах, не выдержал и сказал:

— Ребята, как вы находите вон тех двух красоток, которые моют свои волшебные ножки у вашего пруда?

Загорать осенью не принято. Девушки же, которым на вид, казалось, лет восемнадцать, не могли пройти мимо воды. Решили просто посидеть, отдохнуть.

— Ух ты, я и не заметил, — пожаловался Иван. — Мы с Витей берём блондинку, вы, Вася с Серёжей, — брюнетку. Одну тащим в ту посадку, вторую — в ту. Приказ поняли? Выполнять. И не спорить со мной. Я так решил.

Никто не шевельнулся, чувствуя пристальный взгляд «дяденьки». Подростки ждали реакции последнего. Она последовала мгновенно:

— А что, ребята, Иван дело говорит. Я бы и сам развлёкся, но не могу: ещё ни разу жене не изменял. Только давайте без насилия.

— Без насилия в таком деле не обойтись, — ответил Иван.

— Ты снова за своё, — не выдержал Вася, — вновь заговорил о насилии. Тебе что, того раза мало показалось? Хорошо, что пронесло и менты замели бедного тракториста. На этот раз девушек две, может не пронести.

Пришлось в дискуссию вмешаться молодому незнакомцу:

— Ребята, так дело не пойдёт, если у вас нет согласия в группе, можете все оказаться в местах, не столь отдалённых. Ведь, насколько я понял, вам всем по шестнадцать лет. Под статью уголовного кодекса вполне попадаете. Сейчас вам лучше разойтись по домам. Девчонок не трогайте. Приходите завтра утром снова сюда. Не будет этих — придут другие, завтра же воскресенье. На пруд придут купаться, возможно, и «принцессы».

Все послушали дельного совета и ушли. Кроме Васи.

— Почему ты с ними не ушёл? — спросил между прочим «дяденька».

— Я их боюсь. Можно я с вами пойду? Так они меня не тронут.

Как уже, наверное, догадался читатель, на следующее утро никто из знакомых подростков на пруду не появился. На то имелась особая причина.

Эпилог

Когда в здании суда конвой вёл Ивана, Виктора и Сергея, они внимательно смотрели по сторонам, где сидели их родители. Увидев их, наклоняли головы. То ли от стыда, то ли от безысходности положения.

Суд по обвинению группы подростков в изнасиловании и убийстве восемнадцатилетней Лены Полтавченко здорово

напоминал сюжет фильма «Обвиняются в убийстве». Нет, к описываемым событиям фильм отношения не имел. Во-первых, снят был в 1969 году, то есть после, во-вторых, тех киношных обвиняемых судили только за убийство. По их вине погиб парень. Просто они вели себя точно так же, как и киногерои: валили вину друг на друга. Судье и народным заседателям вначале трудно было понять: кто же причинил смерть девушке? Всё стало ясно после допроса двух свидетелей.

Сначала выступал Вася. Из его показаний стало понятно: насиловал и душил девушку лично Иван. Не успел свидетель закончить, как тройка обвиняемых подростков набросилась на него. С их слов, именно Вася стал инициатором изнасилования, а убийство произошло по неосторожности. Его совершил, с их слов, всё тот же Вася.

Первый раз в жизни попав на заседание суда, подросток растерялся, услышав несправедливые слова в свой адрес от вчерашних друзей. Несдобровать бы ему, если бы не другой свидетель. При появлении в зале суда «незнакомца» у обвиняемых в буквальном смысле слова пропал дар речи. Их «дяденька» в суд пришёл в милицейской форме с лейтенантскими погонами. Он являлся сотрудником республиканского уголовного розыска.

Виновником изнасилования и убийства девушки по данному делу суд признал Ивана Крутько. Виктор Хоменко и Сергей Тарасенко осуждены как соучастники преступной группы.

Что касается Сергея Кононенко, то он в семье Ильченко говорил правду: его спас бывший фронтовой командир отца, на то время полковник милиции, с помощью молоденького лейтенанта, недавнего выпускника юридического факультета. Диплом бывший студент получил с отличием.

ВСТРЕЧА БЫВШИХ ОДНОКЛАССНИКОВ

Повесть

*Где вы, школьные учебники и задания домашние?
Кто теперь сидит за партой, за четвёртой у окна?
Вышли замуж наши девочки, поженились наши мальчики —
И для нас, для одноклассников, стала классом вся страна.
На уроке сочинения было так писать заманчиво
Про Печорина и Чацкого, про Полтаву и Петра...
Вышли замуж наши девочки, поженились наши мальчики —
Те, которых география за собою позвала.*

Слова этой песни доносились из окон сельской восьмилетней школы июньским вечером 1998 года. Украинское село было старинным, но здание новой школы построили только лишь в год 50-летия Великого Октября. В кабинете восьмого класса собрались на первую свою встречу выпускники 1973 года. Двадцать пять лет назад, расставаясь после выпускного вечера, они договорились встретиться ровно через четверть века. Назывались тогда и другие сроки: десять, пятнадцать и двадцать лет. Однако единогласно потом остановились на числе 25. Причина считалась весьма уважительной. Пятнадцатилетние выпускники прикинули, что, разлетевшись по уголкам Советского Союза, они смогут только к сорока годам, вырастив детей, позволить себе собраться ещё раз вместе. К тому же позади окажется учёба в вузах с последующей трёхгодичной отработкой на предприятиях и учреждениях.

Прослушав песню «Одноклассники», бывшая староста класса Галя Солнечная (теперь уже Леонова) предложила:

— Ребята, давайте поговорим о том, как сложилась за прошедшие годы ваша семейная жизнь. Поговорим о любви.

— Согласны! — раздались голоса. — Начинай, Галина, с себя.

Глава 1. Журналистка

У Гали любимым предметом в школе считался русский язык. И это в чисто украинской школе. Получалось во вред украинскому, который она явно недолюбливала. В связи с этим обстоятельством её родители часто посещали не по своей воле классного руководителя. Она же учитель мовы.

На следующий день после выпускного Галя, бывшая восьмиклассница, уехала с мамой в город к бабушке. Сдав документы дочери в местную среднюю школу, мама вечером вернулась в родное село, а девчонка осталась на лето помогать бабушке на даче. По просьбе дедушки.

Первого сентября она уже сидела в незнакомом девятом классе, рассматривая по сторонам лица одноклассников, которых видела впервые. Соседом по парте слева оказался Вася. Вот с ним-то она и доучилась до второго в жизни выпускного вечера.

Год выпуска совпал с 30-летием Победы. Накануне праздника городская газета объявила среди школьников конкурс на лучшее сочинение, посвящённое юбилею. Победителем стала Солнечная Галя. Это событие, с одной стороны, её несканно обрадовало, с другой, огорчило учительницу русского языка и литературы. Она начала сомневаться, что одна из её лучших учениц пойдёт по окончании школы в педагогический институт. Главный редактор газеты «Вперёд, к коммунизму!» вручил победительнице соответствующее свидетельство и высказал пожелание поступить на факультет журналистики.

Вася поехал с Галей поступать в Киевский университет не потому, что горел желанием стать журналистом. Причина оказалась другая. Он, влюбившись в десятом классе по уши, боялся её потерять из виду.

На третьем курсе они поженились. После получения дипломов, спустя три года, развелись. Сыграла роль измена мужа. Оставшись с двумя сыновьями-близнецами на руках,

Леонова (фамилию оставила мужа, чтобы у детей не возникло в будущем проблем) очень надеялась выйти второй раз замуж. И уже было почти вышла, но услышала слова кандидата в отчимы сыновьям: «Детей отдай бабушке на воспитание, они мне не нужны. У нас появятся свои». Подобные случаи встречаются часто, но только желающих отдавать ради нового мужа детей на сторону среди женщин находится мало. Не попала в их число и Галина.

В августе 1991 года она, корреспондент одной из республиканских газет, оказалась в командировке в Москве. Брала интервью у защитников Белого дома. Журналистку пригласил домой поужинать коллега по профессии, московский журналист, тоже освещающий события, связанные с ГКЧП. От него недавно, забрав единственную дочь, ушла к любовнику жена. Галина же в свои годы выглядела не только красавицей, но и на вид — двадцатилетней. Понятно, что молодой человек, поскольку она ещё не замужем, собирался предложить руку и сердце. Что и сделал после ужина. Однако, увидев фотографию двух несовершеннолетних детей красавицы, молча проводил последнюю до ближайшей гостиницы.

Женщина не расстроилась, ибо предполагала, чем их романтический ужин закончится.

Утром следующего дня Леонова, собираясь возвратиться в Киев, поехала на Киевский вокзал. Билетов на ближайшее время не оказалось. Стала думать, что делать дальше, как вдруг услышала невдалеке детский плач. Девочка лет семи стояла в углу и плакала.

— Девочка, почему ты плачешь? — не выдержала журналистка. — Где твои папа и мама?

— Мама у меня нет. Она умерла, а папа пошёл мне за мороженым и не возвращается.

— Посиди возле меня, дождись папу.

— Хорошо, но я хочу кушать.

Через несколько минут девочка с аппетитом кушала белаш. Прошёл час, но папа не возвращался. Пришлось жен-

щине отвести потерявшуюся Тоню (так звали девочку) к де- журившему на вокзале милиционеру.

— Спасибо вам, — отвечал блюститель порядка, — я толь- ко что собрался её разыскивать.

— А откуда вы узнали, что девочка осталась на вокзале одна?

— Поступила срочная ориентировка.

Прочитав её, Леонова сменила по отношению к отцу Тони гнев на милость. В ориентировке указывались приме- ты девочки. Далее говорилось, что её отец находится сейчас в больнице с сердечным приступом. Туда скорая помощь до- ставила его прямо с территории вокзала. Предупредить дочь он не успел.

— Мама, мама, — расплакалась вдруг Тоня, — отведи меня к папе. Пожалуйста! Я не хочу в детский дом. Не хочу в боль- ничку. Не хочу в милицию. Хочу к папе!

— Простите, гражданка, но в ориентировке сказано, что её мать умерла и отец её воспитывает один.

— Всё правильно. Но я буду её второй мамой.

— Тогда другое дело. Что же вы мне сразу не сказали, что их знаете. Дайте мне ваши документы, я отмечу у себя в жур- нале, кто забрал девочку. И везите её к папе.

— Спасибо, хороший дяденька, — перестав плакать, ска- зала Тоня.

К прибытию их в больницу врачам удалось справиться с сердечным приступом пациента. Но отпускать домой его они не стали, несмотря на просьбы. Подальше от греха. Доч- ка так прижалась к «новой маме», что мужчина поверил по- следней, что та не мошенница, а искренне хочет помочь его дочери. И отдал ключи от квартиры. Потом его коллеги-ад- вокаты удивлялись, как он, юрист, мог так рисковать, зная прекрасно, что в Москве таким способом запросто могут об- чистить квартиру.

Когда Евгения, отметившего не так давно своё сорокале- тие, выписали из больницы, сердце его в буквальном смысле дрогнуло. Но обошлось на этот раз без приступа. Он боялся

войти в свою квартиру и не обнаружить там незнакомки и... ценностей.

Дверь квартиры открыла дочка. Поцеловав её, папа обошёл быстро все три комнаты, но никого больше не обнаружил. «Как я ошибся?» — подумал он про себя. Быстро нашёл и открыл семейную шкатулку. Деньги и драгоценности находились на месте. Увидев растерянность отца, дочка подошла к нему, обняла и сообщила: «Не волнуйся, папа! Моя вторая мама пошла мне за мороженым, которое ты мне так и не принёс тогда на вокзале».

— Ма-ма?! — произнёс мужчина по слогам. — Она что, согласилась быть мамой?

— Да, папочка! Маленьким детям без мам никак нельзя.

На лице папы появилась улыбка. Вопрос, который он после смерти жены так и не мог разрешить, его дочка решила в одно мгновение. Упускать такую возможность не хотелось. Боялся, правда, отказа «новой мамы» выйти за него официально замуж. Мало что могло показаться дочери... В это время открылась входная дверь и на пороге показалась Галина с мороженым в руках.

Эту гостеприимную квартиру она больше не покидала. За одним исключением: когда по просьбе нового мужа вернулась в Киев за детьми. А с ними привезли и бабушку, объяснив ей, что у них с мужем работа ненормированная и требуется постоянный присмотр за детьми.

Закончив рассказ, Леонова замолчала, ожидая реакции бывших одноклассников.

— Что-то я не понял тебя, Галя, — сказал Павел Котов. — Ты вышла удачно второй раз замуж, а фамилию оставила первого мужа? Насколько я понимаю, ради твоей журналистской профессии? Читал я твои статьи в прессе.

— Нет, Павлуша, ты ошибаешься. С моей стороны это была бы чёрная неблагодарность моему второму мужу, усыновившему моих детей. Вы не поверите, но его фамилия тоже оказалась Леонов.

— Как же он тебя сюда через российско-украинскую границу отпустил? А вдруг я возьму и отобью тебя у него. Моя жена сбежала от меня за границу.

— Счастливы те супруги, которые доверяют друг другу.

Ответом все присутствующие остались довольны.

— Теперь мы слушаем нашего «генерала», — пошутила бывшая староста. — Товарищ майор, тебе слово.

Глава 2. Гвардии майор

Поднявшись с места, майор Иваненко медленно направился к школьной доске. Он единственный среди бывших одноклассников находился в военной форме. Поэтому и рассказ его все ждали с нетерпением.

...В школе Гриша учился посредственно. Очень не любил гуманитарные предметы, увлекаясь физикой, астрономией и математикой. Но больше всего уже в средней школе ему нравились уроки начальной военной подготовки, сокращённо НВП. Здесь учитель, прошедший фронтовыми дорогами путь от рядового до майора, ставил ученика в пример другим. «Быть тебе тоже майором, молодой человек», — не раз повторял седой учитель.

Тем не менее после окончания школы юноша не пытался поступить в военное училище. Нет, не потому, что передумал стать военным. Просто на этом настояла будущая тёща, мама его одноклассницы Ларисы, с которой тот просидел за одной партией все десять школьных лет, несмотря на перемену школ. Вместе поступили в Авиационный институт. Вместе его в своё время и окончили. Собирались пожениться. Но... в то время (начало 1980-х годов) в горах Афганистана наши солдаты сражались с современными басмачами. И Григорий, окончивший военную кафедру, втайне от невесты записался добровольцем в Ограниченный контингент советских войск в Афганистане. Узнав про это, невеста помахала ему на прощание ручкой и вышла замуж за другого бывшего

однокурсника, не желавшего не только ехать воевать в чужие горы, но и вообще служить в армии.

Спустя год, получив ранение и звезду Героя Советского Союза, гвардии старший лейтенант Иваненко вернулся на Родину, где продолжил свою службу в военной авиации. Как специалист согласно диплома по авиационным двигателям.

Очередной, тридцатый, свой день рождения капитан Иваненко решил отметить в ресторане. Юбилейный вечер вскоре подошёл к концу. Однополчане с жёнами разошлись по домам. За столом задержался один Григорий. В тот вечер он, понятно, военный мундир оставил дома в военном городке. Друзья звали с собой, но он сослался на усталость и решил маленько отдохнуть, пока не закроется на ночь входная дверь увеселительного заведения. Это он им так объяснил. На самом деле причина заключалась немножко в другом. Уж больно ему за вечер понравилась молоденькая двадцатилетняя официантка Люда, которую он несколько раз с разрешения ресторанный начальства приглашал на танец.

Всё бы ничего, но его смущало кольцо на пальце правой руки у девушки. Разобрать, обручальное оно или нет, он не смог. А спросить постеснялся. Хотя девушка, как ему показалось, тоже не осталась к нему равнодушной. Пока он размышлял про себя, в ресторан зашёл молодой человек лет двадцати пяти. По походке было заметно, что он до того пропустил как минимум рюмки две водки без закуски. Прямоком направился к официантке. «Люда, берегись, — крикнула её подруга, — снова твой бывший заявился».

Людмила стояла спиной к подруге и просто не успела среагировать на подсказку коллеги, как оказалась в объятиях бывшего мужа-наркомана. Тот стал её сначала целовать, потом раздевать со словами: «Или секс, или деньги! Мне не хватает их на очередную дозу!»

Каким-то чудом вырвавшись из рук мужчины, недавно считавшегося родным человеком, девушка побежала к сто-

лу, где находился капитан. «Помогите мне, пожалуйста! Он наркоман, он меня убьёт!» — попросила официантка. Это не выглядело шуткой: к ним с ножом в правой руке приближался наркоман. Всё решали секунды. Григорий вскочил со стула и грудью закрыл от удара девушку. Нож преступника задел его левый бок. Раненый, он нашёл в себе силы выбить нож из рук парня и повалить его на пол. Только теперь двое официантов-мужчин, до этого спокойно наблюдавших за происходящим, пришли на помощь: связав нежелательного посетителя и вызвав милицию. Задержанного повезли в отделение, а потерпевшего — в ближайшую больницу. Его сопровождала Люда. С которой капитан, а потом майор, больше не расставался.

Григорий хотел взять на встречу с одноклассниками и жену, но её мама в это время заболела и ей понадобился уход.

— Да уж, мне бы такую преданную жену, — прокомментировал рассказ майора всё тот же Павел Котов.

— А ты, Паша, женись на мне, — не выдержала Люда Горелова (по школе — Афанасьева). — Правда, при этом тебе придётся любить моих трёх дочерей и, соответственно, троих внуков. Пока троих.

Глава 3. Домохозяйка

После восьмого класса Люда Афанасьева пошла учиться в сельскохозяйственный техникум. Выйти замуж до его окончания, как ни старалась, не смогла, а поэтому оказалась в солнечной Грузии на отработке. Где её сразу же приметил один грузин, её ровесник. Вышла за него замуж. Жили душа в душу. В семье родились дети. Всё было прекрасно, пока на Земле существовал могучий Советский Союз. Когда он распался, работы у главы семьи не стало, а жена так и продолжала числиться у мужа как домохозяйка.

Когда верная жена намекала Вахтангу, что на старости может остаться без трудовой пенсии, тот с юмором отвечал:

«А я зачем тебе?» Она успокаивалась, не пытаясь устроиться на работу.

В начале девяностых годов двадцатого века муж уехал на заработки в Россию. Жена его домой так и не дождалась. Временно пришлось устроиться на работу на виноградник. Но когда появились внуки, дети попросили маму вернуться к своей прежней «профессии» домохозяйки. Она, финансируемая ими, с удовольствием согласилась. На встречу с одноклассниками на Украину поехала с тремя внуками, оставив их на время в доме своих родителей.

Взрослая жизнь Людмилы оказалась не столь интересной. Рассказ её не вызвал комментариев.

Глава 4. Бизнесмен

В самом начале встречи бывшая староста класса, отмечая в классном журнале прибывших одноклассников, обратила внимание, что цифры не сходятся: по журналу, получалось, прибыло пятнадцать человек, а при подсчёте по «головам» — семнадцать. Однако никакой ошибки не случилось, законы математики не нарушились. Всё оказалось значительно проще. Виктор Гуськов прибыл на встречу со своей личной охраной. Он в Питере являлся крупным бизнесменом, днём и ночью боялся за свою жизнь. Многие знают, какой беспредел по переделу собственности творился в период «лихих 1990-х годов».

— Как же ты, дорогой мой одноклассник, разбогател там, в России? — спросила Тамара. — У меня в городе на Неве дядя живёт. Так он на свои ваучеры ничего не смог приобрести, а ты, как я знаю, приобрёл ресторан, хлебопекарню, небольшой заводик? Как ты умудрился? Ты что, Витя, вор в законе?..

Не успела женщина договорить, как перед ней появился один из охранников:

— Эй ты, глупая женщина, немедленно извинись перед моим хозяином.

- Каким ещё хозяином?
- Хозяином жизни, Виктором Денисовичем Гуськовым.
- Ну-ка извинилась быстро, холопка! — вмешался в их разговор другой охранник.

Не выдержала Галина Леонова:

— Витя, убери с наших глаз этих двух «володавов» и, пожалуйста, убирайся и сам. Не порти нам вечер встречи.

— Ах, и ты туда же, — взбесился в прямом смысле слова первый охранник. — Ну-ка, обе встали на колени и извинились перед шефом.

После этого охранники схватили женщин, пытаясь их поставить на колени.

— Гриша, что же ты? — умоляла Галя.

— Не могу, рана может открыться. Прости!

— Коля, Саша, Олег, Юра, — продолжала Леонова, — что же вы молчите? На ваших глазах унижают женщин, ваших одноклассниц. Вы что, не видите?

На просьбу среагировал только один Юрий Яценюк, на встречу приехавший как сторож в школе. С его слов, разумеется. Мгновение — и оба хулигана вылетели в открытое окно. А «хозяин жизни» стоял на коленях и просил у потерпевших прощения. Потом Юрий вывел его на улицу, посадил в «Мерседес». Тот вместе со своими охранниками срочно покинул село. Яценюк же вернулся в класс под гром аплодисментов. Из числа аплодирующих одноклассниц так никто и не узнал, что с обидчиками разделался не простой школьный сторож, а офицер московского спецназа. Для отвода глаз он рассказал биографию своего родственника по линии жены, действительно работающего в школе сторожем.

Глава 5. Спортсменка

Успокоившись после случившегося ЧП, слово взяла Екатерина. Окончив институт по специальности «учитель физкультуры», она по распределению оказалась в одной из сельских школ Днепропетровской области. Но вскоре школу

променяла на профессиональный спорт, занявшись плаванием, которым увлекалась с первого курса в вузе. Несущий рядом свои воды Днепр способствовал этому. На республиканских соревнованиях студентка, она же спортсменка и просто красавица, познакомилась с пловцом-студентом, молодым человеком родом из Западной Украины. При отсутствии интернета и мобильного телефона переписывались по почте. На последних курсах, чтобы избежать распределения, поженились. Не знала только невеста, что она жениху нужна была не больше, чем соответствующая отметка в паспорте, чтобы не ехать «в дальние края». Получался классический фиктивный брак. Понятно, он вскоре распался.

Повторно Катя вышла замуж удачно.

— Опять мне не повезло, — улыбаясь произнёс Котов, — снова от меня убежала невеста.

— Не поняла, кто убежал? — переспросила Екатерина.

— Да ты и убежала. Зачем вышла второй раз замуж? Почему меня не дождалась? Жена от меня убежала, ты убежала. Не везёт мне в любви почему-то.

— Не грусти, солнышко, повезёт. Надеюсь, сегодня здесь ты найдёшь себе подружку жизни.

Глава 6. Водитель троллейбуса

Павел Котов с детства любил ездить. Сначала на деревянной лошадке, затем на детском велосипеде, потом на лошади верхом. В восьмом классе пятнадцатилетним гонял на мопеде по селу, пугая не только ворон, но и сельских девчонок. В армии выучился на водителя, а после службы пошёл учиться в Троллейбусное управление города, куда его пригласил жить сослуживец.

Начав работать водителем троллейбуса, стал внимательно присматриваться к кондукторам-девушкам. На одной из них остановился, вскоре женился. Но жена оказалась не той женщиной, которая пойдёт за мужем как «декабристка». В этом Паша убедился на третьем году семейной жизни.

Отработав вторую смену, он ехал в депо. Троллейбус двигался по широкой улице, вдоль которой росли не только тополя, но и кустарники. Ехал с разрешённой скоростью. Его кондукторша мирно дремала в салоне на заднем сидении. Вдруг водитель резко затормозил, девушка слетела с кресла вместе с сумкой на пол.

— Котов, ты что, сдурил, что ли? А если бы я головой о кресло ударилась? Тогда что?! — закричала кондуктор.

— Прости, Любаша, я вынужденно затормозил. Выйди и посмотри, старик-пешеход живой?

— Паша, ты о чём? Ты сбил человека насмерть? Ой, засадят тебя надолго. Придётся мне ездить с другим водителем.

Котов не ответил. Они вдвоём вышли из салона. Под троллейбусом лежал человек, на вид лет семидесяти. Пришлось вызывать милицию и скорую помощь. Но помощь тому не понадобилась: признаков жизни он не подавал.

Несмотря на то, что погибший сам виноват, ибо переходил улицу в неполюженном месте, уголовное дело по факту его смерти правоохранительные органы всё же возбудили. Подозреваемым признали Павла Котова.

Его жена, не дожидаясь окончания расследования, подала в суд иск о расторжении брака. Ответчик дал своё согласие, ибо давно уже подозревал о наличии у неё любовника немецкой национальности. Тот собирался уезжать на постоянное место жительства в Германию и звал любимую женщину с собой. Со своей женой, отказавшейся ехать, он оформил развод как положено. Павел, думая, что его посадят надолго, дал разрешение на выезд и сына, оставшись один наедине со своей судьбой. Однако, как показали дальнейшие события, судьба к Котову была благосклонной.

Уголовное дело против него прекратили за отсутствием состава преступления. Ехал он на разрешённой дорожными знаками скорости. Предотвратить дорожно-транспортное происшествие со смертельным исходом не мог, поскольку погибший старик неожиданно вышел из-за кустов перед

самым троллейбусом на проезжую часть вне пешеходного перехода.

Несмотря на это, Котов написал заявление на увольнение по собственному желанию. Незадолго до происшествия он получил от бывшей школьной старосты приглашение на встречу одноклассников в родную школу. Решил поехать. При этом собирался «убить двух зайцев»: и с одноклассниками встретиться, и решить свой личный вопрос.

Когда он поведал на встрече о своей судьбе, то ему вначале никто не поверил. Оно и трудно поверить, что человек, попавший в такую неприятную ситуацию, может шутить с бывшими одноклассниками. Особенно с одноклассницами. Они, разумеется, не знали и не могли знать, что приехал их бывший товарищ по школе с намерением остаться в родном селе, жениться второй раз, не возвращаясь в город. Родителей он давно похоронил, ибо считался у них поздним ребёнком. Потому и шутил, присматриваясь к бывшим одноклассницам. А пока он присматривался, те рассказывали о жизни после школы.

Глава 7. Жизнь после школы

Тамара, Света и Оля дружили втроём с первого класса. После выпускного восьмого класса вместе уехали в район поступать в медицинское училище. Поступила одна Света. Остальных подружек подвела биология. Но спасло домоводство. В итоге они стали учащимися кулинарного училища. После обучения в село вернулась только вновь испечённая медсестра Света. Подруг же оставили в городе, направив на работу в разные столовые поварами.

Первой вышла замуж Тамара – за одного настойчивого посетителя столовой, который приходил под видом позавтракать, пообедать и поужинать любоваться прекрасной поварихой. Но ходил только в её смену.

На свадьбе в помещении столовой гулял весь её персонал. Соглашаясь выйти замуж, девушка, к сожалению, не поин-

тересовалась, какой женой по счёту она у него числится. Оказалось, что третьей. Причины тоже не знала. Но она была «уважительной»: человек считался слишком влюбчивым. Своим взглядом не упускал ни одной красивой девушки или женщины. Когда его законной жене это занятие мужа надоело, она подавала на развод. Он женился снова. Эта печальная семейная участь постигла и Тамару.

Олю после окончания училища разыскал один молодой человек, с которым она познакомилась ещё в пионерском лагере. Как он её нашёл — осталось загадкой. Тогда сайта «Одноклассники» не существовало. Как и самого интернета. Сыграли свадьбу. Радовались своему счастью ровно пять лет. Больше не пришлось. Её Толик был большим рыбаком-любителем. Однажды он с рыбалки не вернулся. Вместе со своим другом детства. Оба утонули в реке. Как и подруга Тамара, Ольга замуж выходить во второй раз не стремилась, отдавая всю себя воспитанию сына.

Третья подруга Света вышла замуж за главного врача сельской больницы. Поначалу жили счастливо, воспитывали двоих детей. Тревогу она забила после того, как стала недосячиваться после смены наркотических средств. Стала выяснять, куда они деваются. Оказалось — в кабинет главврача. А когда там же стала находить и использованные шприцы, всё поняла: муж пристрастился к наркотикам. После его ареста за сбыт посторонним лицам наркотических средств брак расторгла в судебном порядке.

Выслушав женщин, Леонова «возмутилась»:

— Что у нас творится? Одни разведённые! Не годится! Есть ли среди вас замужние и женатые?

Из-за парты встали двое: супруги Меркуловы.

Глава 8. Счастливые супруги

Саша и Даша сели за одну парту в шестом классе, когда между ними вспыхнула неожиданно первая любовь. Оба закончили в соседнем селе десять классов. Вместе поехали

поступать в Сельскохозяйственный институт. Поступил один Александр. Но расстаться не смогли. Дарья устроилась в институт уборщицей. По окончании института выпускника Меркулова направили на отработку в Белоруссию. Невеста последовала за ним, устроившись в совхозе дояркой. Когда молодой специалист получил в селе жильё, поженились. После этого, как и до этого, никогда не расставались. На отдых на Кавказ ездили только вместе, и с детьми, разумеется.

На встречу бывших одноклассников приехали из соседней республики тоже вместе.

— Что-то я не поняла, — спросила Тамара, — а как вы уживаетесь так счастливо вместе: главный агроном и доярка? На твоём месте я бы, Даша, заставила Сашу перевести меня в правление совхоза, или... как там он сейчас называется?

— Нет, Тамара, ты не права, — последовал ответ. — Зачем мужу-руководителю создавать лишние проблемы? Он находится на хорошем счету на своём месте, я на своём.

Глава 9. Выбор невест

После этого рассказы о любви и личной жизни прекратились. Потому что желудки присутствующих просили кушать. Все дружно из класса направились в школьную столовую. Повеселев после ужина по понятной причине, мужчины и женщины отправились в спортзал, превращённый накануне специально для них в танцплощадку.

Белый танец Паша танцевал с Тамарой, присматриваясь к ней внимательно:

— Тамара, я люблю украинский борщ. Ты его по какой технологии готовишь?

— Где именно? В столовой или дома?

— Дома, разумеется.

— По своей.

— Как это?

— Что есть под рукой, то и кидаю в кастрюлю.

- И что в итоге получается?
- А кто его знает, кушать можно.

На следующий танец Котов уже сам пригласил Ольгу, продолжая задавать вопросы на тему приготовления обедов:

- Оля, я люблю салат «оливье», как ты его как готовишь?
- Молча!
- Это мне понятно. Но его можно кушать?
- Моя кошка съедает его, глазом не моргнув.

Паша также интересовался у подруг, смогли бы они вернуться в родное село из города, но получил одинаковый ответ: «Ты что, дружок, с ума сошёл?» Больше в тот вечер он с ними не танцевал. Они явно не подходили для семейной с ним жизни в селе, где родились и выросли. Хотя он им показался небезразличным.

Одноклассники вновь сели за столы. Надо сказать, что Паша первый раз пил только шампанское, ибо вообще спиртного не употреблял. Однако на этот раз кто-то из женщин (то ли Тамара, то ли Оля) с ним сыграли злую шутку, разбавив шампанское коньяком. Хотели, видимо, заставить его с ними снова танцевать. Но просчитались: ему стало плохо. Чтобы никто этого не заметил, он, никому и ничего не сказав, вышел на улицу. Выбрав скамейку на школьном дворе около двух «симпатичных» берёз, присел на неё. Однако это не помогло: становилось с каждой минутой всё хуже. И кто его знает, чем бы всё закончилось, если бы не неожиданная медицинская помощь.

Глава 10. Остался в селе

Светлана жила в доме своих родителей. Вернулась, после того как избавилась от мужа-наркомана. Боялась, что тот, отбив наказание, будет ей мстить (жили они в его доме). Дети уже выросли и находились в городе на обучении в высших учебных заведениях. Отца — участника войны — Света давно похоронила, а мама, хотя и часто болела, но держалась, боясь оставить дочку одну в большом сельском доме

с не меньшим личным подсобным хозяйством. Для ведения которого требовалась, понятно, мужская рука.

— Дочка, вышла бы ты за кого-нибудь замуж, — не раз говорила ей мама, — была бы тебе помощь. Я же не вечно буду жить.

— Что ты говоришь, мама? — отвечала Света. — Как это за кого-нибудь? Я уже один раз сделала ошибку в жизни. Повторять не хочу. А насчёт одной в доме... так я надеюсь, в него вернётся моя Зоя после окончания пединститута.

— А если не вернётся?

Ответа не последовало. «Что если мама права? — пронеслось у неё в голове. — Но где взять эту мужскую руку?»

Время было уже позднее, и Светлана решила сходить домой и измерить маме давление перед сном. Сообщила это Галине Леоновой как организатору встречи одноклассников. Та не возражала:

— Иди, Светочка, конечно, но возвращайся к нам. В конце вечера будем делать фото на долгую память.

Света обещала. Но ни она, ни бывшая староста не знали, что фото появится без неё, как и без Котова Павла.

Когда Светлана вышла, то на улице совсем стемнело. Тем не менее она заметила на скамейке у двух берёз лежащего человека. Сработал инстинкт медсестры: она быстро направилась к нему. Паша лежал на скамейке, правой рукой хватался за сердце. Медсестра, имея за спиной огромный профессиональный опыт, установила диагноз: гипертонический криз. С собой в сумке она всегда носила тонометр и необходимые лекарства для оказания первой помощи нуждающимся. Как только мужчине стало легче, Света обратилась к нему:

— Паша, тебе же с твоим давлением противопоказано шампанское.

— Я понимаю, но от шампанского мне никогда плохо не становилось. Кто-то подмешал в него коньяк, а я, не проверив, выпил.

— Не догадываешься, кто мог это сделать?

— Догадываюсь.

— Паша, не связывайся больше с ними. Им муж не нужен. Им нужен мужчина на ночь. Особенно когда находятся навеселе. Они просто хотели тебя напоить и переспать. Понимаешь?

— Что тут не понять, Света!

— Поэтому тебе больше возвращаться к ним нельзя!

— И куда же я пойду? В доме моих родителей — моём отчем доме — нынче живут чужие люди.

— Я знаю куда. Пошли со мной. Потихоньку.

— Куда это?

— В больницу для начала. Хочу, чтобы тебя осмотрел дежурный врач.

С таким диагнозом Павлу предстояла госпитализация. На этом настаивал врач. Однако медсестра, находящаяся в официальном отпуске, уговорила того разрешить «перенести» стационар к ней домой. Скорая помощь отвезла обоих к ней домой. Больше всего появлению больного в доме обрадовалась мама Светы:

— Наконец-то, дочка, ты меня послушала?

— Не говори глупостей, мама. Это просто больной. Он мой бывший одноклассник. На встрече в школе ему вдруг стало плохо. Я его отправила в больницу, но там свободных мест не оказалось. Пришлось временно его забрать для лечения ко мне домой.

Мама ничего понять не могла, но когда увидела улыбку на лице стоящего рядом больного, всё поняла. Больше вопросов не задавала.

Поскольку тому требовался свежий воздух, они с дочкой просидели до утра на крыльце дома, вспоминая школьные годы. Когда над селом стало всходить солнце, Паша снова почувствовал себя здоровым человеком. Тёплая ночная беседа, перемешиваемая с поцелуями, его полностью вылечили. Сбылись пророческие слова одноклассницы Екатерины: Павел нашёл себе подругу жизни и навсегда остался в родном селе.

Эпилог

Прошло десять лет. Собраться вновь, как обещали, бывшие одноклассники не смогли. Ушла к тому времени преждевременно из жизни организатор прошлой встречи, бывшая староста класса Галина Солнечная (по мужу — Леонова). Никто больше не взял на себя функцию организатора. Хотя в селе и продолжали жить одноклассники Паша и Света Котовы. Однако Светлана продолжала ухаживать за престарелой мамой, ей было не до встречи с одноклассниками. Что касается Павла, то он в отличие от жены не обладал организаторскими способностями.

РОДОМ ИЗ СЕЛА

Повесть

Глава 1. На призывном пункте

На сборном призывном пункте областного центра майским солнечным днём негде яблоку было упасть. Несмотря на выходной праздничный день. Одна из групп призывников, предназначенных для пополнения воинской части за Уралом, дожидалась оттуда офицеров-связистов. Последние задерживались по неизвестной причине. Когда ребятам надоело ждать с утра своей отправки, они пошли жаловаться «кому следует». Все они приехали, вернее, их привезли из города. Многие окончили училища. Но поскольку в 1975 году моды отлынивать от армии не существовало, они и оказались в этом месте. Тем более что уже несколько лет в сухопутных войсках вместо трёх служили два года. Не считая, разумеется, морфлота.

Под вечер «жалобщики» уже ехали в поезде и под стук вагонных колёс думали: правильно ли они поступили,

не дождавшись отправки к связистам? Ехали, со слов сопровождавших их двух старших лейтенантов, в Подмоскovie. О том, что офицеры везли их в стройбат, пока не догадывались. Жалеть станут потом. Как и поймут, что жаловаться в армии себе дороже. Это во время учёбы в профессионально-технических училищах и техникумах они могли жаловаться хоть каждый день на кого угодно. Без особых последствий. Одним словом, ехали ребята в буквальном смысле слова в неизвестность. В поезде же встретили и рассвет следующего дня.

А в это время на территорию сборного пункта входили два офицера с эмблемами связистов. Опоздали к назначенному сроку майор Кондратьев и старший лейтенант Демьянов по уважительной причине. О которой они доложили по прибытии начальнику пункта. Оказалось, в пути следования в поезде им пришлось вмешаться в драку между сержантами-пограничниками и рядовыми внутренних войск. Все шестеро относились к так называемым дембелям, отслужившим свой срок и возвращающимся домой. Причиной драки послужило то обстоятельство, что уволенные в запас солдаты с красными погонами после третьей рюмки водки без хорошей закуски «перепутали» ребят в зелёных погонах со своими заключёнными, которых приходилось охранять в колонии строгого режима. На ближайшей железнодорожной станции офицеры сдали хулиганов в военной форме в комендатуру. После разбирательств комендант посадил их на другой проходящий поезд, но... уже не скорый.

Начальник сборного пункта, внимательно выслушав майора, очень сожалел, что пошёл на поводу у буйных призывников и отправил их с другой командой.

— Что за причина вас заставила сделать это? — спросил Кондратьев.

— Уж больно хулиганистые ребята попались. Несмотря на запрет употреблять спиртные напитки, употребили малость. А ведь хмель ещё у них не выветрился после проводов в армию родственниками. Так-то они, конечно, вам

подходили. Некоторые окончили радиотехнические училища и техникумы. Мы готовили их для вашей воинской части. Однако из-за вашего опоздания их «увели» у нас подмосковные офицеры. Там строится военный городок и надо строить срочно жильё офицерским семьям.

— Так они же не имеют строительных специальностей.

— Вы правы, эти не имеют. Но у других они есть. Мы их включили дополнительно. Если вы хорошо представляете стройку, то она никак не может обходиться без так называемых чернорабочих.

— Бери больше, кидай дальше?

— Вот именно.

— Что же вы теперь нам предложите?

— Пока — ничего. Придётся маленько подождать. Пока подвезут из городов области призывников. Сейчас у нас остались только призывники из сельской местности. Нот село есть село, что с них взять? Одним словом, деревня.

Последние слова здорово обидели майора, родившегося и выросшего на селе. Он на мгновение представил своё сельское послевоенное детство. Как они с мальчишками играли в войну в окопах, ещё не заросших травой, как он, десятилетний «связист», тянул из-под земли телефонный провод, как пытался с ребятами говорить по разбитому полевому аппарату, как долго слушал в зимние долгие вечера рассказ отца, фронтовика-связиста, прошедшего всю войну, — всё это заставило его сына в своё время пойти учиться в военное училище на связиста. Теперь же оно заставило и рискнуть, забрав к себе призывников из села.

— Я ведь тоже, дорогой товарищ, родом из села, — ответил Кондратьев. — Вы знаете, я возьму этих ребят к себе. Готовьте документы.

— Я не против, — отвечал хозяин сборного пункта. — Вам виднее. Служить-то полных два года они будут не у меня, а у вас. Забирайте необходимое количество. Хотите — и всех.

— Всех нам со старшим лейтенантом не надо. Мы отберём, кого надо. Приглашайте по одному.

В кабинет зашёл, оглядываясь по сторонам, абсолютно трезвый призывник Белов. «Уже неплохо», — подумал майор, вспомнив слова начальника пункта о том, что предназначенные в их часть городские призывники «употребили малость».

— Слушай, Коля, — обратился к нему Кодратьев, — ты в армии хочешь служить связистом?

— Хочу, Кирилл Петрович!

— Не понял, Белов, откуда меня знаешь?

— Пять лет назад вы к нам приезжали в область в дни проведения областной пионерской игры «Зарница». Выступали перед нами. Поздравляли наш пионерский отряд с победой. Тогда, правда, у вас на погонах имелись маленькие четыре звёздочки, а не одна большая, как сейчас.

Майор несколько секунд вглядывался в лицо призывника, потом встал с места, подошёл к Николаю, обнял его и произнёс:

— Как же не помнить, Коля? Конечно, помню. Твои «боевые товарищи» по «Зарнице» случайно не с тобой на призывном пункте?

— Случайно, Кирилл Петрович, со мной. К сожалению, девчонок нет. По понятной причине. Их в армию не берут, как мальчишек.

— Веди меня к ним, Коля.

Глава 2. В поезде

На Урал поезд добирался пару суток. С первых же минут знакомства майор понял, что из этих призывников получатся настоящие солдаты-связисты. Это ему подсказал внутренний голос.

— У нас времени много, ребята, — предложил офицер, — давайте знакомиться.

Первым начал рассказывать о себе Николай Белов. Родился он в год сорокалетия Великого Октября в одном из поволжских сёл. Населённый пункт находился в пяти

километрах от районного центра и в двадцати пяти — от областного. Однажды они с другом уехали в летнюю жаркую пору на велосипедах в соседнее село купаться на речку. Возвращались, когда стемнело. В итоге заблудились в лесу. Дома его ждала больная бабушка и родители. Если бы внук не вернулся домой вечером, то бабушку мог настигнуть второй инфаркт. Но как ей сообщить о проблеме?

Пока два друга думали-гадали, впереди увидели свет от керосиновой лампы в окошке какой-то избушки. Она принадлежала леснику. Постучали, зашли. Объяснили причину.

— Я бы вас, ребята, вывел из леса, — сказал пожилой лесник, — или попросил внучку, но не могу. Она сильно заболела, лежит в кровати с утра, боюсь одну оставить. Но выход, друзья мои, кажется, есть. При одном условии. Кто из вас дружит в школе с физикой?

— Коля, я троечник, — ответил его друг.

— Не понял, а при чём тут физика? — спросил подросток.

— Видите ли, внук моего друга-фронтовика подарил как-то списанную в милиции рацию. С её помощью я сообщал в милицию о браконьерах или в пожарную часть об очагах пожара. Но несколько дней назад случилась какая-то поломка, и рация замолчала. Сможешь починить — сообщим вашему участковому инспектору, а он предупредит твою любимую бабушку. К утру, думаю, внучке полегчает, и я выведу вас из леса. Сами вы с велосипедами не выберетесь.

— Электромагнитные волны мы изучали, но дело с радиостанцией я не имел. Не знаю, справлюсь ли?

— Коля, попробуй, у тебя же по физике пять с плюсом, подумай о своей бабушке, — вмешался в разговор друг.

Закрыв глаза, подросток стал припоминать уроки по физике. После этого приступил к поиску причин неисправностей рации. Спустя час тишину в избушке лесника нарушили два чужих голоса: дежурный райотдела милиции давал ориентировку участковым инспекторам о пропаже двух подростков в одном из сёл.

— Не вас ли, ребята, ищут? — спросил лесник.

— Пока не поняли, дедушка, — ответили одновременно два друга.

Они поняли, когда услышали свои фамилии и имена.

— Молодец, Коля, быть тебе во взрослой жизни связистом, — похвалил его лесник и, настроив рацию на передачу, сообщил в милицию о местонахождении разыскиваемых школьников.

Рано утром к избушке лесника подъехал на мотоцикле участковый инспектор. После этого подросток стал увлекаться радиотехникой.

Увлекаться телефонной связью в школьные годы начал и Никита Тимофеев. Правда, причина для этого у него имела другая: влюбился.

Как известно, в советские времена жители городов на время летних каникул отправляли своих детей «на деревню дедушке с бабушкой». Но встречались случаи и другого плана: из села школьники ехали отдыхать в город.

Шестиклассника сельской школы Тимофеева папа с мамой первого июля торжественно проводили в город к бабушке, проживающей в центре в хрущёвке на пятом этаже. Бабушка Вера проживала одна, так и не дождавшись мужа с фронта. Единственный сын с женой и сыном проживали в селе, периодически приглашая к себе родственницу. Но получали отказ.

Вечером первого же дня пребывания в городе Никита, хорошо поужинав, вышел на балкон любоваться достопримечательностями. Бабушка легла отдыхать. Вдруг с балкона третьего этажа зазвучала громко музыка.

— Внучек, крикни этой Тоньке, пусть поубавит звук, а то я её радиолу выброшу с балкона, — строго приказала Вера Игнатьевна

— Кто такая Тоня? — поинтересовался подросток.

— Внучка моей бывшей подруги.

— Почему, бабушка, бывшей?

— Да поругались мы с ней из-за её внучки.

Больше вопросов внук не стал задавать, а, нагнувшись со своего балкона, крикнул: «Тоня, моя бабушка просит тебя сделать тише музыку, она отдыхает». В ответ звук ещё больше усилился. Потом притих. С балкона выглянуло прекрасное личико с улыбкой до ушей:

— Прости, дружок, но моя бабушка плохо слышит и просит сделать громче. И как мне быть?

— Выходи, Тоня, на улицу, разберёмся.

Устоять против неземной красоты своей сверстницы Никита не смог: влюбился не на шутку. Та ответила взаимностью, которая, понятно, закончилась поцелуем на скамейке во дворе дома под тополями. Бабушка девчонки хоть и слышала плохо, но видела без очков очень далеко. Разумеется, при этом не могла не заметить с балкона, с кем сидит и целуется её любимая внучка:

— Тоня, заканчивай это безобразие и возвращайся домой. Больше без моего разрешения вечером на улицу не выходи.

Подростки целоваться перестали, но не спешили расходиться. Через пару минут раздался с балкона пятого этажа другой голос:

— Никита, ты что хорошего нашёл в ней? В нашем доме есть девчонки лучше. Возвращайся немедленно домой.

Когда они зашли в подъезд, Тоня сказала с грустью:

— Всё, дружок, наши бабушки, пока не помирятся, встречаться и разговаривать нам не позволят.

— Неужели нет выхода из этого положения? — поинтересовался друг у подруги.

— Есть, но он мало осуществимый.

— Какой же?

— Можем разговаривать ночью, когда наши бабушки крепко спят.

— Ага! Во сне! Замечательно!

— Я не шучу, Никита. Несколько лет назад мой крёстный подарил мне телефонный аппарат, но телефона нам до сих пор так и не подключили. Как и твоей бабушке. Она тоже

купила, насколько я знаю, телефонный аппарат. Говорят, если их соединить с умом, то можно разговаривать. Ты — на пятом этаже, а я — на третьем. Я девчонка, в этом не разбираюсь, но ты же мальчишка, должен сообразить, что и как сделать.

Никита сообразил. И до самого окончания летних каникул по ночам он разговаривал со своей первой в жизни любовью. Именно она заставила его проявить смекалку. После этого в школе у него любимым предметом стала физика. Вот только первая любовь продержалась недолго. У него, как и у Тони, со временем появилась вторая любовь. В лице соответственно своих одноклассницы и одноклассника. Ходили бы в одну школу — возможно, этого и не случилось бы.

Выслушав двух призывников, майор спросил: «Ребята, есть ли среди вас ещё любители радиотехники?» Ответа не последовало. «Впрочем, — продолжал офицер, — мне и двух хватит».

Глава 3. Командир взвода

После месячного карантина и принятия присяги Белов попал в первую роту, Тимофеев — в третью роту, во второй взвод, которым командовал лейтенант-двухгодичник Демидов, недавний выпускник института связи.

Для молодого лейтенанта во взводе поначалу все являлись одинаковыми, никого особо не выделял по службе. Пока в его подчинение не поступил рядовой Тимофеев. Произошло это чисто случайно: на учениях именно этот солдат своей смекалкой вывел не только взвод, но и всю роту в число лучших в батальоне. После этого Степан Сергеевич, всего на несколько лет старше, стал «по-отечески» опекать Никиту. На зависть сослуживцам последнего.

Прошло полгода. Рядовой Тимофеев, получив из родного села сразу два письма, сидел в казарме (за окном уже лежал снег) и читал их после ужина. В тот день дежурным по части был лейтенант Степан Демидов. Не мог он, разумеется,

не зайти и в родную роту. Прочитав письмо от мамы, солдат приступил к чтению письма от двоюродной сестры Клавды.

«Привет, брат, как поживаешь? Как служба? Как настроение? — читал Никита. — Прости, но сейчас я тебе его маленько испорчу. Твоя бывшая одноклассница Галя собралась замуж за какого-то практиканта в колхозе. Забудь про неё, дружок. Вернёшься из армии — мы тебе другую невесту найдём. Я уже одну приезжую присмотрела. Как, впрочем, и твоя мама...»

Читая это письмо, рядовой не заметил, как из него выпала на пол фотография. Подошедший взводный молча её поднял и начал рассматривать. Потом отдал фото в руки адресату:

— Тимофеев, ты почему роняешь такую прекрасную девушку на пол? Хорошая невеста!

— Во-первых, она не моя невеста, а двоюродная сестра, во-вторых, ей пока не до невест: заканчивает педагогический институт и тянет на красный диплом.

— Ничего страшного, я подожду. Подари-ка мне её фото. А заодно сообщи и адрес.

— Да, пожалуйста!

Улетела незаметно зима, а за ней — весна, наступило лето. Демидов пригласил к себе Тимофеева (уже ефрейтора):

— Слушай меня, Никита, внимательно. Я собираюсь с первого июля ехать в отпуск, хочешь со мной поехать?

— Шутите, товарищ лейтенант?

— Нисколько.

— Тогда я вас не понимаю...

— Что тут не понять, я родился и вырос в городе, в селе никогда не бывал. А хотелось бы. Вот ты, Тимофеев, мне и покажешь сельскую жизнь.

Только теперь солдат понял, что от него хочет командир. Заулыбавшись, спросил:

— Что, товарищ лейтенант, понравилась вам моя двоюродная сестра?

— Какой ты, однако, догадливый, солдат.

— Стараюсь, товарищ лейтенант.

- Она вам, простите, пинка не даст?
- Думаю, если ты мне поможешь, то нет.
- Не понял.
- На, читай, только вот отсюда и досюда.

Никита стал читать: «Простите меня, Степан. За время обучения в институте я столько раз ошибалась в своих однокурсниках, что боюсь снова ошибиться. В июне я заканчиваю институт. Благодаря моему будущему красному диплому я не поеду на край света отрабатывать, а в июле вернусь в родное село учительницей. Приезжайте и Вы, поговорим. Но заодно привезите в отпуск моего двоюродного брата Никиту».

- Ну что, ефрейтор, дошло наконец-то, что мне от тебя надо? — спросил, улыбаясь, взводный.
- Кажется, дошло, товарищ лейтенант, но...
- Что ещё за «НО»?
- Вам двадцать три года, мне — девятнадцать. У меня и то была невеста со школьной скамьи. Неужели у вас не было? Особенно во время обучения в вузе.
- Была, Никита, да сплыла.

После этого Демидов замолчал, на него нахлынули воспоминания из студенческих лет.

...До третьего курса института Стёпа не обращал внимания на своих однокурсниц, всё своё время посвящал учёбе, в том числе на военной кафедре. В этом он выглядел не одиноким: заводить студенческие семьи на начальных курсах было не принято. Потому что большинство студентов и студенток жили в общежитии. Ближе к окончанию обучения такие семьи стали появляться. Но только состояли они не из одних студентов. Парни женились на местных городских девушках, а их сокурсницы искали женихов тоже среди местных парней. Никто не горел желанием в приказном порядке уезжать на три года за пределы области, в которой находился институт. Это не пугало только двух студентов из группы, в том числе и Демидова. Им бояться трёхгодичной отработки не приходилось, ибо, окончив институт

с военной кафедрой, они уходили по контракту на два года в армию лейтенантами.

Выяснив это обстоятельство, однокурсница Татьяна стала клеиться к Степану. Последний ответил взаимностью. Собирались пожениться. Невеста пригласила жениха к своим родителям, проживающим в небольшом городке. Посещение будущих тестя и тёщи совпало с днём рождения их дочери.

Вечер находился в разгаре, когда неожиданно в квартире появился сосед Аркадий, коллега отца Татьяны по работе. Ему налили «штрафную» рюмку, потом – вторую. В итоге у того язык начал развязываться. Попытки дочери хозяев прекратить, по её словам, болтовню с пьяных глаз ни к чему не привели. Студент-жених сидел слушал молча, но не мог понять, о ком идёт речь. Имени той девушки, о которой говорил сосед, не называлось. Вмешалась будущая тёща:

– Ты, зятёк, пей, закусывай, не обращай внимания на этот соседский бред. Он, когда выпьет, любит рассказывать о своих несуществующих любовных подвигах. Потому к своим сорока годам и не женился.

После этих слов она попросила соседа удалиться к себе в квартиру. Тот просьбу выполнил, ушёл. Жил он на одной площадке с родителями Татьяны. Когда вечеринка закончилась, её мама постелила постель в комнате дочери. На двоих. Как же она удивилась, когда будущий зять отказался спать вместе с невестой, заявив при этом, что это мероприятие состоится после свадьбы в первую брачную ночь. Если бы не болтовня соседа, то он после двух рюмок водки, скорей всего, не отказался бы переспать со своей будущей женой. Однако слова постороннего, как говорят, задели его за живое. «Что-то Татьяна от меня скрывает... – пронеслось не один раз в его голове. – Но что именно?»

Одним словом, невеста ушла спать в комнату папы с мамой, а жених лёг в её кровать. Выключили свет. Квартира до утра уснула крепким сном. За исключением одного жильца. До часу ночи Степан так и не уснул. Он поднялся с постели, зашёл на кухню, взял одну из недопитых бутылок

водки и тихонько вышел на лестничную площадку. Нет, пить на ней он не собирался. Подошёл к двери соседа, толкнул её и... оказался в однокомнатной квартире знакомого ему уже соседа. Тот, сидя за кухонным столом, мирно дремал.

Разбудив его, гость предложил выпить за знакомство. Хозяин квартиры с радостью согласился. Выпили, разговорились по душам. Не зря говорят в народе: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Короче, язык соседа невесты поведал ему то, от чего у него волосы стали дыбом.

Не желая ехать после института куда-либо, кроме родного города, студентка Григорьева Татьяна решила женить на себе двадцатилетнего сына его друга. Сходили в ресторан, погуляли там хорошенько, потанцевали, по дороге нацеловались до упаду и, воспользовавшись отсутствием родителей сына (уехали в отпуск), переспали. Пока хмель из головы «жениха» не улетучился, он клятвенно обещал жениться, если «невеста» забеременеет после весёлой ночи. Когда же Татьяна спустя определённое время принесла тому справку о беременности, «жених» бесследно исчез в неизвестном направлении. Врачи же делать аборт запретили. Имелись серьёзные противопоказания. Родители, узнав о «беде» дочери, советовали срочно женить на себе какого-нибудь бедного «студентика» из своей или параллельной группы. Выбор пал на Демидова.

Степан дал честное слово, что ни при каких обстоятельствах не выдаст соседа. Слово своё сдержал. Вернувшись обратно в квартиру «невесты», он лёг в постель как ни в чём не бывало. Проснувшись утром, покинул «гостеприимную» семью, сославшись на необходимость навестить своих родителей в соседнем городе.

Встретившись в институте после возвращения из поездки, однокурсник объявил Татьяне, что его мама подыскала ему невесту в своём доме. Этот обман спас его от бесчестия. Его же студенческая невеста не пропала, вышла замуж за молодого преподавателя...

Глава 4. В отпуске

Приближалась дата начала отпуска лейтенанта Демидова, но неожиданно возникла проблема с отпуском ефрейтора Тимофеева. Накануне случился конфликт между последним и его командиром отделения сержантом Денисом Дудиковым. Сержант требовал от подчинённого привезти ему пять пачек сигарет и бутылку коньяка. Как компенсацию за отпуск, против которого он возражал. Командиру же роты Дудиков изложил иную причину конфликта, заявив, что ефрейтор его приказы игнорирует и подчиняется напрямую командиру взвода. Пришлось взводному идти за помощью к начальнику штаба батальона. Узнав, кого обижают, майор Кондратьев нашёл выход из положения. Он подготовил приказ за подписью командира батальона о присвоении ефрейтору Тимофееву очередного звания младший сержант с назначением командиром отделения, в котором тот служил. А Дудикова приказом перевели в другую роту.

Ротный согласился с такой перестановкой, ибо не боялся конкуренции со стороны командира взвода, не являющегося кадровым военным в отличие от него самого. Во-вторых, он прекрасно знал, что тот считал месяцы до увольнения в запас, продлевать свой контракт не собирался. Знал и причину: влюбился заочно (с помощью фото) в очаровательную «студентку, комсомолку и просто красавицу».

Как бы там ни было, но первого июля лейтенант с младшим сержантом отправились на поезде в отпуск. В родное село Тимофеева и его двоюродной сестры Клавы.

Июльское ласковое солнце уже заходило за селом, когда приезжие сошли с автобуса на его окраине.

— Вот тут мы и живём, товарищ лейтенант, — радостно произнёс Никита, глядя на раскинувшееся внизу и утопающее в зелени садов село.

— Да уж, неплохо вы устроились, — отвечал попутчик.

Если Клава ждала приезда в указанное время прибывших гостей, то для родителей сержанта его появление во дворе дома, да ещё в сопровождении молоденького офицера, явилось полной неожиданностью:

— Ой, сынок, — расплакалась мать, — ты что натворил? Почему тебя сопровождает этот подполковник?

Гости рассмеялись, как и отец парня, который служил в армии и поэтому не мог спутать две маленькие звёздочки на погонах лейтенанта с двумя большими у подполковника. Мать же видела погоны офицерские только в кино.

Когда же сын объяснил, что лейтенант зашёл к ним, чтобы поздороваться и проведать родителей своего сержанта, что он в селе проездом, те успокоились, но начали накрывать на стол по случаю приезда сына в отпуск. Его взводного командира, понятно, никуда не отпустили. Пятнадцатилетней дочери Нине велели бежать и позвать по такому случаю сестру мамы с её дочерью Клавой. Муж сестры несколько лет назад умер после инсульта.

Никита взглянул на своего командира. Тот находился в полной растерянности: не так он собирался встретиться с понравившейся девушкой. Когда же сержант мигнул, что означало «всё будет замечательно», лейтенант пришёл в себя. Никто в селе, кроме них и Клавы, не знал цель приезда такого гостя в погонах. На это Никита и рассчитывал.

Стол накрыли словно скатерть-самобранку из сказки, но Нина с Клавой не появлялись. Вдруг открылась калитка, и... в неё зашла одна девчонка, сообщив всем:

— Мама, папа, Клава сейчас не может прийти. Её мама приболела, вызвали врача. Она подойдёт, когда освободится.

Далее началось само мероприятие. Луна уже взошла на небе, а праздничный стол во дворе никто не покидал. Ждали Клаву. Не дождались. По уважительной причине: её маму отвезли ночью в сельскую больницу, там до утра с ней осталась и дочка.

Под утро мама Никиты постелила гостю постель, но он в такую жаркую пору отказался спать в доме. Как и вообще

отказался спать. Человек-то военный, привыкший ко всему. Прямоком направился на речку купаться и загорать. К нему присоединился и Никита. Вскоре они оба уснули на песочке в тенёчке.

А в это время Клава возвращалась из больницы. Маме стало лучше, и она отпустила дочку домой. Чтобы скоротать время, девушка пошла не асфальтированной дорогой, а тропинкой, как змейка вьющейся вдоль речки. Первым заметила спящего двоюродного брата, кто был рядом, тоже заметила и узнала: Степан ей выслал своё фото. Не зная, как поступить, она присела на песок рядом с Никитой, не желая его будить. Не заметила, как сама уснула после бессонной ночи.

Первым проснулся лейтенант, потом и сержант. Хотя звания тут не имели значения: они на речку пошли не в форме.

— Что будем делать дальше? — спросил шёпотом Демидов.

— Берите, товарищ лейтенант, её на руки и пошли. Тут недалеко уже и её дом.

Степан бережно взял девушку на руки, и они пошли в указанном направлении. Зайти в дом бесшумно, оставить там Клаву и уйти незаметно не получилось. Помешал пёс хозяйки. От знакомого лая та мгновенно проснулась, не понимая, правда, где находится.

— Приветик, сестрёнка, — обратился к ней Никита. — Мы посчитали, что тебе лучше будет спать дома в кроватке, чем на берегу речки.

— Вы правильно посчитали, — освободившись из рук гостя, ответила она.

В разговор вмешался Степан:

— Слушай, Никита, может, пойдём ещё позагораем, а Клава пусть поспит до вечера.

— Ага, нашли дурочку! Уснёт теперь ваша Клава, сейчас я вас буду кормить.

Слушая незнакомую девушку (не считая знакомства по письму), Степан всё больше влюблялся в это милое созда-

ние. Больше всего боялся, что этот «сон» скоро закончится и он в очередной раз останется ни с чем.

После обеда гости всё же уговорили хозяйку поспать, а вечером встретиться на танцплощадке.

Наступил вечер. В селе зажглись огни. На танцплощадке наблюдалось не так уж и много посетителей. Село есть село. В нём всегда найдётся работа независимо от того, какой день на дворе: будничный или выходной. На танцы лейтенант пошёл один, Никита остался дома, сославшись на усталость. Однако причина отказа состояла в другом: девушка, которую мама Никиты приготовила ему в качестве новой невесты, не захотела в первый же вечер знакомства идти с женихом в люди.

Кто-то додумался включить в самом начале белый танец. Видимо, какая-то девушка уговорила ответственного на танцплощадке. Степан в парадной форме с золотистыми погонами стоял в сторонке, разыскивая взглядом Клаву. «Неужели не появится?» — подумал он. «Что, лейтенантик, загрустил, никто тебя на танец не приглашает? Тогда это сделаю я», — отчеканила молоденькая блондинка лет девятнадцати. Не успел он ей ответить, как из-за спины появилась Клава:

— Иди-ка, Зойка, приглашай лучше своих сверстников. Старших не трогай.

И они оба закружились в танце. С каждой секундой танцующих пар становилось всё меньше, ибо они присоединялись к тем, кто любовался в сторонке завораживающим танцем молодого красивого лейтенанта и не менее красивой девушки. Кто он и откуда его взяла их односельчанка — никто из присутствующих на танцплощадке не знал. Кроме, разумеется, её самой и Степана.

Как всё хорошее когда-то заканчивается, закончились и танцы. Что делать дальше, молодые люди не знали. До утра они сидели на берегу речки, на том самом месте, где встретились. Ночь пролетела в объятиях и поцелуях. До «более интересного» дело у них не дошло. Не только потому, что

на берегу они находились не одни. Присутствовали там, дожидаясь рассвета, и другие влюблённые пары. А потому, что мораль молодёжи советских времён отличалась от морали двадцать первого века.

Через три дня, когда маму Клавы выписали из больницы и она их благословила на будущий брак, они уехали к родителям Степана. Те дали своё согласие на брак. Но только после того, как жених отслужит в армии. Невеста согласилась.

По окончании краткого отпуска Тимофеев добирался в свою воинскую часть, таким образом, в одиночку.

Уехал в часть после окончания своего отпуска и лейтенант Демидов, не зная, какое чрезвычайное происшествие случилось во взводе за время его отсутствия.

Глава 5. ЧП

Денис Дудиков, несмотря на то, что был родом из села, ушёл служить в армию после окончания техникума. Из всего класса он оказался один «такой умный». Основная масса одноклассников после восьмого класса продолжила обучение в девятом в школе соседнего села. Некоторые поступили в профессионально-технические училища. Понятно, что с корочкой техникума военкомат направил его в сержантскую школу. Многие призывники-земляки ему завидовали. Хотя не все догадывались, что таким успехом в жизни он был обязан своему отцу, председателю сельсовета. Именно благодаря папе сын и «заболел» такой болезнью, как «вседозволенность». От его наглости и высокомерия страдали сначала воспитанники детского сада, потом одноклассники, затем и однокурсники по техникуму. Всегда и везде всё ему сходило с рук. А вот во время службы в армии не сошло. Если его односельчане-призывники вернулись домой спустя два года, то родное село увидело его значительно позже.

Отмечать свой очередной день рождения в армии Дудиков не хотел, требовал дать ему кратковременный отпуск домой после года службы. Не получилось. На его пути встал

майор Кондратьев. Уж слишком много жалоб поступало ему на действия этого командира отделения. В конце концов вышел приказ о его разжаловании в рядовые. Подчинённые солдаты не могли нарадоваться. Более того, по их настойчивой просьбе рядового Дудикова вернули в прежнюю роту, в своё бывшее отделение. Где командиром являлся младший сержант Тимофеев.

К этому времени в отделение поступили два новобранца. За невыполнение указания командир отделения объявил Дудикову наряд вне очереди после ужина. Утром, после подъёма, Тимофеев заметил у одного молоденького солдата синяки под глазами. Стал выяснять. С его слов, тот полусонный ночью вставал в туалет и не разминулся с открытой дверью в него. Придраться вроде не к чему. Но всё выяснилось ближе к обеду, когда пришлось срочно опрашивать этого солдата сначала в санбат, потом и в госпиталь. По причине сотрясения мозга и открывшегося внутреннего кровотечения. Спасти жизнь пострадавшему не удалось.

Оказалось, получив наряд вне очереди, бывший сержант и не думал его выполнять, а решил заставить сделать это двух новеньких. Один, не отличающийся храбростью с рождения, согласился исполнить незаконное требование беспрекословно, другой – отказался и получил два удара в лицо. За что военный трибунал и отправил преступника в места, не столь отдалённые. Кто знает, может быть, удары и не причинили бы такого вреда, если бы их нанёс человек, никогда не занимавшийся боксом. Дудиков же им занимался до армии.

Когда лейтенант Демидов вернулся из отпуска, то нашёл другого командира роты. Именно прежний оказывал покровительство Дудикову. В ходе служебного разбирательства выяснились дальние родственные связи осуждённого по линии жены командира роты.

Комиссия хотела привлечь к дисциплинарной ответственности и командира взвода за якобы отсутствие воспитательной работы с личным составом, но комбат с подачи

начальника штаба Кондратьева отклонил это предложение. Во-первых, взводный находился в это время в отпуске, во-вторых, руководство батальона полностью возложило вину за случившееся на командира роты. Хотя вынуждено было и наказать в дисциплинарном порядке командира отделения Тимофеева.

Эпилог

До самого конца службы на душе у Демидова оставалась горечь от того, что он не смог предотвратить трагедию в своём взводе. Увольняясь в запас, он поехал сразу не домой и не к невесте Клаве, а посетил родителей погибшего солдата, возложив цветы на его могилу. Что касается младшего сержанта Тимофеева, то он решил искупить свою частичную вину другим способом: написал заявление о поступлении в военное училище связи. Комбату и начальнику штаба свою просьбу мотивировал тем, чтобы в качестве кадрового офицера не допустить больше того, что случилось в его отделении. Ему пошли навстречу. По окончании училища он попал служить в ту же часть и роту, где служил рядовым и младшим сержантом. К нему приехала и та девушка, которую ему рекомендовала мама как невесту. Теперь она стала женой офицера.

Что касается лейтенанта Демидова, то у него после службы всё сложилось как нельзя лучше. Остался жить в селе с Клавой. Вскоре колхозники единогласно избрали его председателем колхоза. Он не был родом из села, но стал сельчагином по стечению обстоятельств. Так в жизни иногда случается.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Рассказ

Прозвенел звонок на перемену. К тому времени учительница литературы подвела итог изучению романа Лермонтова «Герой нашего времени». Однако споры среди учащихся по «Фаталисту» так ни к чему и не привели. Спор вызвали слова Печорина «Вы нынче умрёте», сказанные Вуличу. Последний, как известно, и на самом деле умер в тот же вечер. Татьяна Михайловна была в этом классе ещё и классным руководителем. Она предложила перенести спор на классный час, который по расписанию должен состояться завтра. На классный час приглашался известный в городе журналист Попов, но он сообщил, что уезжает в служебную командировку.

— Ребята, спросите своих родителей, бабушек и дедушек, знают ли они случаи, когда предсказание конкретному человеку сбылось или не сбылось? А завтра нам расскажите. Без фактов спорить бесполезно.

На следующий день на классный час, заинтересовавшись его темой, пришёл и сам директор школы.

Первым начал свой рассказ Витя Тарасов. Его он услышал от бабушки.

Прадедушка Вити в 1970-е годы жил с прабабушкой в селе, находился на пенсии, но продолжал работать в колхозе конюхом. Он любил лошадей: в Гражданскую войну воевал в Первой конной армии Будённого.

Как-то в знойное лето в село заехали цыгане. Предсказывать судьбу не все цыганки умели, но тем не менее очередь сельчан к ним на гадание выстроилась длинная. Не оказался в стороне и Тарасов. Цыганское гадание, разумеется, не считалось благотворительностью, а стоило денег. Прадедушка тоже приготовил денежки, но, к его огромному удивлению, гадалка их не взяла.

— За плохую новость я денег не беру. Тебя погубят лошади. Ты умрёшь.

— Когда?

— Всему своё время.

После такого предсказания старик быстро расстался со своими лошадьми, забрал свою Прасковью и они переехали к сыну в город.

Прошёл год, другой, а прадедушка живёт себе и живёт.

— Эх ты, нашёл кому верить, — не унималась Прасковья, — жили бы мы сейчас спокойно в селе и горя не знали. А тут сиди в четырёх стенах.

— Ладно, старуха, не ворчи, отпразднуем через неделю моё 75-летие и поедем назад в село к дочери.

На юбилей ему подарили большую картину, на которой изображены бойцы Первой конной армии. Картина находилась в позолоченной рамке. Хотели её повесить в зале, но юбиляр настоял, чтобы повесили над его кроватью. Просьбу выполнили. Но, видимо, плохо на стене закрепили, и глубокой ночью «всадники Первой конной» забрали с собой своего бывшего бойца: картина сорвалась со стены и своим углом ударила в висок юбиляра.

Только теперь стало ясно, та цыганка сказала правду: Тарасова погубили «лошади». И не важно, что они не живые, а картинные.

Второй выступала на классном часе Лида Нуждина. Она рассказала со слов своей бабушки Гали о её подруге.

Вера и Галя дружили со школьных лет. После выпускного бала, когда выпускники бродили по городу до утра, им повстречалась на пути одна странная женщина.

— Веселитесь, а не знаете, что та из вас, кто первой выйдет замуж, умрёт в день свадьбы на воде.

В семнадцать лет, как известно, о смерти никто не думает. Выпускницы просто рассмеялись такому предсказанию. Никто его всерьёз не принял. Но пошли годы своим чередом, а никто из одноклассниц не хотел первой выходить замуж. Однако пришлось. Когда Вера узнала, что

беременна, пришлось с будущим отцом её ребёнка идти в ЗАГС. Свадьбы играть не хотела. Если бы она жила в двадцать первом веке, где гражданские браки сплошь и рядом, обошлись бы без свадьбы, но во второй половине двадцатого принято было их играть. Хотели сначала устроить её на природе, но какая природа без воды. Не стали. Заказали свадьбу в кафе.

Под конец торжества невесте стало плохо. Молодожёны вышли на улицу. Когда Вере стало совсем плохо, жених оставил её на свежем воздухе, а сам пошёл вызывать скорую помощь. Вернувшись, он увидел свою любимую лежащей у фонтана. У воды. Признаков жизни не подавала. Как позже выяснилось, она с детства имела проблемы с сердцем. Но оно, по странному стечению обстоятельств, не выдержало именно в день свадьбы. Как и предсказывала когда-то гадалка.

После этих двух рассказов больше желающих выступить не нашлось.

И тут слово взял директор школы Беляков.

В 1941 году его часть отступала с боями на восток. Ночевали где придётся. Однажды его отделению (он воевал сержантом) ночевать пришлось в каком-то степном хуторке. Хозяйка дома, пожилая женщина, любила гадать на картах. Предложила погадать уставшим бойцам. Согласились все во главе с командиром, который в очереди оказался последним. Результат гадания таков: Чирков погибнет через месяц, Рожков — через два месяца, Матвейков — через полгода. Остальным предсказано прожить не больше года.

— А ты, сержант, будешь жить, тебя дождутся жена и дочь, — вынесла свой вердикт Белякову гадалка. — Дойдешь до Берлина.

При слове «Берлин» на лице сержанта появилась улыбка.

— Спасибо, мать, за твою жалость ко мне, но до Берлина пока далеко. Мы пехота, выжить в этом аду вряд ли придётся. Воевать только начали, а у меня уже дважды сменился личный состав отделения. Да и я выжил чудом.

— Не веришь — зайди ко мне после войны. Не зайдёшь — я буду считать, что я ошиблась. Хотя карты меня ни разу не подводили.

Сержант Беляков, выходя из боя в бой, поначалу не придавал значения предсказанию незнакомой женщины, но когда его бойцы погибли в предсказанное время, стал задумываться: «А может, гадалка права?»

На этот вопрос он ответил только в мае 1945 года, расписавшись на рейхстаге в звании майора: «Да, она права!» Не заезжая домой, фронтовик поехал и разыскал тот хуторок в степи. Его встретила девочка лет восьми. С её слов он узнал, что бабушка умерла зимой, а мама — неделю назад. И что у неё родных больше не осталось.

«Ну что же, — подумал Беляков, — где одна, там и две». И забрал девочку к себе домой, где его дожидалась жена и десятилетняя дочь.

Закончив свой рассказ, директор школы сказал: «Видимо, лермонтовский Печорин в какой-то степени прав. На себе испытал, ребята. Но паниковать не нужно. Надо стараться эту свою судьбу корректировать в лучшую сторону, не опуская рук. Тогда и судьба над вами сжалится. Любое предсказание — это повод задуматься, как жить дальше. Вопросы ко мне есть?»

Вопросов не последовало.

ЧЕРТОВЩИНА

Рассказ

За окнами падал снег. Вечер постепенно вступал в свои права. В самом помещении ресторана свадьба «пела и плясала». Только что закончилась процедура поздравлений молодожёнов. Гости уже плохо соображали, кто с кем танцует. За столом сидели только молодожёны. Жених выглядел грустным, не разговаривал. Невеста пыталась его развеселе-

лечь, но безуспешно. Не выдержав, она на помощь позвала свидетеля на их свадьбе.

— Саша, иди разберись, что с Женей случилось? Разговаривать со мной не хочет. Танцевать не хочет. Может, я ему уже не нужна?

— Оля, ты что, с ума сошла? Что ты говоришь? Женя за тобой бегаёт с первого класса. Постой тут, я его тебе сейчас приведу.

Оля, конечно, пошутила, разлюбить Женя её не мог, но у неё почему-то стало тревожно на душе. Она не могла понять, что с её одноклассником, теперь уже мужем, случилось на данный момент? Весёлый и жизнерадостный в начале торжества, он в середине его превратился в угрюмого и непонятного человека. А тем временем свидетель подошёл к своему другу.

— Женя, друг мой, что с тобой случилось? Пойдём танцевать, Оля тебя ждёт.

Не ответив ничего, Женя взял Сашу за руку и повёл с собой из ресторана на улицу, прихватив с собой вилку. Они подошли к хорошо освещаемому фонарями месту. Ничего не говоря, Женя присел и вилкой стал что-то писать на снегу. Саша с трудом, но всё же прочитал написанное. Его друг написал: «У меня пропал голос». Саша растерялся и не знал, что ему в такой ситуации делать. На помощь пришла свидетельница, его верная подруга Маша, тоже одноклассница, с которой они подали неделю назад соответствующее заявление в ЗАГС. Она вышла на улицу искать его.

— Саша, иди зови сюда Олю, пусть оденется. И ты оденься. А мне и Жене принеси одежду. Только чтобы никто не видел и не слышал, вызови сюда такси. Скажи — для поездки в деревню.

— Куда?

— Саша, не задавай лишних вопросов, делай, что я сказала.

Через пятнадцать минут новенькая иномарка с обозначением «такси» отъехала от ресторана. Водитель находился

в возрасте. Судя по тому, как быстро они миновали городские улицы и выехали за город, он являлся профессионалом своего дела, хорошо знал город и близлежащую местность. По обе стороны дороги лежали снежные поля.

— Машенька, любимая, куда мы едем? — не выдержал друг.

— На деревню к бабушке.

Через час впереди показались огни какого-то села. Когда въехали в него, Маша популярно объяснила водителю, где находится тот дом, который им нужен. Село большое, и водителю пришлось выбирать кратчайший путь. Заплатив за проезд и договорившись с таксистом, что они с ним поедут обратно, Маша с Женей направились в дом. Саша с Олей остались в машине их ждать, так и не поняв, что затеяла их подруга.

— Что у тебя, миленькая, случилось на этот раз? — первой начала разговор хозяйка дома, женщина лет семидесяти пяти.

— Ой, бабушка, снова беда, выручайте.

Выслушав посетительницу, бабушка велела Маше выйти, оставив одного Женю. Маша пошла к друзьям в машину. Все стали с нетерпением ждать, что будет дальше. Прошло больше часа. Женя вышел из дома и направился к такси.

— Маша, зайди к бабушке, она хочет что-то тебе сказать, — неожиданно для всех заговорил Женя.

Спустя полчаса такси везло друзей снова в город.

— Машенька, что это было? — спросила подругу Оля.

Вместо прямого ответа на поставленный вопрос Маша рассказала одну историю.

...Её родители полгода назад присутствовали на дне рождения у подруги мамы. Та недавно вышла замуж, муж был значительно моложе, что, понятно, беспокоило подругу. Погуляли хорошо. Мама папу еле доставила домой. Утром протрезвились, и, казалось, всё забыто: жизнь продолжается.

Она и на самом деле продолжилась, но немного по-другому. Если до этого папа маму без поцелуя утром на работу не отпускал, а вечером без поцелуя с работы не встречал, то теперь эти бесконечные поцелуи постепенно начали маму выводить из себя, ибо это были уже поцелуи не любящего мужа, а очень ревнивого человека. Папа не давал проходу маме, беспокоил её и на работе. Начинал возмущаться, когда возле жены находились другие мужчины. Мама ничего не могла понять, но Маша поняла сразу, так как о подобных ситуациях она слышала, но поначалу не верила им. Ей помог случай.

Однажды она помогла слепой старушке перейти дорогу и проводила её домой. Та в знак благодарности сказала: «Ты хорошая девушка, если тебе нужна будет помощь, обращайся ко мне».

— Бабушка, помощь мне не помешала бы сейчас, — со слезами ответила Маша. И рассказала, в чём нужна помощь.

— Не волнуйся, это дело поправимое. Возьми, чтобы он не видел, папину рубашку и езжай с ней в деревню, там найдёшь бабу Галю. Скажешь, что ты от бабы Шуры, и расскажешь ей, в чём твоя беда.

Маша сделала всё так, как велела незнакомая ей бабушка. Возвратившись от бабы Гали, Маша еле уговорила папу надеть свою рубашку. Пришлось пойти на хитрость. У папы скоро должен был быть день рождения, и дочка собиралась купить именно такую рубашку, но хотела проверить, не мала ли она на него. Отец, ничего не заподозрив, рубашку надел. Это было вечером. А утром всё вернулось к прежней жизни: ревность папы к маме исчезла как утренний туман. Оказалось, что на том злополучном дне рождения подружки последняя, чтобы удержать молодого мужа, подлила ему в коньяк какую-то «завораживающую» жидкость. Непонятно, каким образом, но эта рюмка с коньяком оказалась у папы Маши. После этого одной подружкой у мамы стало меньше.

За рассказом Маши незаметно подъехали к городу. Наступала полночь. Ресторан, понятно, закрылся, гости разошлись.

— Теперь куда? — спросил водитель.

Женя назвал адрес его родителей, хотя постель для первой брачной ночи была приготовлена у родителей жены. Оля не возражала, она догадывалась: то, что произошло с Женей, — дело рук её мамы. Зять, по мнению тёщи, считался очень разговорчивым человеком, у него прорывался командирский голос, и она прибегла к помощи «потусторонних сил», чтобы он поменьше командовал в семье, а больше слушал её дочь. Но, видимо, маленько перестаралась: голос у зятя пропал совсем.

Когда зашли в квартиру родителей, Женя при них сказал своей жене: «Оля, она твоя мать, ходи к ней, но ничего от неё не приноси. Но моей ноги там больше не будет. Ей здесь тоже делать нечего». Он рассказал родителям, что с ним недавно случилось. Те были в шоке от услышанного.

— Чертовщина какая-то! — только и сказал отец.

ЖИЛИ СТУДЕНТЫ ВЕСЕЛО

Рассказ

— Курочкин, заходи, — открыв дверь, произнёс начальник отдела кадров.

Он зашёл в светлый просторный кабинет. Хозяин кабинета, подполковник милиции, показав на кресло, предложил присесть. За его спиной на стене висел портрет Феликса Дзержинского.

— Ну что, Андрей Николаевич, могу тебя поздравить, проверку мы сделали, препятствий для твоего поступления на службу в милицию нет, — сообщил хозяин кабинета. — Оформляйся. Если хочешь в наших рядах сделать карьеру, готовься получить юридическое образование. Лучше, ко-

нечно, школа милиции, но тебе выбирать: можно и любой юридический вуз. Там на последних курсах есть наша специализация. Пока же будешь служить в батальоне патрульно-постовой службы.

На улице в автомобиле его поджидал друг с погонами лейтенанта милиции. Выслушав содержание беседы с милицеским кадровиком, посоветовал:

— В школу милиции не ходи, ходи на наш юрфак. Мы хоть и заочники, но студенты, и, как поётся в той песне, «от сессии до сессии живут студенты весело».

Лейтенант — студент, перешедший на пятый курс, — знал, о чём говорил. Он так интересно рассказывал об учёбе, что друг решил поступать на юридический факультет гражданского университета. Решил и поступил.

Первым экзаменом на первой сессии стояла логика. Вся группа в коридоре волновалась. Когда первые шесть человек зашли в аудиторию, где их ждал преподаватель с экзаменационными билетами на столе, все успокоились, стали дожидаться выхода первых добровольцев. Только теперь первокурсники обратили пристальное внимание на аудиторию, расположенную недалеко. Там тоже шёл экзамен. Его сдавали пятикурсники. Заходили и выходили студенты. Если тех из них, кто шёл в «неизвестность», даже не замечали, то тех, кто выходил с зачётными книжками, замечали весьма своеобразным способом.

— Юрьев, сдал? — послышался чей-то голос. — Сколько?

— Отлично.

— Симаков, наливай стакан. Белавина, закуску.

Если бы Курочкин и его однокурсники не являлись свидетелями действия, происходящего на глазах, поверить в него было бы очень трудно. Через некоторое время из аудитории вышел ещё один студент.

— Сахаров, сдал? — раздался тот же голос. — Сколько?

— Хорошо.

— Симаков, наливай полстакана, Белавина, закуску.

Со стороны казалось, что однокурсники находятся в театре, где репетируют очередную сцену. Но это не театр.

— Николаевский, сдал? — спросил знакомый голос. — Сколько?

— Удовлетворительно.

— Симаков, наливай одну треть стакана. Закуски не надо.

Андрей с нетерпением ждал, что будет тем, кто не сдаст экзамен. После Николаевского вышли две отличницы. Но им почему-то ничего не налили. Затем вышли два хорошиста, которым досталось по полстакана с закуской. Но вот на виду у всех вышел студент, лицо которого говорило, что не видать ему ни стакана, ни полстакана, ни одной трети, как своих ушей.

— Не сдал, что ли, Караулов? — вопрос прозвучал словно на допросе у следователя.

— Нет.

— Симаков, отдай стакан, пусть быстренько его помоеет.

Пока следующий отличник вышел из аудитории, стакан был уже готов для дальнейшей процедуры.

Что происходило дальше, наш герой не видел, так как сам зашёл сдавать экзамен. После успешной сдачи вышел в коридор. Возле знакомой аудитории студентов не оказалось. Дверь стояла открытой. Преподаватель сидел за столом, а возле него находился студент в штатском, видимо, староста. Подводили итоги экзамена. Договаривались о дате передачи для тех, у кого «хвост». В этот момент студент в аудитории оглянулся: он узнал друга.

— Андрей, подожди меня в коридоре, я сейчас заканчиваю, — попросил лейтенант.

Когда они вышли на улицу и сели в автомобиль, Курочкин спросил:

— Олег, а где ты был около часа назад? Тут без тебя как старосты в коридоре такое творилось представление...

— Ты видел?

— Ещё бы!.. Правда, не до конца.

— Андрюха, я же тебе говорил, что мы, студенты, «от сессии до сессии живём весело». Ты, надеюсь, сам понял это. Но имей в виду, поощрение студентам за сдачу экзамена «положено» только на последних курсах. Вам, первокурсникам, пока нельзя. Дойдёте до пятого курса — тогда пожалуйста, наслаждайтесь студенческой жизнью на полную катушку. Что касается моего отсутствия, то я присутствую только в начале и в конце сдачи экзамена. Процедура его нами отработана до мелочей, сбоев не случается. Вот так-то, дружок.

Такая перспектива (дойти до пятого курса и получать указанное «поощрение») Андрея вовсе не устраивала. Крепче пива за свои двадцать лет он ничего в рот не брал. С другой стороны, оказаться в группе белой вороной тоже не хотелось. Но затем он успокоился: до пятого курса ещё надо дойти.

Однако же дошёл. Студента-отличника Курочкина здорово «выручил» Михаил Сергеевич Горбачёв. По указанию нового генсека в стране начиналась очередная антиалкогольная кампания. Вырубались виноградники, устраивались безалкогольные свадьбы. За распитие спиртных напитков в общественных местах ужесточалось наказание. «Поощрять» студентов в коридоре вуза стало невозможно. Когда же эта кампания приказала долго жить, он учиться закончил, получив красный диплом. Безо всякого «поощрения». Считал, что ему просто повезло.

БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ

Рассказ

Купив в супермаркете продукты, Софья Ефимовна вышла на улицу и направилась к пешеходному переходу. Жила Буторина через дорогу. Однако это не простая городская неприметная улочка, а один из главных городских проспектов. Каждый раз пенсионерка переходила её со страхом, после

того как на её глазах лихой водитель сбил мужчину на зелёный свет. Поэтому при подходе к светофору все посторонние мысли у неё улетучивались мгновенно из головы, оставалась только одна: перейти дорогу, по которой мчались на «космической» скорости автомобили. Уже неделю не работали на проспекте видеокамеры наблюдения, а гаишников здесь днём с огнём не сыщешь.

До проспекта Буторина всегда спокойно переходила внутриквартальный выезд и въезд. Автомобили здесь, как и положено, двигались с черепашьей скоростью. Шла пенсионерка медленно (быстрее не позволяли ноги), то и дело поглядывая на пакеты с продуктами. Особенно её интересовал пакет, в котором находился торт, купленный на день рождения любимой семилетней внучки Люды.

Шагнув одной ногой на выездную внутриквартальную дорогу, Софья вспомнила:

— Ой, батюшки, а на дату изготовления торта я не посмотрела.

Стала смотреть на дату, продолжая идти. А в голове послышались слова внучки: «Бабушка, берегись автомобиля». Она каждый раз бабушку об этом просила. Но то обычные дни. А теперь в сумке находился праздничный торт. Узнать дату, когда кондитеры изготовили купленный торт, ей не удалось. Через несколько секунд торт оказался под колёсами автомобиля, как и сама его покупательница. Подбежавшие на место аварии парень с девушкой пытались оказать пострадавшей первую медицинскую помощь. Однако, со слов девушки, оказавшейся медсестрой, помощь не понадобилась. Несчастная скончалась на месте.

Когда молодые люди хотели посмотреть в глаза водителю, который сбил насмерть женщину, то смотреть было не на кого. Автомобиль нарушителя правил дорожного движения, не останавливаясь, выехал из жилого массива и пытался скрыться в потоке машин на проспекте. Водителю это вполне удалось бы во время часа пик. Если бы в это время мимо места аварии не проезжал по проспекту курсант сред-

ней школы милиции Виталий Левин. Он сидел за рулём без милицейской формы и на личном автомобиле. Со стороны: простой водитель.

Начав незаметное преследование уходящего всё дальше от него автомобиля, курсант поставил цель: узнать госномер автомобиля и по сотовому телефону сообщить в дежурную часть ГИБДД. Цель оказалась недостигнутой: увидеть номер из-за движущихся впереди автомобилей и увеличивающегося расстояния стало невозможно, во-вторых, батарейка в телефоне разрядилась. Ему оставалось одно: не упустить совсем из вида удаляющийся автомобиль.

Проспект закончился, и они помчались по обычной улице, где движение стало не таким интенсивным. Расстояние между двумя автомобилями медленно, но стало сокращаться. Стало видно госномер автомобиля.

— Ничего себе, — проговорил про себя преследователь, — «007»? Кто же за рулём?

Задние стёкла убегающего автомобиля тонированы. Левин не видел, кто управлял автомобилем. Зато беглец, видимо, понял, что за рулём автомобиля сзади сидит не простой любитель приключений. И прибавил скорость. Через минуту оба автомобиля выскочили на трассу. Преследование продолжалось.

Прошло полчаса. Впереди показалось село. До него оставалось несколько километров. Курсант увеличил скорость, чтобы не дать беглецу скрыться в селе, утопающем в зелени. Вдруг он увидел, как со стороны села им навстречу выскочила с сиреной милицейская автомашина и остановилась. Пропустив убегающий автомобиль вперёд, вышедший из служебного автомобиля инспектор ГИБДД остановил автомобиль курсанта.

— Лейтенант Казаков, — представился инспектор. — Почему нарушаем, гражданин водитель, скорость? Знак видели? Впереди село, скорость 60 км в час, а вы с какой ехали?

— Лейтенант, не будем терять время. Я курсант милиции Левин, нахожусь в городском УВД на стажировке. Ваш будущий коллега, правда, по линии уголовного розыска.

— Сначала, коллега, составим на тебя протокол, а там посмотрим.

Поняв, что ему преследуемый автомобиль уже не догнать, курсант вынужден был сказать причину увеличения скорости и попросить догнать нарушителя.

— Какой ещё нарушитель? Вася, ты что-то видел? — спросил инспектор своего сидящего в салоне автомобиля «коллегу».

— Ничего не видел, кроме вот этого нарушителя, которому померещился какой-то водитель, сбивший якобы какую-то женщину.

Только теперь Левин понял, что остановили его не совсем случайно. Что они выигрывали время. По всей вероятности, водитель-нарушитель позвонил с сотового телефона кому-то из знакомых, а те выслали наряд на пути преследователя. Прошло минут десять, инспектор стал добрее.

— Ну ладно, курсант, прощаю тебе превышение скорости. Может, ты и прав. Езжай и догоняй кого хотел. Кстати, а номер ты запомнил? Скажи нам, мы сейчас проъём по компьютеру, и тебе не надо будет гнаться дальше, снова нарушая правила движения.

— Увы, лейтенант, если бы я запомнил номер, то не гнался бы за ним, сломя голову.

Лейтенант после этих слов стал ещё добрее: он выяснил главное, что теперь все концы в воду. А старушке — Царствие Небесное, сама виновата. Он отдал курсанту его водительское удостоверение и пожелал счастливого пути.

Путь же курсанта состоял теперь в обратном направлении. Он ехал в УВД, где проходил стажировку.

— Молодец, Левин, — похвалил курсанта его руководитель стажировки, начальник отдела уголовного розыска. — Сейчас я тебе дам в помощь двух своих сыщиков. Вечером

жду доклад о раскрытии преступления. Дорожно-транспортного.

Вечером, в указанное время, все трое зашли в кабинет начальника. Докладывать о раскрытии по горячим следам преступления.

...Семнадцатилетняя Тамара Синявская, окончив в прошлом году среднюю школу, не хотела в городе поступать в институт. Жить в общежитии не хотелось, а ездить каждый день на автобусе за двадцать пять километров туда и обратно — тем более. Она поставила перед родителями условие: «На следующий год покупаете мне автомобиль и я поступаю в институт. Если не успею замуж выйти». С женихом Василием, сыном инспектора ГИБДД, курирующего в том числе и движение в своём родном селе, родители Тамары договорились, что свадьба состоится после совершеннолетия дочери. Жених был её одноклассником. Автомобиль дочери родители подарили на 18-й день рождения. Она сдержала слово: поступила в коммерческий вуз.

В тот трагический для неё день она очень спешила. Институт находился в том квартале, откуда она и выезжала, поздно заметив на проезжей части пожилую женщину. Она мчалась к себе в село за зачётной книжкой и конспектами. Испугавшись того, что натворила, Тамара не остановилась, а пыталась скрыться. Когда она увидела, не доезжая до села, автомобиль, который преследовал её с самого города, позвонила по сотовому телефону своему жениху. Тот сделал своё дело: с помощью папы задержал преследователя. В автомобиле отца-инспектора тогда находился он, представившись коллегой...

В установленное время состоялся суд, Синявская получила по заслугам. Однако бывший курсант, а теперь лейтенант милиции Левин судом остался недоволен: отец жениха осуждённой ушёл от ответственности и продолжал работать в ГИБДД. Доказать, что он соучастник преступления, не удалось. «Оказалось», что в то время лейтенанта Казакова

и в селе-то не было. Якобы. И никто курсанта не останавливал, никакого протокола на него составлять не пытался. Иногда в жизни встречается и такое. А название ему известно: «Честь мундира».

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ, Я – ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ

Мемуары

С первого же дня, как был принят в кадры одного из производств на тот момент Волжского автомобильного завода, я, несмотря на то, что был вначале простым инженером-кадровиком, начал ездить на совещания в управление кадров завода. Ездил не по своей воле, по моей должности не положено, но мои местные руководители на это «не положено» особого внимания не обращали и вместо себя часто направляли меня на всевозможные совещания. Приходилось ездить, о чём несколько не жалею. Ибо в результате этих поездок я не только приобретал раньше времени огромный опыт кадровика, но и встречался с руководителями, которые многому меня научили и оставили в моей душе приятные воспоминания.

В середине 1990-х годов уже в ОАО «АВТОВАЗ» появились «департаменты». Один из них — департамент по персоналу — в качестве генерального директора возглавил Юрий Борисович Степанов. До этого он занимал большие руководящие должности и по хозяйственной части: работал директором в одном из подразделений завода, — и по партийной линии: был секретарём парткома. В том числе всего завода. Поэтому лучшей кандидатуры на новую должность просто не нашлось.

В этой должности он для завода сделал очень много. Если до него во всех подразделениях, за редким исключением, кадрами руководили помощники директоров по кадрам, то он создал в подразделениях отделы кадров. Если работой

с персоналом до него руководили помощники директоров по быту, то он создал отделы по работе с персоналом. Убрав должности помощников директоров по кадрам и быту, он вместо них сделал одну должность — заместителя директора по персоналу. Более того, в каждом цехе вводились должности ведущих инженеров по персоналу. Было видно невооружённым глазом, что Степанов очень успешно применил опыт секретаря парткома, но уже на производстве. Заместители директоров по персоналу заменили собой по сути секретарей парткома, а ведущие инженеры — секретарей партбюро в цехах. По моему мнению, это явилось одной из причин того, что завод в «лихие девяностые» не постигла печальная участь многих других российских заводов. Управление персоналом удалось удержать на должном уровне и в те трудные годы.

Мне по работе много раз приходилось встречаться с Юрием Борисовичем. Каждый раз убеждался в том, что мой друг, Володя Тарасов, хорошо его знавший, сказал о нём правду: уважение к подчинённым, какую бы должность работник ни занимал, выдержка, спокойствие в любых ситуациях. Умение выслушивать собеседника.

У нас на производстве, как и везде, назначали заместителя директора по персоналу. Оформлять документы на него мой начальник отдела поручил мне, на тот момент уже ведущему инженеру-кадровику. Побегать пришлось много. Все подписи собрал. Оставалась одна-единственная, но самая главная — подпись генерального директора департамента ОАО «АВТОВАЗ» по персоналу.

— Юрий Иванович, — обратился я к кандидату на новую должность Чиндину, — я все подписи собрал. Остаётся подпись Степанова. Мне в управлении кадров сказали, чтобы к нему шли вы лично, меня он выгонит.

— Пойду посоветуюсь с директором.

Директор наш, со слов Юрия Ивановича, заявил, что на производстве работы много, что он со Степановым кандидатуру обсудил и что пусть едут у него подписывают

заявление кадровики-руководители. Последние послали, как можно уже догадаться, меня, имеющего высшее юридическое образование, с которым я, несмотря на малый стаж работы в кадрах, мог решить любой вопрос. В университете приходилось изучать и этику, и психологию, и соответствующие законы. Я поехал.

Секретарь Степанова, давно принимавшая меня за начальника отдела кадров производства, пропустила к нему без лишних вопросов. Хотя не скрою, коленки дрожали. Я боялся для себя последствий от своего директора, если Юрий Борисович, как мне сказали «доброжелатели», порвёт заявление Чиндина.

Гендиректор же встретил меня очень дружелюбно, попросил присесть, а сам стал изучать документы, которые я ему передал. Читал очень внимательно, не пропуская ни одного. Через несколько минут он поднял голову и спросил:

– Я так понял, что вы не Юрий Иванович.

– Увы, Юрий Борисович, я – Пётр Алексеевич, – ответил и приготовился вылететь из кабинета как пробка из бутылки.

Но страхи мои оказались преждевременными.

– Вы знаете, Пётр Алексеевич, – продолжал Степанов, – у меня такой принцип работы, что я не могу подписать заявление, пока не поговорю с человеком, который его написал.

– Очень правильный принцип, Юрий Борисович, – вырвалось у меня.

Взяв в руки перекидной свой календарь, он спросил меня, когда мой Юрий Иванович сможет к нему прийти с этим заявлением.

– Юрий Борисович, я вам гарантирую, что Чиндин в любое время к вам явится, когда вы посчитаете нужным его принять.

Степанову ответ мой понравился, он начал смотреть по календарю свободное время.

— Юрий Борисович, — не удержался я, — а может, во вторник после еженедельного совещания в вашем кабинете?

— И точно.

После этого я покинул гостеприимный кабинет. Вскоре заявление Степанов подписал, и Юрий Иванович занял кабинет заместителя директора по персоналу, который не находил слов, чтобы меня отблагодарить.

К огромному сожалению, когда умер Юрий Борисович Степанов, я находился на лечении и не смог проводить его в последний путь. Но память о нём у меня навсегда осталась самая светлая.

ЕГО ЗВАЛИ АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВИЧ

Мемуары

Алексей Данилович Фомичёв на работу с персоналом ОАО «АВТОВАЗ» попал с партийной работы. В 1990-х годах он в качестве заместителя директора по персоналу курировал управление кадров. Познакомился я с ним весьма своеобразно.

Как кадровик с производства, первый раз попал на совещание, проводимое по вторникам в управлении кадров завода. Какие вопросы там будут подниматься, мой начальник не сказал.

— На месте сориентируешься, — услышал я.

Пока до меня дошла очередь выступать, я сообразил, что к чему, и отчитался не хуже других кадровиков. После выступил, как и положено, директор подшефного училища. На этот раз, насколько я его сразу понял, у него имелись претензии к производствам, у которых проходят практику учащиеся-станочники.

— Я с твоей критикой согласен, — поддержал директора Фомичёв. — Прихожу вчера домой, а в коридоре что-то

обуви мужской много. Прошёл в залу, а там вокруг моей дочери сидят ребята и жалуются, что производство их берёт на практику с неохотой. Как же вы так работаете, кадровики?

В кабинете наступила тишина. Тогда я не знал, что дочь Алексея Даниловича работает в училище мастером производственного обучения. Как все, сидел и молчал. Но стал замечать, что все поворачивают головы в мою сторону. Не выдержал: «Алексей Данилович, а чьё производство их плохо берёт?»

— Да твоё, Пётр Алексеевич.

— Да не может быть этого!

— Да бывает иногда.

После этого диалога все рассмеялись. Этим вопросом у нас в кадрах занимался другой инженер, поэтому я и не мог знать. Однако уже со следующего совещания владел всеми вопросами, решаемыми в производстве.

Фомичёв относился к нам, кадровикам, как к родным. Чувство юмора в нём присутствовало всегда. На одном из совещаний в своём докладе один из кадровиков встал и вместо кадровых вопросов сообщил:

— Алексей Данилович, принимайте меры. У нас на территории производства развелось много бродячих собак. Ни пройти, ни проехать. Никто их не ловит.

Сообщив всем нам эту новость, он сел на своё место. Следующий докладчик, увидев, что Фомичёв что-то хочет сказать, не стал подниматься, а продолжал сидеть.

— Ну что, Николай Гаврилович? — обратился председательствующий на совещании к начальнику управления кадров Крылову. — Надо человека выручать. Получай охотничьи ружья, раздавай нам, пойдём отстреливать собак. Надо человека выручать.

Что интересно, после этих слов кабинет наполнился смехом, а Фомичёв на полном серьёзе продолжил заслушивать наши отчёты.

— Как это вам удаётся быть серьёзным, когда хочется смеяться? — спросил я однажды Алексея Даниловича.

— В нашей работе по-другому нельзя. И когда плакать хочется, надо тоже быть серьёзным, не поддаваясь сиюминутным эмоциям, — услышал я в ответ.

Он был прав, как и в том, что доверял нам на 100%. Пока его кто-то не подводил. Тут уж о доверии к провинившемуся говорить не приходилось.

После совещаний мы в порядке живой очереди подходили к нему с документами на подпись. Нас много, а документов, разумеется, ещё больше. Если бы он читал полностью тексты их, то ему бы и суток не хватило. Поэтому читал начало и конец документа и смотрел визы на нём. Без них документ моментально отодвигался в сторону. Он нам доверял, но и спрашивал в первую очередь с нас, а не с наших директоров. Мы старались не подводить. Но бывали исключения: один из кадровиков по требованию директора подсунул на подпись приказ об увольнении одного работника. Приказ был подписан. Однако вскоре суд работника восстановил. После этого нам только оставалось сочувствовать этому кадровику, который долго носил на подпись документы.

Однажды один из наших работников уехал в командировку в другой город. Там, прямо в гостинице, умер. Его тело забирала жена. Прошло и девять дней, и сорок, а вдова не шла со свидетельством о смерти покойного мужа «увольнять». Он продолжал числиться в нашем штатном расписании. На просьбы предоставить копию свидетельства о смерти вдова не реагировала.

Начальник отдела, где работал покойный, стал ежедневно ходить жаловаться директору. А тот стал нас воспитывать. Что нам было делать? Пришлось мне лично печатать соответствующий приказ, визировать у директора, ставить свою визу как кадровика и как юриста по образованию, ибо наш юрисконсульт без свидетельства о смерти визировать не стала, и ехать к Фомичёву.

— Твоя виза есть, Пётр Алексеевич, вижу, а где свидетельство о смерти работника? — спрашивает меня Алексей Данилович.

Тут я, вспомнив его слова, делаю весьма серьёзный вид, достаю из своей папки некролог на работника и кладу ему на стол. Приказ он подписал. Только после этого вдова (деваться ей уже было некуда) принесла в бухгалтерию и в кадры копии свидетельства о смерти мужа. Одну копию я отнёс показать тому, кто, поверив мне, приказ подписал. Тогда я окончательно понял: в работе кадровика безвыходных ситуаций нет. Случается нежелание брать на себя ответственность и доводить дело до конца. Благодаря Фомичёву я этого недостатка избежал.

Увы, Алексея Даниловича давно уже нет с нами, но светлая память о нём осталась. И не только у меня.

А ЧТО ТЫ ТУТ ДЕЛАЕШЬ, ПЁТР ВЕЛИКИЙ?

Мемуары

В начале нулевых годов двадцать первого века у нас на производстве появился новый директор. Препрежний, проработавший в этой должности восемнадцать лет, ушёл на другую работу. Все ожидали, что, как говорят, «новая метла» будет «мести по-новому». И не ошиблись. «Метла» начала с руководителей.

Захожу я как-то к нашему заместителю директора по персоналу Чиндину с документами на подпись, а он сидит сам не свой.

— Что случилось, Юрий Иванович? — спрашиваю осторожно.

— Ты знаешь, Пётр Великий, обидно, сколько я мужиков вытащил за уши в руководители. А что получил взамен? Чёрную неблагодарность!

Я задумался, вспоминая, кто из наших руководителей обязан повышением в должности этому человеку. Выслушав его монолог до конца, понял: русская поговорка «моя хата с краю» в определённых условиях имеет право на существо-

вание. К тому времени новый руководитель предприятия уже успел притащить своего друга-коллегу с прежнего места работы, назначив его к себе техническим помощником. К менеджменту он не относился. Я же догадывался, куда его он назначит потом. Слова же Юрия Ивановича мои опасения подтвердили. У него заканчивался контракт, а продлевать директор не хотел. Понятно почему. Никто за него не заступился. Я не смог помочь: меня, всего лишь ведущего инженера-кадровика, слушать никто не стал бы. Потом я узнал, что помог один из руководителей АВТОВАЗа, но лишь с условием «контракт продлевается только на один год». Увы! Прожить этот год он не смог, его преждевременно настигла смерть.

Я вот сейчас пишу эти строки и думаю: может, стоило ему уйти на пенсию сразу же по достижении соответствующего возраста? Я разговаривал позже с его сыном Сергеем, но он и не подтвердил, и не опроверг мою версию, что в смерти виноват указанный конфликт с новым директором. Почему я так думаю? Работал с этим руководителем более десяти лет, за это время он ни разу не жаловался на своё здоровье, не брал больничный лист.

В декабре 1993 года, когда АВТОВАЗ переживал не лучшие времена, многих работников отправляли в вынужденные отпуска с оплатой двух третей от среднего заработка. Как же я удивился, узнав, что в кадрах он оставил меня и старшего инспектора по кадрам, отправив в отпуск даже непосредственного начальника. Вскоре последний ушёл совсем, а я начал исполнять его обязанности. Решающую роль в этом сыграл Чиндин.

Как юрист по образованию, я не мог закрывать глаза на некоторые нарушения трудового законодательства, что очень сильно не нравилось многим. Я действовал по принципу героя комедии Грибоедова: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Поэтому и не стал начальником отдела кадров, а продолжал до самой пенсии работать ведущим инженером-кадровиком.

Юрий Иванович любил дисциплину. Несколько раз издавал свои распоряжения, что покидать в рабочее время предприятие можно только с его личного разрешения. Однажды один из заместителей директора обратился к моему начальнику отдела с просьбой оформить ему в управлении кадров очередной отпуск. Для сведения: у менеджмента завода имелись свой кадровик, свой бухгалтер. Начальник поручил мне, хотя я отказывался, ссылаясь на распоряжение Чиндина. Но тот настоял, заявив мне, что отвечать будет он. Я поехал, всё оформил и возвращался назад. При выходе из здания управления кадров неожиданно встретился со своим руководителем службы по персоналу.

— А что ты тут делаешь, Пётр Великий? — стараясь быть серьёзным, спросил меня Юрий Иванович.

— Оформляю очередной отпуск заместителю директора.

— Ты моё распоряжение читал, Пётр Великий?

— Мой начальник отдела, посылая меня, взял ответственность на себя.

— Ладно, иди, я ему покажу, кто в службе хозяин.

Прошла неделя, никто никому ничего не «показывал». Я, как обычно, ходил в кабинет к заместителю директора по персоналу с документами на подпись. Но вот однажды... выхожу из кабинета, а мой начальник отдела заходит туда. Вдруг, находясь ещё в коридоре, слышу громкое:

— Пётр Великий, вернись на секунду.

Я вернулся.

— Ты почему послал его без меня? — задал вопрос он моему начальнику.

Ответ того меня поверг в шок, я готов был провалиться сквозь пол:

— А я, Юрий Иванович, его не посылал, он поехал сам на свой страх и риск.

Я вышел молча из кабинета. Когда начальник ушёл, вернулся в кабинет, услышав: «Ну что, Пётр Великий, ты всё понял? С кем работаешь? К сожалению, я не могу твоего

начальника отдела убрать, директор запрещает. Он его человек».

Сейчас, когда вспоминаю добрым словом Юрия Ивановича Чиндина, мне становится его жалко: слишком зависимым он был от директора. И не важно, кто эту должность занимал. Не мог до конца отстоять своё мнение. Хотя, с другой стороны, это не так-то просто. По себе знаю.

ОДНОКУРСНИК

Мемуары

Есть замечательный сайт «Одноклассники». Он нужен, безусловно, ибо своих одноклассников мы помним всю жизнь. Однако не мешало бы сделать и сайт «Однокурсники». Да, последних, разумеется, меньше, но они есть. И будут. Желание тех же одноклассников продолжить образование в высшем учебном заведении не пропадёт. Другое дело, что не все туда попадут. Особенно после отмены заочного обучения в вузах, о чём говорят в последнее время.

Заочное образование оправдывало себя в советские времена. И вот почему. Я поступил в госуниверситет в 1979 году. На тот момент в области он считался единственным университетом. В городе нашем находился только один институт – Политехнический. В университете имелись все три отделения. Дневное и вечернее для иногородних студентов считалось недоступным. Даже если кто и имел личный автомобиль, то ездить за сто километров и больше каждый вечер туда и обратно весьма накладно. Выручало заочное отделение. Однако вернёмся в год 1979-й.

С однокурсником Садыровым я оказался в одной группе. На первый курс юридического факультета заочного отделения в тот год приняли пятьдесят абитуриентов из двухсот. Конкурс: четыре человека на место. Из них сделали две группы. До того мы друг друга не знали. Познакомились

ближе потому, наверное, что меня заинтересовало одно обстоятельство: по итогам курса он не сдавал с нами ни политическую экономию, ни историю КПСС, ни иностранный язык.

Оказалось, Толя грызёт гранит науки во второй раз, до этого успешно окончил педагогический институт. Не знаю, не спрашивал, работал ли он, получив диплом учителя, в школе, но при нашем знакомстве в университетской аудитории работал он уже в милиции, в Инспекции по делам несовершеннолетних. В звании лейтенанта.

Жил Садыров в соседней области — Пензенской. В городе Никольске. Добираться до университета, вообще-то, как говорят, не ближний свет. Но мне кажется, в милицейской форме проблем с поездками у него не было. Он любил ездить по железной дороге. На юридический факультет поступил не просто ради второго диплома или повышения в звании. Высшее образование уже имелось, и препятствий этому не существовало. На мой вопрос, зачем это ему надо, вежливо от ответа уклонялся. Скромность, как известно, человека красит. Переходя с курса на курс, я с удивлением наблюдал (потому что было с кем сравнивать: половина группы — сотрудники милиции), как Толя жадно хватал знания. Учился ради получения новых знаний, необходимых в работе. Особенно у него замечательно получалось конспектирование лекций. Если я успевал записывать только основные тезисы, то ему удавались и их комментарии.

После третьего курса нас, студентов-заочников, поделили по специализации: я попал в группу хозяйственно-правовой, а Садыров — в группу уголовно-правовой. Однако мы продолжали дружить до самих государственных экзаменов. К ним вместе готовились в Куйбышевской (ныне Самарской) гостинице «Центральная». Смотрю я сейчас на фото того времени и улыбаюсь: сидим мы с ним в номере и в руках держим учебники. Ко мне через расстояние почти в тридцать пять лет доносится его голос: «Вот сидим мы с тобой, Петя, молодыми, но пройдёт время, состаримся и будем, смотря

на фото, вспоминать это прекрасное студенческое время». Так оно и получилось. Как бы хотелось вернуться туда, хоть на мгновение...

Для Толи и для меня город Куйбышев не являлся родным. Пока учились, старались город посмотреть полностью. Особенно нам нравилась его набережная. Красота неопишущая. Внизу были прекрасные пляжи, но, увы, загорать некогда было: мы же в этот старинный волжский город приезжали не для отдыха.

Садырова отличала скромность во всём, плюс тихий спокойный характер. Я даже сомневаться начал: как он с таким характером работает в милиции? Но ошибся: можно вести себя спокойно, но в то же время быть весьма требовательным и принципиальным. В этом я однажды убедился.

Шли мы как-то во время летней сессии с занятиями с Анатолием мимо женского общежития. Форму в университет он надевал не всегда. На этот раз она у него лежала в чемодане в гостинице. Идём, идём, разговариваем. Вдруг впереди нас «взрывается» пакет с водой. Окна в летнюю жару в общежитии были распахнуты. Из какого окна бросили пакет — неизвестно. Один я бы не обратил на это хулиганство внимания и продолжил бы свой путь, но я же шёл не один.

— У нас время есть, давай постоим, подождём, — сказал мне однокурсник. — Не может быть, чтобы не поинтересовались, куда улетел пакет.

Прошло минут пять. В одном из окон показалась голова девушки. Увидев нас, спряталась обратно. Этого для милиционера оказалось достаточно. Как я позже понял. Мы пошли дальше, к себе в гостиницу.

В ней я заметил, что мой друг надевает милицейскую форму, и спросил:

— Толя, ты ничего не перепутал? Экзамен у нас будет только завтра.

— Нет, Петя, не перепутал. Я буду рад, если ты пойдёшь со мной на «операцию».

— Операция «Пакет»? — догадался я.

— Да, он самый. Нельзя это оставлять безнаказанно. А если бы пакет нам на голову упал? Если в следующий раз бутылка полетит?

— А может, не надо, может, таким образом эта незнакомка хотела с тобой познакомиться?

— Поздно. Меня дома ждут жена и две дочери.

Спорить дальше я не стал, и мы пошли на «задание». Надо сказать, что форма на нём смотрелась весьма красиво. Бабулька на вахте обрадовалась, выслушав причину нашего визита:

— Правильно, сынок, накажи хулиганку. Выпиши ей пятнадцать суток.

После этого мне стало интересно, чем эта история закончится. Потому и пошёл я с лейтенантом милиции наверх по лестнице. Лифт в очередной раз, видимо, отключили. Идти предстояло на пятый этаж. Но вот наконец-то пришли.

Сейчас я вспоминаю ту сцену и слова Дзержинского о «чистых руках, горячем сердце, холодной голове». Я думал, что лейтенант сейчас составит протокол, бланк которого он взял с собой, и уведёт девушку в ближайшее отделение милиции. Но не тут-то было. Девушка чистосердечно раскаялась, попросила прощения, дала честное слово, что больше такого не повторится. Причину тоже назвала: бросила пакет со злости: к подругам женихи ходят, а её не замечают. Я внимательно наблюдал за Анатолием. Постепенно строгость с его лица исчезала, её место занимала улыбка. Он понял её и простил. Была в том ещё одна причина. Если бы появился официальный протокол об административном нарушении, то девушку могли не только выгнать из общежития, но и уволить с работы. А она росла сиротой.

Толя много рассказывал мне об истории своего родного города, о его достопримечательностях. Больше всего мне запомнился один рассказ, касающийся знаменитого Никольского хрустального завода. Его создали по указу Екатерины Второй в 1764 году в тогда ещё селе Никольском. Вначале заводом владели Бахметьевы, потом — Оболенские. Поэто-

му, к сожалению, я не запомнил, кого конкретно упоминал однокурсник. Короче, у одного из владельцев завода сын являлся алкоголиком. Отец с этим ничего поделаться не мог. Однако на помощь пришли его рабочие.

Один из них создал гранёный стакан специально для сына-дворянина. На первый взгляд, это обычный стакан. Правда, если хорошо присмотреться, то на дне его можно разглядеть маленькую-премаленькую чёрную точку. Когда же сынок-алкоголик наливал туда водку, то она медленно-медленно, по мере заполнения стакана, превращалась в настоящую муху. Тот, брезгуя, выливал содержимое стакана и снова наливал. И вновь у него перед глазами в стакане «плавала» противная муха. Понятно, о чём он подумал, и... бросил пить.

Что самое интересное, говорил Толя, секрет мастера так никто и не раскрыл. Стакан хранится в местном музее.

Не сомневаюсь, что после получения диплома юриста Анатолий Васильевич Садыров, мой однокурсник, пошёл на повышение. Могут меня спросить, прошло столько времени, а я помню его отчество? И будут правы: я не помню отчества даже своих одноклассников. Ведь и в школе, и в университете мы обращались друг к другу по именам и фамилиям. Отчество же Толи мне не забыть. В этом «заслуга» его самого. Он гордился тем, что являлся тёзкой Анатолия Васильевича Луначарского.

ПОЧЕМУ Я НЕ СТАЛ СУДЬЕЙ

Мемуары

Окончив заочно в 1985 году Куйбышевский государственный университет по специальности «правоведение», я до ухода на пенсию работал ведущим кадровиком на предприятии. На первый взгляд, сыграла роль полученная хозяйственно-правовая специализация. Однако, учитывая тот факт, что во время обучения являлся народным заседателем

в суде, проходил в нём преддипломную практику, а диплом защитил на отлично по теме «Решение суда – акт социалистического правосудия», я мог бы спокойно работать в дальнейшем судьёй. Тем более что председатель Автозаводского народного суда города Тольятти Александр Михайлович Корепин в буквальном смысле слов тащил меня на работу к нему в суд. Я отказался. Почему?

Этот вопрос я слышу от многих и сегодня. Постараюсь кратко ответить на него. Надеюсь, мои воспоминания помогут определиться с будущей работой нынешним студентам-юристам. Главное в нашей жизни – не ошибиться и выбрать ту профессию, к которой у тебя лежит душа. А если и ошибся, то надо вовремя исправлять ошибку.

На первом курсе, на летней сессии во время одной из установочных лекций, я заметил, как впереди меня одна из однокурсниц вместо конспектирования лекции преподавателя сидит и решает какие-то математические задачи. Тогда я внимания на это не обратил, ибо, честно говоря, та лекция оказалась весьма скучной. Зато не я один удивился, не увидев на зимней сессии второго курса той студентки в нашей университетской аудитории. Причину пришлось выяснять у методиста курса. С её слов, девушка-студентка летом перевелась на физико-математический факультет Московского госуниверситета. Родители-юристы очень хотели, чтобы единственная дочка пошла по их стопам. Вначале она действительно выполнила их желание, поступив на юрфак, но быстро одумалась и пошла учиться туда, куда ей судьба велела. А я вот думаю, что бы случилось, если бы дочь до конца выполнила их желание. Какой бы из неё получился юрист? Увы, её родители об этом, понятно, не думали. Хотя надо бы и подумать.

Не поступив после службы в армии сразу же на экономиста в плановый институт, я пошёл поступать на следующий год в университет на юридический факультет, где отсутствовала так не любимая мной со школы математика. Со второго раза поступил. С первого же курса мечтал работать юристом

на предприятии, где работал фрезеровщиком. Однако после третьего курса, когда меня коллеги по работе избрали народным заседателем в суде, мечту свою я скорректировал, собираясь работать после получения диплома судьёй. Но мечта осталась мечтой. О чём я несколько не жалею.

Работая кадровиком на предприятии, я был счастлив, что на работу приходил всегда вовремя и уходил также, работу никогда не брал на дом. Одним словом, голова у меня не болела за работу двадцать четыре часа в сутки, как это могло быть, работай я судьёй. До первого появления в нарсуде в качестве народного заседателя мне, составившему суждение по фильмам, казалось, что должность народного судьи — одна сплошная романтика: сиди в кресле судьи и выноси приговоры и решения. И дело с концом. Увы! Я здорово ошибался.

Первый раз я попал в суд накануне ухода народного судьи в очередной отпуск. На дворе стоял 1982 год. Не было и в помине никаких компьютеров. Все решения и приговоры судья писал шариковой ручкой на бумаге. Когда пролетели две недели, у меня закончился срок заседаний, а у судьи начался отпуск. Он с женой и сыном собирался ехать куда-то на отдых. Перед окончанием моего рабочего дня (он никогда вовремя домой из-за большой загруженности на работе не уходил) судья дал мне свой домашний адрес, попросив прибыть по нему утром. Собирался передать через меня своему секретарю судебного заседания какие-то заполненные судебные документы.

На следующий день, рано утром, я прибыл по известному мне адресу. Позвонил, дверь открыла жена судьи. Я извинился перед ней, что прибыл чуть раньше назначенного времени, и добавил: «Я, наверное, вас всех разбудил, и в первую очередь — Василия Фёдоровича?» В ответ женщина заулыбалась и ответила: «Какой разбудил! Всю ночь он сидел за столом и всё писал что-то. И сейчас пишет, заходите».

Просьбу судьи я выполнил, документы, написанные им, передал лично его секретарю судебного заседания, но...

впервые задумался: «А смогу ли я работать в таком режиме? Без сна и покоя?»

Дальше — больше. Я стал отныне, находясь в суде, внимательно наблюдать за работой судьи. Начал ставить для себя «плюсы» и «минусы». С каждым разом «минусов», то есть того, что мне не нравилось в профессии судьи, становилось больше того, что нравилось.

Самое главное, стал замечать, что судья находится как бы между двух огней: сторона обвинения и сторона защиты. Какой бы, на мой взгляд, самый справедливый приговор или решение судья вместе с народными заседателями ни вынес, его всё равно в большинстве случаев обжалует или представитель прокуратуры, или адвокат. Обоим не всегда угодить. А когда кто-то из сторон добивается отмены приговора, то виноват в конечном итоге председательствующий в судебном заседании.

В настоящее время народных заседателей в судах не наблюдается. Не путать с присяжными заседателями. Последние участвуют только в конкретных случаях, первые же тогда участвовали во всех судебных заседаниях. Один случай тоже превратился в моём наблюдении в «минус».

Суд рассматривал уголовное дело по обвинению работника Волжского автозавода в хищении. Судья наш никогда не навязывал своего мнения народным заседателям. Всегда спрашивал сначала нас о мере наказания подсудимому. Учитывая то обстоятельство, что подсудимый учился на вечернем отделении единственного на тот момент в городе политехнического института, и заочного отделения там не было, я предложил наказание в виде исправительных работ по месту работы. «Согласен, — сказал судья и обратился с тем же вопросом к другому заседателю: — А вы что скажете?» «Исправительные работы в местах, определяемых соответствующими органами», — услышали мы в ответ. Поскольку тот грозился написать особое мнение, что означало стопроцентную отмену областным судом приговора, подсудимый получил наказание, предложенное моим

коллегой-заседателем. Должен заметить, при этом никакого нарушения закона не произошло. Можно было вынести подсудимому любое из двух наказаний. Читатель мне скажет: «Рабочий, а по совместительству — студент, сам виноват! Нечего воровать!» Так-то оно так. Но в данном случае подсудимый понёс двойное наказание: в виде исправительных работ и в виде отчисления из института. А я, покидая то судебное заседание, подумал: что буду делать, став судьёй, с такими народными заседателями?

Меня никак не устраивало в те не столь далёкие времена, что один и тот же судья со своими народными заседателями рассматривал и уголовные, и гражданские дела. Причём часто в один день. Сейчас, говорят, этого нет. Но тогда это обстоятельство отталкивало кандидатов садиться в кресло народного судьи. Я бы, например, согласился работать судьёй, если бы мне пришлось в соответствии с темой моей дипломной работы выносить только решения по гражданским делам. Но выносить приговоры — это немножко другое. К счастью, законодатель в конечном итоге сделал так, как и должно быть. Но это случилось слишком поздно.

Сидеть весь процесс и смотреть на представителей сторон процесса тяжело, приходилось отвлекаться и смотреть на судью и... секретаря судебного заседания. При этом я часто замечал, что последняя от усталости не всегда успевает заносить в протокол судебного заседания выступления сторон. А ведь вышестоящий суд, рассматривая дело, в первую очередь читает протокол. Что может привести к отмене приговора или решения суда.

Не нравилась мне и выборность народных судей гражданами по аналогии с депутатами Советов всех уровней. Сейчас этого, к счастью, нет. Но тогда, рассматривая гражданские дела об имущественных и денежных спорах, судья мог запросто за пять лет (срок, на который он избирался) настроить против себя очень многих избирателей, получивших отказы в исках. Можно догадаться, как они и члены их семей,

придя на избирательный участок, будут голосовать при выборах судьи.

Мне вспоминается одно гражданское дело. Одна сестра взяла у другой родной сестры (обе были замужем) в долг пять тысяч рублей для покупки автомобиля «жигули». Обещала по первому требованию вернуть. Все знают, что в те советские времена (середина 1980-х годов) просто так купить автомобиль в СССР было невозможно. Только в порядке очереди, которая длилась годами. Так вот, когда подошла очередь на покупку «жигулей» у сестры, которая дала в долг сестре крупную по тем временам сумму денег, она наведлась к последней. Однако после того визита они встретились в суде.

До сих пор я, как бывший народный заседатель, вижу перед своим мысленным взором заплаканную истицу и не моргнувшую глазом ответчицу. Последняя заявила, что в последнее время она переболела гриппом и у неё что-то стало с памятью: «Если я брала у тебя, сестричка, такую крупную сумму денег, то покажи суду расписку». Вариант, видимо, подсказанный её адвокатом, был заведомо беспроигрышным. Всё дело в том, что тогда (сейчас не знаю) при одалживании денег в сумме больше пятидесяти рублей требовалась письменная расписка. Её-то «сестричка» и не написала. Скорей всего, надеялась на совесть той, кому давала деньги, а также на то, что при этом присутствовали их родители и мужа. Но, как говорили древние римляне, «закон суров, но это закон».

Понятно, что при таких обстоятельствах суд был вынужден отказать истице, ибо сослаться на свидетельские показания тех же родителей сестёр не имел права. Слезные просьбы в зале судебного заседания их мамы к старшей дочери признать иск и вернуть младшей дочери взятые в долг деньги ни к чему не привели. Не будучи юристами, родители и их младшая дочка считали решение суда несправедливым. Как они голосовали в следующий раз по выборам судьи, где кандидатом был наш судья, можно догадаться. Таких приме-

ров в моей практике народного заседателя много. Областной суд по жалобе истицы оставил решение нижестоящего суда в силе. По-другому он поступить и не мог. Виноватым же в глазах истицы и её родителей оказался судья.

Спрашивается, зачем мне все эти вышеперечисленные проблемы? И я, немного подумав, остался работать на предприятии. Ведущим кадровиком, поскольку наша юрисконсульт никуда в ближайшее время уходить не собиралась.

Меня могут спросить, а как же полученные в университете юридические знания? Отвечаю: они мне ещё как пригодились.

Тогда, в отличие от нынешнего времени, члены участковых избирательных комиссий по выборам депутатов всех уровней Советов избирались работниками предприятий отдельно на каждые выборы. Этим в кадрах занимался я. Приходилось брать в руки вузовский учебник «Советское строительство» и припоминать, что подзабыл.

Контролировал работу товарищеского суда, возглавлял работу добровольной народной дружины, являлся секретарём комиссии по трудовым спорам, а это значит, что мне приходилось за помощью обращаться к учебнику «Суд и правосудие в СССР».

Работая в кадрах предприятия, я ещё долгое время избирался народным заседателем в суде. Что означало: приходилось припоминать постатейно Уголовный, Гражданский кодекс, Уголовно-процессуальный, Гражданско-процессуальный, Семейный кодексы.

Что касается Трудового кодекса, то он у меня в буквальном смысле слова стал настольной книгой — без него я, как говорится, «ни туды и ни сюды». Как и учебники по психологии и логике. Работать с персоналом — это настоящее искусство.

Приходилось периодически открывать и учебники: «Административное право», «Право социального обеспечения», «Государственное право СССР», «Экономика отраслей

народного хозяйства», «Хозяйственное право», «Изобретательское право», «Жилищное право».

Однако здесь, как и у каждой медали, имелось две стороны: с одной — мне юридические знания здорово помогли в работе, с другой — учитывая, что с юридическим образованием среди коллег я был один, приходилось часто выручать их, консультируя, разумеется, бесплатно по непосредственным функциональным обязанностям. Но это ещё полбеды. Когда у руководителей предприятия намечались разногласия с юрисконсультантом по тем или иным юридическим вопросам, их решать поручали мне. С поручениями всегда справлялся. При этом всегда с благодарностью вспоминал всех тех преподавателей, доцентов и профессоров университета, которые научили меня юридическим знаниям.

Прошло почти три с половиной десятилетия с тех пор, как я получил университетский диплом юриста, но знаниями пользуюсь до сих пор. Разумеется, с поправкой на время: уже самостоятельно приходится изучить российское законодательство. Оно, как известно, сильно отличается от советского. Но для меня, обучавшегося в своё время в университете не для получения очередного звания в правоохранительных органах, а для получения обширных знаний в юриспруденции, не проблема его самостоятельно изучить. Что я периодически и делаю.

КРЁСТНАЯ

Мемуары

Приехав в мае 1991 года в родное село Малиновка, которое не посещал ровно двадцать лет, я в тот же день пошёл в дом моей крёстной. Кошарная Зоя Денисовна продолжала жить в том же стареньком домике, что и раньше. Разве что сад не узнать: разросшиеся за два десятилетия деревья закрывали собой сам дом. Сначала я долго любовался цве-

тением сада. Затем вошёл во двор и постучал в окно. Никто не ответил. Тревога охватила меня.

«Жива ли, нет ли? — носились мысли в голове. — Столько лет не видел». Письма писать она не любила.

А в это время с огорода ко мне с тяткой в руках бежала женщина. Ею оказалась моя крёстная. Встрече обрадовались оба: кто больше, трудно сказать. Несмотря на пенсионный возраст, она по-прежнему оставалась такой же весёлой и жизнерадостной, какой я её знал в школьные годы до августа 1971 года, когда проживал с родителями в селе. Только однажды я видел у неё слёзы на глазах: в день нашего отъезда. Ещё бы: мы уезжали навсегда, а она оставалась.

Со мной был фотоаппарат. Однако мне долго пришлось уговаривать крёстную сфотографироваться. Причина состояла в том, что на ней находилась старенькая куртка. Мне же пришлось объяснить, что плёнка чёрно-белая, а не цветная, и что на фото она будет смотреться как новая. Только тогда согласилась. Сейчас смотрю на неё спустя годы и вспоминаю ту незабываемую встречу. Смотрю на ту куртку и только улыбаюсь.

Моя мама поначалу, вступив в колхоз, работала в полеводческой бригаде. Там и познакомилась с Зоей Кошарной. Когда я родился в октябре 1956 года, то в выборе крёстной мама остановилась именно на ней. Почему? Не знаю. Видимо, появились на то основания.

Крестили меня в селе в специальном помещении (церковь коммунисты уничтожили). Когда крёстные вернулись после обряда крещения в наш дом, Зоя Денисовна продолжала держать меня на руках. Обрадованный отец достал бутылку водки и решил отметить это событие. Но произошло то, чего никто не ожидал: бутылка в руках отца раскололась пополам, содержимое облило одежду отца. Он растерялся. Все находились в шоке. Но на помощь отцу пришла крёстная:

— Не переживай, кум, это на счастье, будет жить долго!

Много раз за свою долгую жизнь я вспоминал те пророческие слова. Она оказалась права. Был в моей неосознанной

тогда ещё жизни один эпизод, когда она, жизнь, действительно висела на волоске. Но я выжил. Возможно, благодаря и не в последнюю очередь тем словам крёстной, произнесённым в буквальном смысле слова под руку. Давно нет в живых Зои Денисовны, но память о ней я храню в своём благодарном сердце.

ВСПОМИНАЯ ЛЕРМОНТОВА

Мемуары

В последнее время на российском телевидении всё чаще можно видеть покойную Вангу с её предсказаниями. Как и предсказателей по звёздам. Однако давно известно, что не хуже последних предсказывали в своё время будущее страны наши поэты. Пусть и не все их предсказания сбылись, но они заставляли думать соотечественников. Может, и к счастью, что некоторые не сбылись.

Страшно представить, что бы было, если бы сбылось предсказание поэта 1930-х годов Павла Когана, мечтавшего дойти с боями «до Ганга». Если учесть, что за освобождение только одной Польши погибло 600 000 советских солдат и офицеров. А Ганг — это уже далёкая Индия. Зато, к сожалению, сбылось предсказание в полной мере другого русского поэта XIX века Михаила Лермонтова.

Его стихотворение так и называется — «Предсказание». Сейчас, когда и Февраль 1917 года, и Октябрь того же года, как и кровопролитная Гражданская война в России, остались просто историческими фактами, поражаешься тому, как мог юный поэт предсказать указанные события заранее. Другой вопрос, что к нему тогда в обществе не прислушались. А стоило бы прислушаться тому же императору Николаю Первому. Вместо этого он преследовал поэта за его творчество.

История не знает сослагательного наклонения, но вот интересно: если бы императором в то время являлся его

сын Александр, будущий император Александр Второй — освободитель? Мог бы он отменить позорное крепостное право не в 1861 году, а хотя бы в 1841 году? А ещё лучше — в 1825 году, сразу же после выступления декабристов? Я думаю, что мог бы. И тогда Россия могла спокойно выиграть Крымскую войну спустя три десятилетия, ибо Севастополь защищали бы не крепостные, одетые в солдатские шинели, а свободные граждане. Кто знает, может, в таком случае и «призрак коммунизма», по Марксу, в 1917 году обошёл бы Россию стороной?!

К большому сожалению поклонников поэта Лермонтова, к которым принадлежу и я, он предсказал и раннюю свою смерть. Достаточно внимательно прочитать его стихотворение «Смерть». Без слёз читать нельзя. Тем более что начинается оно с прекрасных слов: «Ласкаемый цветущими мечтами...» И вот тут я подумал: как известно, Михаил Юрьевич ушёл из жизни одиноким, ибо жениться не успел. Что бы было, если бы его не предала Варвара Лопухина и он женился бы на ней? Стал бы он тогда в полный рост на дуэли под дулом пистолета Мартынова?

Этот вопрос я в школьные годы задавал на уроке русской литературы, но получал ожидаемый ответ: «Пушкин же был женат, имел детей, но от дуэли с Дантесом почему-то не отказался». Возразить что-либо я не мог. Поскольку как любитель истории, и не только школьного курса, прекрасно понимал, в какое «рыцарское» время жили оба поэта. Для них честь была дороже жизни. Несмотря на категорический запрет дуэлей в стране.

Школьные годы. Разменяв недавно седьмой десяток, я с улыбкой вспоминаю сегодня связанные с именем Лермонтова случаи.

Русский язык в украинской школе (в ней я учился до 8-го класса, пока родители не переехали в Россию) мы начали изучать со второго класса. И вот, то ли во втором, то ли в третьем классе, учительница, проверяя домашнее задание, велела мне рассказать следующее стихотворение Лермонтова:

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Огета, как ризой, она.
И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Огна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.*

Во время чтения стихотворения у меня невольно на глазах появились слёзы. Тогда я ещё не понимал, что с рождения обладаю творческим воображением. Перед моим мысленным взором за окном, где водили хоровод снежинки, возникла лермонтовская сосна. Мне стало жалко, что я нахожусь в тёплом классе, а она — на морозе, да ещё и в одиночестве. Изменение на моём лице не могло пройти мимо внимания опытной учительницы начальных классов: «Петя, что случилось?» — «Ничего, Наталья Тихоновна, что-то в глаз попало!» — Мой ответ её устроил.

В седьмом классе учительница русского языка и литературы, а по совместительству наш классный руководитель Ольга Ульяновна, поздравляя меня с днём рождения, добавила: «Переедешь в Россию — продолжай учиться так же хорошо, русский язык и литература тебе даются легко. Кто знает, вырастешь — может, тоже станешь поэтом, как Михаил Лермонтов. Ведь вы с ним родились в один и тот же день, 15 октября». «Ага, — отвечал с улыбкой я, — только с разницей в 142 года».

Поэтом я, разумеется, не стал, а вот писателем стать получилось. И не случайно. Видимо, в моём выборе Лермонтов-писатель «поборол» Лермонтова-поэта. Благодаря его гениальному роману на все времена под названием «Герой нашего времени». Хотя его «Княгиню Лиговскую» я тоже перечитывал не один раз.

В российской школе, уже в восьмом классе, тоже приключился забавный случай. Рассказывая по требованию

учительницы содержание последней главы романа Лермонтова «Герой нашего времени», я вместо слова «фаталист» употребил слово «филателист», чем вызвал смех в классе. Смеялись, правда, не все. Те одноклассники, кто, как и я, приехал в Россию из украинской школы, меня понимали. Можно хорошо выучить любой язык, но, чтобы разговаривать на нём наравне с его носителями, надо пожить среди них.

В связи с этим мне вспомнился случай из моей недавней работы на заводе. В штате его было три переводчика: с английского, с немецкого и с итальянского языков. Мой друг Саша переводил с немецкого, но в дипломе указывался и другой дополнительный иностранный язык, который он знал, как сам считал, неплохо. Так вот, главный инженер собрался в командировку в США. Поскольку английским языком занималась переводчик-женщина, он решил взять мужчину. Саша с удовольствием согласился.

Когда же они вернулись из командировки и я стал его расспрашивать, какие достопримечательности там видел, он с грустью отвечал: «В основном библиотеку местную». И добавлял: «Я считал, что знаю английский язык в совершенстве, но, общаясь с его носителями, понял, что ничего не знаю». Вот так-то!

Изучив в школе «Героя нашего времени», я собрался «продолжить» роман Михаила Юрьевича. Однако не смог этого сделать до сих пор! И вряд ли кто сможет, так как он написан Гением с большой буквы. Всё, что хотел в романе сказать Лермонтов, он сказал. Добавить нечего. Вот она, сила таланта настоящего писателя и поэта.

15 октября 2019 года мы отметили двести пять лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Чем поэт ценен для нас, его далёких потомков? Ценен он прежде всего тем, что показывает нашей несистемной оппозиции: если вы живёте в России, будьте добры, не желайте ей зла, уважайте права остальных граждан.

У него есть замечательное стихотворение на эту тему, которое так и называется — «Родина». Начинается оно со слов: «Люблю отчизну я, но странною любовью». Речь, конечно же, идёт о том, что, не соглашаясь с порядками в России, с её общественным строем, основанным на закреплении крестьян, поэт тем не менее любил в ней:

*Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...*

И далее:

*Люблю дымок спалённый жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз...*

И самое главное, что поэт открыто заявляет, на чьей он стороне в стране:

*И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

Сам факт, что Лермонтов употребляет ласковое слово «мужички», а не пользуется грубоватым «мужики», уже говорит о многом. Кстати, далее в стихотворении вы не найдёте осуждения их за то, что они «пьяные». Автор стихотворения прекрасно понимал, что пили они не от хорошей жизни.

Как видим, поэт наглядно своим примером показывает, что надо быть ближе к народу, надо любить Родину — землю, на которой живёте. А митингами, организованными на деньги зарубежных «доброжелателей», ничего добиться нельзя. Если не считать того, что случилось в 2014 году на Украине.

Нам такого порядка не надо. Россия давно исчерпала свой лимит на революции. Все спорные вопросы в обществе следует решать законными мирными средствами.

ГЕРМАНЦЫ

Мемуары

1972 год. Город Тольятти, средняя школа тридцать пять. Идёт урок географии. Стоя у доски с картой мира, я не спеша рассказываю о населении европейских стран. По требованию учителя называю при этом народы, которые там проживают: англичане, поляки, венгры и так далее. Но вдруг в классе раздаётся смех. Оказалось, что, с моих слов, в Германии живут... германцы.

— Ничего смешного не вижу, — успокоила класс учительница. — Во-первых, там действительно проживали когда-то германцы, во-вторых, Петя всего лишь несколько месяцев обучается в русской школе. А в украинском языке, да будет вам, умникам, известно, название этой страны и её народа совпадает: «Нимэччына» и «Нимэць». Чтобы полностью преодолеть языковой барьер, нужно время. Часто слышу, что украинский и белорусский языки схожи с русским. Да, это верно, но вы, родившиеся в России, езжайте в украинскую или белорусскую глухую деревню и попробуйте общаться с ними на их языке. Ощущение будет такое, словно вы попали на другую планету.

Учительница знала, что говорила: некоторые родители, приехавшие в город на Волге с детьми-школьниками из тех же Украины и Белоруссии, я уже не говорю о других на тот момент союзных республиках, увозили их обратно в родные края. Были и такие, кто не увозил на свой страх и риск. Возможно, ехать было некуда! Моя тётя привезла из украинского села сына-второклассника и дочку-третьеклассницу. В итоге сына в течение учебного года

пересадили в... первый класс. Его сестра этой беды избежала. Секрет простой: в украинской сельской школе изучать русский язык мы начинали только со второго класса. Сын же тётки просто не успел этого сделать.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ МАРТА

Мемуары

Начиная с января 1992 года, то есть со времени перехода нашей страны на рыночное хозяйство, дефицита как промышленных, так и продовольственных товаров не стало. Другое дело, что не всем нашим гражданам они по карману. Однако было в нашей стране время, когда деньги были, но купить дефицитные товары не могли. Государство вынужденно вводило на некоторые товары и продукты талоны. С января указанного выше года они стали никому не нужны, но я их храню для истории.

Нынешняя молодёжь, наверное, не поверит, что даже в 1991 году граждане не могли свободно купить в магазине: колбасные изделия, масло животное, масло растительное, кондитерские изделия, макаронные изделия, мыло хозяйственное, мыло туалетное, моющие средства. Это я не выдумал, а списал с талонов-оригиналов. Что говорить о книгах, телевизорах, холодильниках и так далее. К счастью, работникам Волжского автозавода в некотором смысле повезло: благодаря бартеру с использованием выпускаемых автомобилей на завод поступали и книги, и телевизоры, и холодильники. На всех, понятно, не хватало. Устанавливалась определённая очерёдность. Хотелось же всем.

В связи с этим мне вспомнилась одна весёлая история из жизни нашего отдела. Почему весёлая? Случилась первого апреля в конце 1980-х годов.

Я всю жизнь пользуюсь отрывным календарём, куда заранее записываю то, что в конкретный день надо сделать или

не сделать. Ежегодно на листке первого апреля у меня стояла запись: «Никому не верить».

Поэтому, когда первого апреля мне позвонили с утра и сообщили, что мне выделили видеомагнитофон и чтобы срочно шёл его выкупать, — я ответил вполне серьёзно: «Спасибо, он у меня уже есть, отдайте его моему коллеге». Разумеется, отвечал шуткой на шутку, ибо никакого видеомагнитофона на тот момент у меня не было. Я его купил позже в свободной торговле. Коллеге перезвонили. Я еле удержался от смеха, чтобы себя не выдать, когда увидел, как он вскочил и побежал за талоном для покупки видеомагнитофона.

Когда он ушёл, вернее, убежал, помещение наше разразилось смехом. Коллеги-женщины, слышавшие мой разговор, поняли, что это была шутка, ибо знали: я никогда от такой нужной вещи не отказался бы, если бы мне позвонили, скажем, второго апреля.

Вернувшись, коллега стал меня упрекать:

— Ты почему, Пётр Алексеевич, мне не сказал, что сегодня 1 апреля?

— Да потому, дорогой товарищ, я думал, сегодня 32 марта.

Мы оба рассмеялись.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Мемуары

Кто из нас в детстве, садясь в автобус, троллейбус или в трамвай, не мечтал получить от кондуктора заветный «счастливый» билет! — когда сумма первых трёх цифр совпадала с суммой следующих трёх. Почему-то считалось, что пассажиру со «счастливым» билетом в ближайшее время обязательно повезёт.

Лично я в везение не очень-то верил. Может быть, потому, что, получая в общественном городском транспорте

«счастливый» билет в школьные годы, что-то не замечал после этого никакого везения.

Первого сентября 1979 года я вместе с группой тольяттинцев ехал в областной центр на первый вступительный экзамен в университет. Возле центрального автовокзала мы сели на трамвай. Стали подходить к кондуктору и брать билеты. Когда эта процедура закончилась, один из нас (ехали две девушки и четыре парня), первым купивший билет, подсчитал, что у кого-то из нас должен оказаться «счастливый» билет. Кондуктор эту «секретную» информацию подтвердила.

Каждый стал проверять номер своего проездного билета. Я сидел без движения, для меня не имело значения, достанется мне этот заветный билет или «пролетит» мимо.

Провалившись в прошлый раз на третьем вступительном экзамене по литературе (сочинение и историю я успешно одолел), теперь я ехал на экзамены подготовленным на все 100%. В написании сочинения не сомневался, историей, как и русским языком, увлекался с детства. На этот раз предстояло пересдать экзамен по русской литературе и сдать впервые экзамен по немецкому языку. К ним готовился целый год: перечитал все прозаические произведения и выучил все стихотворения и поэмы, включённые в программу вступительных экзаменов. По немецкому языку готовился по учебнику и по передачам московского радио на Германию.

Поэтому, когда один из абитуриентов, ехавших со мной, последним проверивший свой трамвайный билет, предложил поменяться билетами, я согласился и отдал ему свой «счастливый» билет.

— Ты, Петя, решил, видимо, на следующий год поступать? — не поняли моего юмора остальные.

Не успел я ответить, как за меня это сделала кондуктор:

— Ребята, поверьте, я уже не один десяток лет продаю билеты и не слышала, чтобы абитуриенты, ехавшие в трамвае, становились студентами только потому, что им достался «счастливый» билет. Надо просто к вступительным экзаменам хорошо готовиться.

Как показали дальнейшие события, кондуктор оказалась права: из шести тольяттинских абитуриентов, купивших у неё тогда билеты, в университет поступил только я один.

КОРМИЛЕЦ

Мемуары

Как-то одна из наших сотрудниц привела на работу своего шестилетнего сына. Стоял на дворе апрель. Что значило – проводится ленинский коммунистический субботник. В советские времена он считался обязательным. На него работникам производства, как и Волжского автозавода в целом, разрешалось приводить своих несовершеннолетних детей. На экскурсию.

Субботник закончился. Родители увели своих детей. Но осталась одна коллега с сыном, которая дожидалась мужа с автомобилем.

Мальчик был не по возрасту разговорчивым. Рассказал подробно о своём садике. Женщинам-коллегам оказалось этого мало. Одна из них задала ему явно провокационный вопрос:

– Ты когда станешь взрослым, а родители твои – старенькими, будешь их кормить, заботиться о них?

– Буду! – не моргнув глазом, отвечал тот.

– Какой хороший мальчик, маме повезло с таким сыночком, – раздались голоса.

Прошла минута. В течение её «будущий кормилец» сидел тихо с серьёзным лицом. Маме все завидовали. Как вдруг... он произнёс: «Если папа с мамой будут мне отдавать свою пенсию!»

В помещении наступила тишина. Затем раздался смех. Это смех «сквозь слёзы». В первую очередь, со стороны мамы.

Вспоминая тот случай, думаю: а ведь эта история случилась задолго до того, как в нашем обществе мерой всего

стали деньги. Что мальчик сказал бы сегодня, отвечая на «хитрый» вопрос взрослых?

ИЗ ЖИЗНИ АВТОРА

Мемуары

Родился 15 октября 1956 года в селе Новосёловка (ныне — Малиновка) Гуляйпольского района Запорожской области Украины.

В августе 1971 года вместе с родителями и братом переехал на постоянное место жительства в Россию, город Тольятти Куйбышевской (ныне — Самарской) области, где проживает по настоящее время.

Окончив среднюю школу, поступил работать на Волжский автозавод. Возвратившись домой со службы в армии, устроился на тот же завод. Заочно окончил юридический факультет университета.

После обучения и до ухода на пенсию работал на заводе ведущим кадровиком.

Активно участвовал в общественной жизни города: был депутатом Автозаводского районного Совета народных депутатов, возглавлял там постоянную комиссию по социалистической законности и охране общественного порядка. Избирался длительное время народным заседателем Автозаводского нарсуда. Являлся внештатным участковым инспектором милиции. Возглавлял на производстве добровольную народную дружину.

Писать начал со школьной скамьи. В 1980-х годах работал внештатным корреспондентом городской газеты «За коммунизм». Печатался и в других периодических изданиях.

С 2015 года зарегистрирован на литературном портале «Проза.ру», где опубликовал четыре повести и более двухсот рассказов, не считая мемуаров и статей. Включён в «Золотой фонд» по итогам конкурса «Народный писатель» в 2016 году.

Рассказы «Случай у кассы» и «Сосед по гостиничному номеру» в 2018/19 годах экранизированы ульяновским кинорежиссёром Павлом Жарковым.

С 2019 года публикует свои произведения в издательстве «Серебро Слов» в коллективных сборниках.

АВТОГРАД – МОЯ СУДЬБА

Мемуары

Двадцать второго августа 2021 года исполнится полвека, как я вместе с родителями впервые ступил на волжский берег. С тех пор город Тольятти стал родным. Впервые о нём я услышал зимой 1971 года на Украине. Возвратившись из школы (учился в седьмом классе), включил телевизор. Показывали десятиминутный тележурнал о городе Тольятти и построенном там Волжском автомобильном заводе. Возможно, я и пропустил бы его, но меня привлекла замечательная песня «Голубые города» в исполнении Эмиля Горовца:

Все на свете города
Не объехать никогда,
На любой остановке сойди.
Есть у нас один секрет —
На двоих нам сорок лет,
Как говорят — всё впереди.

Когда вернулись с работы родители, я им сказал об увиденной рекламе какого-то неизвестного мне города на Волге с автомобильным заводом. Оказалось, они её ранее видели и собрались туда переехать. Отец уехал первым в апреле того же года. Мы с мамой — позже, в августе.

Вступив на тольяттинскую землю, я словно оказался на другой планете. У нас рядом с селом не было ни соснового леса, ни реки. Здесь же, в Тольятти, увидел столетние сосны и настоящую Волгу. О чём ранее не мечтал.

Город (Ставрополь-на-Волге первоначально) основал в 1737 году Василий Татищев. Вначале это был город-крепость. В знак благодарности основателю жители современного Тольятти в 1998 году установили на берегу Волги ему памятник. Своей бронзовой рукой он указывает на нынешний город. Хотя, как я неоднократно слышал, при установке монумента хотели развернуть руку в сторону затопленного Ставрополя-на-Волге, который Василий Никитич и основал в далёком восемнадцатом веке. Потом передумали. В противном случае получалось, Татищев «упрекал» жителей в затоплении его детища.

От Москвы – столицы нашей Родины – город находится на расстоянии в тысячу километров. Вдоль Волги, на которой стоит, растянулся на три десятка километров. По величине и численности населения Тольятти сегодня второй по величине город в Самарской области.

Город по праву считается «трижды рождённым»: в первой половине восемнадцатого века, в начале 50-х и в середине 60-х годов двадцатого века. Две последние даты связаны соответственно со строительством гидроэлектростанции и Волжского автозавода. Не будь этих событий, он оставался бы не только неизвестным в стране и за рубежом, но и уступал бы той же Сызрани. Интересна дискуссия, до сих пор так и не законченная: почему автозавод построили именно в Тольятти? Первый и самый простой ответ, который даст, наверное, любой тольяттинский школьник: город носил имя руководителя итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти.

В 1964 году его пригласило советское правительство в пионерский лагерь «Артек», где в то время отдыхали дети коммунистов Италии. Там он и умер в возрасте семидесяти одного года. В связи с этим работники одного из тольяттинских заводов вышли с ходатайством о присвоении городу имени главного итальянского коммуниста. Просьбу удовлетворили. Думается, по двум причинам: Ставрополь-на-Волге «лежал» на дне Жигулёвского рукотворного моря,

во-вторых, ещё один город Ставрополь значился на карте СССР.

Однако ответ этот не совсем верный. Если бы имя города играло главную роль, то он оставался бы единственной возможной площадкой для строительства автозавода. Мало кто знает, что за неё спорили сто двенадцать городов Советского Союза. Это вначале. Потом их количество сократилось до тридцати девяти. А, говоря спортивным языком, в финал вышли шесть возможных площадок: Горьковская, Ярославская, Саратовская, Украинская, Белорусская и Куйбышевская. Последнюю представлял город Тольятти, который и стал победителем в этой гонке, с лёгкой руки Политбюро. Я очень сомневаюсь, чтобы серьёзные дяденьки оттуда дали преимущество моему городу только благодаря его итальянскому имени. Иначе зачем тратили время и рассматривали более сотни возможных площадок?

Город победил своим месторасположением: судоходная река, узловая железнодорожная станция Сызрань под боком, ГЭС. Сто километров до областного центра и чуть меньше до аэропорта.

Официально завод строился в городе Тольятти. По почтовому адресу. Фактически же — в голой степи, находящейся вдалеке от населённого пункта. Рядом с заводом строился Новый город, который поначалу так и назывался, наряду с Автоградом. До деления в 1972 году Тольятти на три административных района. Последний получил ожидаемое название — Автозаводский.

Фундамент первого дома в этом будущем районе заложен 31 октября 1967 года. Об этом долгое время напоминал стенд на Восточном кольце. Сейчас его убрали. А зря! Это же тоже память того далёкого времени. Если стенд в музей отдали, тогда вопрос снимается.

С 22 августа семьдесят первого года до пятого марта семьдесят второго мы снимали комнату в частном секторе Старого города. А после пятого марта переселились в коммунальную квартиру Нового города. У нас её называли и до сих пор

называют почему-то «малосемейкой». Это нечто между отдельной квартирой и общежитием, в том числе семейным.

Жили на одной из прекрасных улиц того времени – улице Свердлова. Дом находится во втором жилом квартале. Кроме него строились ещё три: первый, шестой и седьмой, где уже жили люди. А вокруг них по-прежнему гуляла степь. Уже являясь депутатом Автозаводского районного Совета народных депутатов в 1980-х годах, я узнал на одной из сессий из уст городского архитектора, что первоначальный план Автограда предусматривал наличие тринадцати жилых кварталов. Время же внесло свои коррективы. Ныне их больше двадцати. И конца этому не видать: район застраивается дальше за Московский проспект в сторону бывшего совхоза имени Степана Разина.

Кинотеатр «Сатурн» строился долго, но открылся к нашему переезду в Автоград. Помнится, листая городскую газету «За коммунизм» за предыдущие годы, я встречал в ней заметки типа: ««Сатурн» почти не виден». Сравнивали с художественными фильмами «Путь в «Сатурн»» и «Конец «Сатурна»». Нельзя сказать, что в то время мы, жители Автозаводского района Тольятти, имели проблемы с просмотром советских и зарубежных кинофильмов. Во-первых, «Сатурн» вмещал тысячу сто зрителей, во-вторых, в каждом из трёх комплексных общежитий имелись кинозалы. В Центральном районе к нашим услугам были кинотеатры: «Космос», «Буревестник», «Авангард». В Комсомольском районе – «Маяк».

Шли на киносеансы как на праздник. Прошли, пролетели годы, и... спрости меня, в каком году я посещал кинотеатр, я не отвечу, ибо не помню. Но лет двадцать пять назад – это точно. Нет сейчас уже кинотеатров в том виде. Одни перестроили (например, «Космос» до неузнаваемости), другие – сровняли с землёй («Маяк»), третьи выставили на продажу («Сатурн»).

До неузнаваемости изменился и сам наш Автозаводский район. В школьные годы, когда я шёл вдоль улицы Сверд-

лова в кинотеатр «Сатурн», то непременно заходил в рабочую столовую, расположенную на углу улиц Свердлова и Революционной. Перекусить. Нынче на её месте стоит Православный институт. Невдалеке от нашего дома работал промтоварный магазин «Восход». Сегодня, как говорится, от него остались «ножки да рожки». Магазин, конечно, стоит на том же месте, но «Восходом» не пахнет. Там расположились в основном частные предприниматели. Прежние же отделы исчезли.

В первые годы в каждом жилом квартале строили прекрасные двухэтажные продовольственные торговые центры из стекла и бетона. На них любо было посмотреть. Сейчас на них смотреть не хочется. Вместо стекла – кирпич. А внутри не что иное, как микрорынки. Разумеется, там, где не успели поселиться ещё «Магниты», «Пятёрочки», «Ленты» и так далее.

Если сравнивать век нынешний и век минувший касаясь Автограда, то в первую очередь в глаза кидаются дороги. Речь не только о разбитом за полвека дорожном покрытии. Да, его регулярно латают, но зимние морозы плюс шипованные колёса автотранспорта делают своё нехорошее дело. Я же хочу сказать о другом: ныне все улицы усеяны рекламными щитами, под некоторыми из них просто страшно проезжать. Такого безобразия в советское время мы, разумеется, не видели. То же самое касается и торговых павильонов (палаток) вдоль городских улиц, около тротуаров. Появляются где попало. Раньше стояли только киоски «Союзпечати». Теперь торгуют кто во что горазд.

Долгое время дирекция Волжского автозавода располагалась в арендуемом у политехнического института здании, но вот настали капиталистические времена, завод стал сам себе хозяин и построил высотное здание для администрации. С ним как-то первого апреля получился прикол. То, что на верху здания ладья вращается на 360 градусов, знают все работники, настоящие и бывшие. Некоторые из числа последних, давно уволившихся на пенсию, попались

на первоапрельский розыгрыш. В этот день смеха в интернете появилась вполне серьёзная информация. Говорилось о том, что, проектируя высотку, с самого начала предполагали, что будет вращаться не только ладья, но и само здание. При постройке, мол, у предприятия денег на это не хватило, а теперь их нашли. Конечно, те, кто ежедневно ездил на работу и с работы мимо этого необычного здания, информацию приняли за шутку. Но те, кто не ездил и не бывал в здании давно, звонили мне и спрашивали: правда ли? Пришлось бывших коллег разочаровывать, напоминать о Дне смеха.

За прошедшие десятилетия в Автограде поменялось многое в строительстве как жилых домов, так и административных зданий. Если раньше районная милиция и районный военкомат ютились на нижних этажах одного из комплексных общежитий, то сейчас для этих учреждений построены красивые здания. Как и для суда. Появляются всё новые жилые дома, один краше другого.

По-прежнему радуют глаз построенные в двадцатом веке: дворец спорта «Волгарь», Дворец культуры и техники, плавательный бассейн «Олимп», стадион. К счастью, его не постигла в своё время судьба московских «Лужников», превращённых во всесоюзную барахолку. А вот прекрасное здание торгового центра «Океан» теперь не узнать. Рыба с него каким-то таинственным образом «уплыла». Это при наличии рядом Волги с её водохранилищем?! Нынче там хозяйничают частные торговцы.

Самое главное различие между Автоградом двадцать первого века и века двадцатого: тогда сюда приезжали жить люди со всей страны под названием СССР, работы на Волжском автозаводе всегда хватало для ста десяти тысяч работников. Сегодня они из него, наоборот, уезжают. Кто куда. В основном в Москву и Питер. Виной всему градообразующее предприятие, которым нынче руководят иностранцы. Численность работников они сократили до минимума. Правительство России, как и Самарской об-

ласти, конечно, предпринимает меры, чтобы ситуацию исправить. Тем не менее я люблю свой город Тольятти, в котором живу почти полвека, и благодарю его, что он оказался в моей судьбе.

Песен о городе Тольятти написано не так уж и мало. Одну из них я, услышав впервые в августе 1971 года, не могу забыть до сих пор.

На автовокзале города, куда мы приехали, я увидел группу иногородних студентов из стройотряда. Они дружно сидели в автобус рейсом Тольятти — Куйбышев, уезжая к себе на родину. Вдруг один парень включил магнитофон, и над столетними соснами зазвучала песня. Мне в память врезались слова припева: «А в Тольятти ветра. Много разных забот. От утра до утра люди строят завод».

Сразу стало как-то приятно на душе. Получалось, нас с братом родители не зря привезли в этот волжский город, откуда студенты увозят с собой песню.

Второй раз встретился с песней спустя полгода. Возвращаясь из школы, услышал из окна новенькой девятиэтажки слова: «Туринское небо покрыто туманом, и кажется небо огромным карманом. Карманом, в котором, чуть-чуть поработав, попрятались звёзды — светить неохота». Далее шёл знакомый припев, повторяемый дважды. Теперь я стал интересоваться автором песни. В те далёкие времена интернета не существовало. Найти ответ на интересующий вопрос оказалось не так просто. Только в 1996 году смог я узнать имя автора. Это Лев Лазаревич Вайнштейн. На праздновании 30-летия Волжского автомобильного завода во Дворце спорта он исполнил свою песню со сцены. Все присутствующие на торжестве слушали песню, затаив дыхание. Ибо они вместе с песней слышали со сцены дыхание той далёкой эпохи (песня написана в 1967 году в прекрасном итальянском городе Турине).

КАДРОВИК-ФРОНТОВИК

Мемуары

Василий Антонович Каргаполов на нашем предприятии работал первым руководителем кадров. Тогда ещё, когда на месте будущего завода генераторов и стартёров работали экскаваторы и другая строительная техника. Строителей-то надо на работу принимать.

Внимательно рассматриваю фото 1972 года. Глубокая осень. «Они были первыми», — сразу же приходит на ум. Это на самом деле так. Среди них первый директор и его кадровик Каргаполов. С ним я познакомился до своей работы в кадрах, в 1983 году. Тогда, в январе месяце, я готовился к поездке на очередную сессию в университет. Шесть лет я туда ездил, но эту забыть никогда не смогу. За несколько дней до её начала военкомат прислал мне очередную повестку на военные сборы. Мой вызов на сессию в этом учреждении во внимание не приняли, отобрав паспорт и военный билет. Это грозило мне потерей учебного года, так как в мае должна начинаться следующая сессия. А без сдачи этой меня бы к той не допустили.

Пришлось обратиться в кадры предприятия. Объяснив причину посещения столь уважаемого заведения, я с нетерпением ждал ответа от его начальника, не надеясь на помощь.

— Что ты из-за пустяка расстроился, Пётр Алексеевич, — успокоил меня Василий Антонович, — у тебя уважительная причина для переноса сборов. Я сейчас позвоню, объясню им, что они поступают не очень хорошо. А ты прямо сейчас езжай в военкомат, передавай привет от меня, забирай свои документы и езжай сдавай сессию. Ни пуха ни пера. Но от следующих сборов не отказывайся. После получения диплома.

Сидевший в кабинете до этого грустный, я заулыбался:

— Василий Антонович, до диплома ещё три с половиной года.

— Не переживай, я им объясню. Подождут.

Обрадовавшись, я не поехал, а «полетел» в военкомат. Однако перед его входом остановился, задумался: «А если не послушают его, тогда что мне делать?» К счастью, как я потом в своей жизни не раз убеждался, есть люди, которые своих обещаний на ветер не бросают. Сказал — сделал. К ним принадлежал и Каргаполов. Я тоже своё слово сдержал: после получения высшего образования и воинского звания «лейтенант» посещал все военные сборы. Сейчас, когда я открываю свой военный билет офицера запаса, смотрю на дату снятия с учёта по возрасту (это произошло в 55 лет), то непременно вспоминаю того, кто помог мне получить диплом со своим курсом и группой.

Василий Антонович родился в 1924 году, и, понятно, война не могла обойти его стороной, как и его сверстников. На фронт попал в СМЕРШ. Помню, в детстве я путал его со «смерчем» — природным явлением. Оказалось, к природе оно не имеет никакого отношения. СМЕРШ — это «Смерть шпионам!» По этому поводу он часто грустил, как фронтовик, выслушивая в свой адрес неприятные слова. Всё дело в том, что многие путают СМЕРШ с заградительными отрядами. Это не одно и то же. Успокаивая его, я приводил в пример замечательный художественный фильм «В августе 44-го...».

В 1983 году у нас сменился директор. А в следующем Каргаполова «ушли» на пенсию. В шестьдесят лет. Новому директору понадобился свой кадровик.

Узнав, что я перешёл после обучения работать в кадры, Василий Антонович через меня постоянно интересовался предприятием. Редкая неделя проходила, чтобы он мне не позвонил. Передавал привет инспекторам Залётовой Л. Н., Виноградовой Л. В. и другим, с кем ему пришлось работать. Новых работников, за исключением меня, как и своего премника, не признавал.

Особенно звонки его ко мне участились, когда он похоронил свою жену, оставшись в квартире один (близких

родственников не оказалось). К счастью, его не оставили в беде соседи по площадке.

Вспоминая Каргаполова добрым словом, я сейчас думаю: а как бы он среагировал на то, что завод (последнее его название Волжский машиностроительный), который он строил «с колышка», в 2016 году приказал долго жить? Ответа от него мы уже не получим. Никогда!

УЧИТЕЛЬНИЦА МАТЕМАТИКИ

Мемуары

Не знаю почему, но только это факт: с первых классов в школе мне не нравилась математика. Кто знает, возможно, она мне и отбила бы желание учиться в школе, если бы не одно «НО». Я обучался с первого по десятый класс в трёх разных школах. К моему счастью, везде на моём пути встретились замечательные учительницы математики. К сожалению, я запомнил на всю жизнь только двоих из них, ибо в средней школе № 9 города Тольятти находился всего-навсего полгода (в восьмом классе). Потом продолжил обучение в том же восьмом классе и окончил десятый уже в тридцать пятой городской средней школе.

Так вот, я до сих пор с особой теплотой вспоминаю прекрасных педагогов, обучавших нас математике, Ларису Гурьевну Харченко из украинской школы и Людмилу Ивановну Трясцину из российской школы. Речь сейчас пойдёт о последней.

Родилась Людмила Ивановна 13 ноября 1939 года. Что сказать, и число «13» не очень хорошее, и тридцать девятый год — начало Второй мировой войны — тем более. Как и моя мама (на три года старше), она относится к категории граждан «Дети войны». Тяжело во время Великой Отечественной войны было всем, и на фронте, и в тылу, а тем более в оккупации. Но больше всего лиха досталось детям. Многие, став

взрослыми, замкнулись в себе, стали малообщительными. Таких я часто встречал и в селе, и в городе. Их понять можно: то, что они перенесли тогда, врагу не пожелаешь. Однако были и есть среди «детей войны» и такие, кто смог достойно прожить последующие годы, радуясь жизни и радуя окружающих людей. К ним по праву можно отнести и Людмилу Ивановну Трясцину.

Когда моя мама забирала мои документы из девятой школы в тридцать пятую, то её сама директор отговаривала от этого. Во-первых, после чисто украинской школы я ещё не совсем адаптировался к русской, во-вторых, там находился уже давно сплочённый коллектив учителей, а в тридцать пятой — все новые, за полгода едва успевшие познакомиться. Тем не менее мама рискнула, забрав документы: каждый день ездить на переполненном городском автобусном маршруте номер три из Старого города в Новый (тогда районов в Тольятти ещё не существовало) и обратно считалось невозможным.

К счастью, тревога оказалась напрасной: да, встречались мне и не очень хорошие учителя, но большинство из них можно смело назвать Учителями с большой буквы. Среди них — Л. И. Трясцина.

Смотрю я сейчас на фото нашего 10-го «б» класса, на фотографию Людмилы Ивановны, и невольно сравниваю с фото на её странице на сайте «Одноклассники». Да, прожитые годы, десятилетия её состарили внешне, но остались те же добрые глаза, та же улыбка. Даже посторонний, взглянув на последнее фото, скажет: «Перед нами добрейшей души человек». И не ошибётся. Ибо мы, её ученики и ученицы 1974 года, это подтверждаем.

Права моя одноклассница Валя Калёнова: «Любовь к школьному предмету прививает не сам предмет, а педагог-учитель». На себе это я вполне испытал. Так получилось, что с детства не принадлежал к так называемым «физикам», меня сильно тянуло к «лирикам». В итоге я и окончил не технический вуз, а гуманитарный. Конечно, счастлив вдвойне

тот человек, которого тянет в обе стороны. К ним опять же принадлежит наша бывшая учительница математики. Я несколько не удивился, прочитав на её странице в «Одноклассниках», что среди увлечений в разделе «Книги и периодика» указана поэзия. Оказывается, можно преподавать математику и интересоваться стихотворениями и поэмами, не относящимися к указанному предмету.

В том, что Людмила Ивановна замечательный педагог, я окончательно убедился по окончании восьмого класса. Тогда многие из одноклассников ушли учиться в техникумы и училища. Собрался и я, рассчитывая на техникум. Но сейчас, с высоты прожитых лет, убеждён: не видать мне тогда техникума как своих ушей. Возвратиться в девятый класс вряд ли получилось бы, пришлось бы идти в профессиональное училище. К счастью, меня от этого оградила школьная комиссия во главе с директором Харитоновым В. Г. Но последнюю точку в этом вопросе, конечно же, поставила учительница математики, что вначале для меня оказалось полной неожиданностью: математика-то давалась мне с трудом. Однако, проучившись потом в девятом и десятом классах, я понял одно: она в первую очередь беспокоилась не о своём предмете, её интересовала дальнейшая судьба каждого персонально ученика. За это ей низкий поклон!

Трясцина, как и мой классный руководитель Антонина Михайловна Кальбова, смогли убедить меня, что лучше окончить ещё два класса и поступить потом в институт, где не требуется математика. Честно говоря, я до этого сам тогда не додумался. Но когда после армии поступил и успешно окончил юридический факультет университета, я вспомнил их пророческие слова, ибо они оказались правы на все сто процентов. Меня с тех пор не покидает мысль: как та же Людмила Ивановна могла это предугадать, зная меня всего каких-то четыре месяца? Знала бы она, как я, получив диплом юриста, ехал тогда в Тольятти и всю дорогу мысленно её благодарил!

Многие мои одноклассники, как и я, состоят в друзьях у Трясциной в «Одноклассниках», и меня это нисколько не удивляет. Меня здорово удивил совсем другой друг. Я даже сначала не поверил, он ли это? Речь идёт о Павле Булгакове. С нами он, понятно, не учился, так как родился пятью годами позже. Зато в 1975/76 учебном году он заканчивал восьмой класс в средней школе тридцать пять, как и я двумя годами раньше — десятый. Так вот, Пашу я знаю давно, он брат моего друга Толи Булгакова. Очень честный и принципиальный человек, окончивший в своё время военно-политическое училище и работавший долгое время в милиции. Если он включил в число своих друзей наряду со мной только одного представителя педагогического коллектива нашей родной школы, то сделал это не просто так. Паша хорошо разбирается в людях. Это как раз лишний раз подтверждает: нам, учащимся бывшей средней школы тридцать пять (ныне это гимназия с тем же номером), с учителем математики повезло. Я сейчас с ужасом думаю: что меня ожидало, если бы они с учительницей русского языка, которую лишний раз вспоминать мне не хотелось бы, поменялись тогда местами?! К счастью, этого не случилось.

В КАФЕ НА ВОКЗАЛЕ

Рассказ

Подполковник Волгин, приехавший в Йошкар-Олу в одну из воинских частей, где когда-то по окончании военной кафедры политехнического института начинал свою службу, решил перекусить прямо на железнодорожном вокзале, в кафе. Когда он зашёл в здание вокзала, то обнаружил большую разницу между тем, что видел тогда молодым лейтенантом-двухгодичником и сейчас, в 2006 году. Несмотря на то, что железнодорожный вокзал находился в центре столицы автономной республики, посетителей кафе было не так

уж и много. Игорю Николаевичу в свои сорок лет по долгу службы приходилось колесить по многим железным дорогам, бывать, соответственно, и на вокзалах. Среди которых встречались и такие, что яблоку негде упасть, и такие, что встретить знакомого человека в этой глуши невозможно.

Купив кофе с бутербродами, офицер расположился за столиком у окна. Выпив его, он, взяв в руки портфель, направился к выходу, но остановился, услышав: «Волгин, зазнался, что проходишь мимо своей однокурсницы?» Повернувшись назад, увидел за столиком с чашкой кофе в руке женщину, на вид лет тридцати пяти — сорока. Подойдя к ней, убедился, что с голосом не ошибся: он принадлежал Маше Королёвой, его однокурснице по институту. «Что ей надо на этот раз от меня?» — пронеслось в голове. Ответ получил, взглянув на пальцы её левой руки: там красовалось обручальное кольцо.

...Игорю Волгину светила дорога в университет, но подруга-однокурсница Света, с которой сидел за одной партой с первого класса, уговорила пойти с ней за компанию в политехнический институт, так как поступить в университет с её оценками не могла. Не оказалось их у неё и при поступлении в институт, в который однокурсника, окончившего среднюю школу с золотой медалью, взяли с руками и ногами.

Света, разумеется, в своём провале обвинила друга, перестала с ним дружить и через несколько месяцев вышла замуж за сына какого-то чиновника среднего звена, с которым случайно познакомилась в городском трамвае.

Учитывая горький опыт на любовном фронте, Волгин не спешил заводить новые знакомства с миленькими студентками, которых, как ни странно, оказалось в группе больше. По-другому думали те самые студентки. Чем ближе казалось получение заветного диплома, тем они стали проявлять большую активность. Многие из них клеились к Игорю, но он их старался не замечать. Мотивировал тем, что параллельно

обучался на военной кафедре и собирался на два года посвятить себя службе в армии лейтенантом. Из художественной литературы, как и из фильмов, он знал, что в наш век мало осталось «декабристок», готовых последовать за мужем куда угодно в места его службы. Поэтому жениться собирался после неё.

Маша Королёва влюбилась в однокурсника Волгина ещё на первом курсе, но виду не подавала. Напомнила о себе на предпоследнем курсе. Поскольку она считалась первой красавицей не только группы, но, пожалуй, и курса, Игорь не устоял: подружился, влюбился и собирался жениться. Однако свадьба сорвалась: невеста поставила условие, что два года служить офицером в армии её будущий муж должен не где-нибудь, а в самой Москве. Ей надоело жить в провинции.

Связей и больших денег для выполнения желания будущей жены не нашлось, и они расстались. Казалось, навсегда...

После того как Маша, теперь Звонарёва, допила свой кофе, они вышли на улицу и присели на ближайшую скамейку.

— Как поживаешь, Игорёк? Любимая жена, дети? — глядя на обручальное кольцо Волгина, спросила с улыбкой женщина.

— Да как сказать, всякое бывало... Менять гарнизоны и военные городки — чего же здесь хорошего? Дети меняли школы, как перчатки.

Ответ ей понравился, она увидела в нём надежду на третий свой брак:

— Надеюсь, ты счастлив, Игорь, или до сих пор тоскуешь по не состоявшейся тогда нашей любви? Глупо всё получилось. Если бы вернуться снова нам в год получения диплома, я бы, не задумываясь, уехала бы с тобой в Йошкар-Олу. Увы! Я тогда стремилась попасть любой ценой в Москву. И попала, но счастья семейного там не нашла. Два раза успела побывать замужем, но каждый раз неудачно. Хотя мои мужья

и были коренными москвичами. Поздно я поняла, что счастье не зависит от места прописки мужа. Оно может быть «прописано» только в его сердце, как и в моём. Все эти годы я думала о тебе.

— Так уж и все годы?!

— Ну пусть не все, но после последнего развода — точно.

— Это и понятно. Не зря говорят, что утопающий хватается за соломинку. Насколько я понял, на роль «соломинки» подхожу я?

— Другой кандидатуры не имею.

— Что так? А наши однокурсники, которые по тебе тогда с ума сходили? К счастью, не сошли. Некоторые из них — разведённые. Действуй, Маша!

— Пыталась, не получается.

В это время мимо проходил фотокорреспондент местной газеты.

— Молодой человек, — обратилась к нему Маша, — если вас интересует встреча однокурсников института, один из которых пока подполковник, но станет генералом, мы к вашим услугам.

На эти слова подруги будущий «генерал» только улыбнулся. Но настойчивость «попрошайки» взяла вверх: фотоснимок появился в вечерней газете.

На этом бывшие однокурсники расстались. Маша села вскоре в свой московский поезд, а Игорь поехал в свою бывшую воинскую часть, находящуюся в нескольких километрах за Йошкар-Олой. Про обещанный фотографом снимок в газете уже забыл. Но не забыла его «первая любовь».

Через месяц сын Звонарёвой вернулся из армии домой. В его дембельском портфеле мама обнаружила несколько газет из Йошкар-Олы. «Зачем они тебе, сынок?»

— Сама не догадываешься, мама?

— Пока нет.

Она врала сама себе, ибо сразу же перед её мысленным взором предстал тот фотограф из вечерней газеты.

— Вот смотри, мама, это я с моим командиром отделения, — развернув первую газету, пояснил сын.

— Здорово, сынок, какой ты настоящий солдат здесь на фото.

— Здесь я со всем отделением.

— Не солдаты, а настоящие орлы, — отвечала мама.

Затем сын не торопясь взял в руки третью газету:

— Хотел бы я очень знать, мама, кто этот бравый подполковник рядом с тобой. И почему ты мне о нём ничего не написала. Был бы в армии моим покровителем.

Пришлось рассказать сыну историю появления фотографии в газете. В конце рассказа он спросил на полном серьёзе: «Хочешь, я тебе его найду?»

— Нет, сынок, не надо. Как говорят, что упало, то пропало. Я сама виновата.

Сыну ничего не оставалось, как согласиться с мнением мамы. Он подошёл, крепко её обнял и произнёс: «Зато я есть у тебя. А могло и не быть».

ГОРОДСКАЯ

Рассказ

На скамейке возле дома сидели две подружки, Зоя и Зося. Июльское солнце пряталось за селом. Когда совсем стемнело, на сельской улице зажглись фонари. Девчонки продолжали сидеть, несмотря на призывы их мам идти домой. Тронуться с места они не могли по одной причине: их одноклассник Боря, в которого обе влюбились в конце учебного 1964/65 года, несколько часов назад прошёл мимо них с какой-то незнакомой девчонкой. Утром он (они знали) с мамой уезжал в город за учебниками для десятого класса и школьной формой. Догадались: шёл с автобусной остановки. Не могли только понять, почему в другую сторону. Жил он с мамой и братом на другой стороне улицы.

— Слушай, Зойка, а может, мы зря нервничаем? — задала вопрос подруга. — Ты же видела, он нёс её чемодан. Может, мама попросила? Она, возможно, их родственница? Пошли лучше спать. Утро вечера мудренее.

Утро пришло без задержки: местные петухи постарались. Проснувшись, Марианна встала, надела халат и подошла к зеркалу. Стала любоваться своей прекрасной шестнадцатилетней фигурой и лицом приятной внешности.

Пока приезжая любовалась собой, открылась дверь и на пороге появилась бабушка Света:

— Как ты за год, внучка, повзрослела, похорошела! Никак жениха нашла? Не рановато ли?

— Нашла, бабуля, и не одного. В нашем классе выбор большой.

— И что же ты с ними делаешь? Целуешься по очереди?

— Не только, я и сплю с ними по одному.

Услышав эти слова, бабушка уронила кастрюлю на пол и сама медленно опустилась на него:

— Папа с мамой знают?

— Мнение отца меня не интересует, он сбежал к маминной подруге.

— Что говорит мама?

— Предохраняйся только, дочка.

— И кто же тебя, внучка, научил этим премудростям?

— Я самоучка. Ко мне мальчики слетаются как мухи на мёд. Пока молодая, надо от жизни брать всё, что нравится.

Вечером бабушка, как можно догадаться, оказалась на больничной койке. Её можно понять: что такое секс, она узнала только в первую брачную ночь, храня до этого девственность, как зеницу ока. Благодаря чему и жила со своим Николенькой в любви и согласии. Жила до тех пор, пока того не отобрала у неё навсегда война. Услышать такое от своей любимой внучки оказалось выше сил.

На следующее утро Марианна пошла в магазин за продуктами себе и бабушке. В очереди стояла вместе с Зоей. Последняя, когда вышли на улицу, не выдержала:

— Слушай, городская, если я тебя ещё раз увижу с моим мальчиком Борей, то я за себя не отвечаю.

— Не поняла, ты о ком?

— О том, кто тебе вчера нёс в качестве носильщика чемодан.

— Ах, так его Борисом зовут? Ничего не выйдет. Он мне сегодня вечером назначил свидание на сеновале.

— Где-где?

— Ты что, плохо слышишь, девочка? На се-но-ва-ле. Поняла?

— И что вы там с ним будете делать? Целоваться? А потом?

— Потом — «суп с котом». Чего пристала? Отстань, мне некогда, надо бабушку навещать в больнице.

«Соперницы» быстро разбежались в разные стороны. Выдумку приезжей сельская школьница восприняла всерьёз. Решила опередить события.

После обеда Зоя направилась домой к однокласснику. Обманным путём затащила его на сеновал. Однако дело у них до секса не дошло. Если наверх она поднималась по лестнице, то спускалась с него «в свободном полёте». Её друг юмора не понял. Зато она «убедилась», что Марианна говорила «правду». Этим открытием немедленно поделилась с Зосей. До вечера оставалось ещё время, чтобы помешать встрече их общего друга с городской подругой.

Теперь уже Зося под надуманным предлогом пригласила того к себе домой. К счастью, ему удалось сбежать от неё огородами. Самое интересное, что ни та, ни другая не объяснили толком Борису, почему это вдруг они загорелись желанием заняться с ним сексом. Тем более что это занятие его не интересовало: он старался успешно окончить школу и поступить в институт. Чтобы навсегда уехать из села в город.

Незаметно пролетела неделя. Бабушку выписали из больницы. Внучка принесла ей извинение, что своей шуткой чуть не довела ту до инфаркта.

В воскресенье на танцплощадке все четыре действующие лица встретились. Увидев, что первый танец Бориса достался Марианне, Зоя и Зося после него рассказали ему «правду» о приезжей девчонке. Тот, поверив, до конца вечера танцевал по очереди со своими одноклассницами.

Проводив их домой, он медленно возвращался к себе домой. На территории опустевшего сада (дом развалился, хозяева уехали из села) Борис услышал крик о помощи. Голос ему показался знакомым. Когда приблизился, понял, что не ошибся: кричала Марианна, которую раздевали два парня из другого села.

— Ребята, вы что делаете? Отпустите немедленно! — потребовал он.

— Ты что, друг, не знаешь, кто она такая? Если она спит со всеми мальчиками в классе, то уж нас двоих обслужит без проблем.

— Не важно, кто она такая, не отпустите — я приведу сюда участкового милиционера.

— Ага, иди его поищи. После дежурства на танцплощадке того днём с огнём не сыскать.

Ничего не ответив, Борис удалился. Вскоре Марианна перестала кричать, получив пару ударов по голове. На помощь она больше не звала: поняла, за кого её все принимают. Однако помощь успела вовремя. Не прошло и минуты, как тишину нарушил мотоцикл. В коляске сидел Борис. Увидев участкового, незнакомцы пытались бежать, но были задержаны. Подоспевшие дружинники их связали и доставили в кабинет участкового. К счастью, раздеть девчонку полностью незнакомцы не успели. Участковый повёз пострадавшую в больницу.

На другой день её бабушка вызвала свою дочь из города. Мама внучки прибыла к вечеру. Прямо с автобусной остановки направилась к дочери. По пути встретила случайно маму Бориса. Последняя, узнав, к кому она приехала, попросила:

— Моему сыну тоже шестнадцать лет, но он ни разу с девчонками не целовался, и вынуждать его заниматься сексом — это преступление. Запретите дочери с ним встречаться. Если она в своём классе спала с кем попало, то это не значит, что должна переспать и с моим сыном.

— Пошли к ней вместе в больницу.

Когда женщины зашли в палату, то увидели сидящего возле Марианны Бориса. Первой к больной подошла его мама:

— Девочка, прошу тебя, не трогай моего сына, он у меня ещё мальчик. Боря, выйди на минуту.

— Нет, останься, — попросила другая мама. — Видишь, дочка, к чему привели твои сексуальные фантазии? Мало того, что они чуть не довели твою бабушку до инфаркта. Так ты ещё и меня поставила в неловкое положение: это село, не город. Информация распространяется быстро.

Мама Бориса слушала внимательно, потом спросила:

— Простите, я что-то ничего не понимаю. Какие фантазии?

— Что тут не понять? — последовал ответ. — Спала со всем классом? Смешно! Да будет вам всем известно, что она к своим шестнадцати годам если и спала с кем, то только со своими куклами.

В палате раздался смех. Смеялись не только больные, но и Борис с мамой. Не выдержала и сама Марианна. А её мама продолжала:

— С ранних лет дочка, насмотревшись фильмов, мечтает стать актрисой. Сейчас перешла в десятый класс, но уже усиленно начала готовиться к поступлению во ВГИК на актёрский факультет. Вот и входит заранее в роли. Придумывает их и играет. К сожалению, не все это знают и верят её фантазиям. Пошутила и с твоими одноклассницами, Боря. Она ни с кем ещё даже не целовалась...

Марианна не дала договорить:

— Можно, мама, я целоваться научусь с Борей?

— Если доктор разрешит.

— Он разрешит, когда отпустит тебя домой, — объявил появившийся в дверях главврач. — А сейчас, посетители, освобождайте палату.

Просьба была незамедлительно выполнена.

Больше в селе «городская» не появлялась. Очень легко можно придумать неправдоподобную историю о себе, но тяжело потом доказывать, что это всего лишь игра творческого воображения. Теперь сельский житель Борис на время становился жителем городским, приезжая в гости к Марианне. С разрешения обеих мам и бабушек. Встречаясь каждый раз, они с улыбкой вспоминали историю с сексом, о которой в селе так и не смогли забыть Зоя и Зося. Что касается Бориса и Марианны, то у них это было как у её бабушки. После свадьбы. «Всё надо делать, внучка, в своё время, — советовала ей бабушка. — Тогда у тебя будет всё замечательно!»

ОБЛАКА

Рассказ

Окраина села. Июльский тёплый тихий вечер. Небольшая речка, решившая когда-то пробежать именно в этом месте среди бескрайних полей. Ивы над ней — словно солдаты в почётном карауле. По правому берегу речки, прямо в траве, перемешанной с полевыми цветами, лежали сельские мальчишки и девчонки от 10 до 13 лет. Все они уже школьники, но в это время у них были в разгаре самые любимые летние каникулы. Ещё бы! Разве могли они так же лежать здесь, легко одетые, всматриваясь в красивое синее-синее и безоблачное небо в зимние каникулы? Лежать и мечтать, сочиняя разные истории.

— После окончания школы, — размышлял шестиклассник Коля Егоркин, — женюсь на Зойке с четвёртого класса.

— А что же ты её сюда не привёл? Что, в твоём классе невест нет? — слышались с разных сторон голоса.

— Нет, ребята, её сюда приводить нельзя. Она же пока об этом не знает. Надо же сначала сватов засылать.

— А нас на свадьбу позовёшь? — поинтересовались те же голоса.

— Нет, просто накроем столик на двоих в ресторане «Плакучая ива».

Все рассмеялись. Было от чего. Только-только на экраны кинотеатров вышел легендарный впоследствии фильм «Бриллиантовая рука». Все почему-то представили перед своим мысленным взором столик, за которым сидели герои Юрия Никулина и Андрея Миронова.

— Дичь заказывать будете? — не унимались голоса.

— А как же, обязательно. Но песню о зайцах буду петь я. Никулин пусть отдыхает. Я буду сам сниматься в кино.

Коля не случайно заговорил о «Плакучей иве» и кино: он, как только стал воспринимать окружающую действительность, невольно стал кинолюбителем. Начал, естественно, с мультфильмов, но к тринадцати годам не пропускал в сельском своём клубе ни одного художественного фильма — разумеется, тех, куда его пускали как несовершеннолетнего. Он мечтал стать киноактёром. Здесь, в траве за селом, ребята, слушая придуманные им фильмы «с его участием», верили, что Егоркин добьётся своего.

— Я мечтаю стать медсестрой, — заговорила двенадцатилетняя Оля, — и, как моя любимая поэтесса Юлия Друнина, хочу выносить раненых солдат с поля боя.

— А где война-то? — задали ей вопрос. — Ты, Оля, опоздала родиться, война закончилась более двадцати лет назад.

Оля Арефьева из первого класса, несмотря на отсутствие школьного предмета, очень интересовалась историей, но не всей подряд, а только историей войн от Троянской и падения Трои до Второй мировой с падением Берлина. «Тебе мальчишкой бы родиться», — часто говорил отец. Перед своим мысленным взором она представляла себя в этих войнах сестрой милосердия. Она перевязывала раненых и на Малаховом кургане, и на Бородинском поле, и на Сапун-Горе.

Сочиняла на эти темы рассказы и доводила их до сведения своих сверстников, по вечерам собирающихся за селом у реки в травах, пахнущих мятой и полевыми цветами. Никто не смеялся. Все верили: Оля станет медсестрой.

— Я хочу быть охранником, охранять заключённых в колониях, чтобы они не сбежали, — заявил о своей не совсем обычной мечте Аркадий. — Уголовников нельзя выпускать на свободу, но они же не могут сами себя охранять. Их кто-то должен охранять. Вот я и буду этим заниматься. Чтобы вы все свободно ходили и в селе, и в городе, не встречая на своём пути преступников.

У Аркадия Романова дед служил в НКВД, охранял в своё время политзаключённых в печально известном ГУЛАГе, много внуку рассказывал всяких историй, которыми он сам потом делился с ребятами здесь, в густой зелёной траве. Ему, десятилетнему, трудно было понять, что большая часть тех людей, которых за колючей проволокой охранял дед, уголовниками вовсе и не были. Но желание охранять у него от этого не пропадало. Его интересовал сам процесс, не вдаваясь в подробности. С ним не спорили в «травяных» спорах и мечтах, утверждая единогласно: «Быть Аркадию охранником».

— Нет, ребята, лучше профессии стюардессы в мире нет, — заговорила до этого молчавшая Тамара. — Смотреть на небо с другой стороны — это же прекрасно. Вот лежу я сейчас в траве и смотрю в небо на облака. Посмотрите, какая красота: половина неба светлая, а остальная — тёмная. Ночь-то ещё не наступила. Когда смотрю на светлую сторону неба, мне кажется, весь мир вместе с этими облаками улыбается, а тёмная сторона старается закрыть собой светлую, хочет украсть улыбку. Но смотрите-смотрите, вот проснулся ветерок и погнал прочь эти тёмные силы природы... Видите, видите? А с той стороны смотреть на это ещё интересней.

Никто ничего не видел, но все подняли ещё выше из травы головы, пытаясь увидеть в небе сражение светлых и тёмных сил природы.

Одиннадцатилетняя Тамара Воротнева в своей жизни только один раз летала на самолёте, но когда он приземлился, то мама долго не могла оторвать её от окошка: юная пассажирка всё продолжала видеть перед своим мысленным взором проплывающие словно лебеди под крылом самолёта облака. Она влюбилась в небо и не представляла дальнейшей своей жизни без него.

Пока мечтали и рассказывали всякие истории, над селом окончательно опустилась ночь. На улицах продолжали гореть фонари, а в домах сельчан стали гаснуть огни. Как ни чудесно лежать в пахучей траве, где устраивают хоровад кузнечики, надо расходиться по домам. Через десять минут всё стихло. Мятая трава стала медленно подниматься вверх, чтобы завтра в это же время принять в свои объятия сельских мальчишек и девчонок.

Так происходило изо дня в день в тёплые летние вечера. Проходили годы, здешние травы видели другие лица. Окончив школу, улетали из села, как стаи перелётных птиц, её выпускники, забывая порой в ежедневной суете и заботах о тех посиделках у реки в густой траве. Как забывали и о тех рассказанных историях и своих мечтах. Не каждый мог вспомнить. Только травы, несмотря на прошедшие годы и десятилетия, помнили и лица ребят, и их мечты. Сбылись ли они? Этого травы знать не могли.

Коля Егоркин после окончания средней школы, активно участвуя во время обучения в художественной самодеятельности и в сельском народном театре, поступит во ВГИК, станет известным актёром, женится на Зое. Та детская мечта, некогда зародившаяся в его голове, под пение кузнечиков в траве, полностью воплотится в жизнь.

Оля после восьмого класса поступит в медицинское училище, окончит его с отличием и по контракту пойдёт служить в армию. В 1983 году старшина медицинской службы Арефьева в далёком Афганистане, прикрывая огнём из автомата раненых бойцов, погибнет смертью храбрых.

Аркадий Романов попадёт к уголовникам в колонию, но не как охранник. Отслужив в армии, он решил съездить к другу в соседнюю область. Взял у отца автомобиль. Не доезжая до города, был остановлен работниками ГАИ. Проверив документы, пожелали ему счастливого пути, он поехал дальше. В черте города его снова остановили работники ГАИ. Его, во-первых, удивило то, что останавливают два раза подряд, во-вторых, то, что здесь наряду с двумя гаишниками в форме находились ещё два гражданских человека. «Тоже остановили для проверки, как и меня?» — подумал он. Однако оказалось, что ошибался: его здесь ждали с понятиями, о которых он раньше понятия не имел.

— Выходите из автомобиля и откройте все дверцы, — приказал лейтенант милиции.

Водитель подчинился.

— Так, понятия, внимательно смотрим, на заднем сиденье лежит прозрачный пакетик с белым порошком, — продолжал всё тот же лейтенант. — Что это?

— Понятия не имею, — ответил Романов.

— Разберёмся.

Разобрались в тот же день: в пакетике оказался наркотик. Романова арестовали. Как он ни пытался доказать на суде, что ему этот пакетик подбросили сотрудники ГАИ на предыдущем посту, ибо из-за жары стёкла были опущены, доказать не смог. И оказался там, куда мечтал попасть, лёжа тогда в траве, но только по другую сторону колючей проволоки.

Тамара добилась своей мечты: смотреть на небо с другой стороны, став стюардессой. Вышла замуж удачно, родились дети. Казалось бы, счастьем не будет конца, но... однажды она, как поётся в песне, «не вернулась из полёта», оставшись навечно там, с другой стороны неба. Со своим любимым экипажем и пассажирами.

ГОЛУБИ

Рассказ

Оформив пенсию в пенсионном отделе, Евгений Золотарёв вышел на улицу и присел на скамейку отдохнуть: уж больно длинную очередь пришлось выстоять в указанном учреждении. Через несколько минут рядом сел незнакомый мужчина, который щёлкал зубами семечки подсолнуха, бросая шелуху на землю. Евгений хотел уже сделать замечание, но понял, что тот старше его по возрасту, судя по многочисленным морщинам на лице, и промолчал.

Прошло минут десять. Незнакомец, читая газету, продолжать щёлкать семечки. К скамейке подлетел сначала один голубь, потом второй. Вскоре их набралась целая стая. Они стали выполнять, по сути, работу местного дворника, собирая на асфальте шелуху от семечек. То ли у незнакомца зубы устали, то ли решил покормить голубей, но, достав из кармана горсть семечек, он бросил голубям, обратившись к соседу по скамейке:

— С детства люблю голубей, знаете ли! Кстати, меня зовут Иван Васильевич, а вас?

— Евгений Константинович.

— А вы любите голубей?

— Ещё бы, они помогли в детстве выбрать мне будущую жену-лапочку.

— Ой, как интересно! Расскажите, Евгений. Может, ваш метод поможет моему внуку-балбесу выбрать себе жену. Знаете ли, водит к себе девок, спит с ними, а жениться боится, чтобы не ошибиться.

— Хорошо, только давайте перейдём вон в тот двор дома. Солнце в зените не даст нам побеседовать. Я не переношу жару.

Пенсионеры дружно покинули скамейку и направились в сторону жилого дома. Во дворе стоял столик для игры в домино, вокруг него красовались многолетние деревья, созда-

вавшие тень, прекрасную защиту от невыносимой жары. Заняв места игроков, они посмотрели по сторонам: не будет ли кто мешать им? Никто не мешал, и Золотарёв начал свой рассказ.

...Женя тогда жил в одном из украинских сёл в ста километрах от Днепра. Село летом утопало в зелени садов. Их дом, построенный ещё его дедушкой, стоял на первой улице при въезде в село. Справа соседями считалась семья Демьяненко, слева — Коротченко. У каждой из них росла дочка, годом младше. Последние очень жалели, что не придётся с Женей пойти учиться в первый класс. Он по своим годам должен был пойти «первый раз в первый класс» в сентябре 1954 года, девочки — в сентябре следующего года.

Однако за месяц до этого знаменательного события родители Жени узнали, что их сын пойдёт в школу в 1955 году. Нет, не потому, что он не горел особым желанием туда пойти: ему с бабушкой-воспитательницей куда лучше было дома. Просто так получилось, что в том году первый класс оказался переполненным. Взяли только тех детей, кто родился до первого сентября. Наш герой «имел неосторожность» родиться тридцатого сентября. А поэтому в школу пошёл учиться без одного месяца с восьми лет. Что его не огорчило, а, наоборот, обрадовало.

Мечта девочек-соседок, таким образом, осуществилась: мальчишка превратился в их одноклассника. Первая их учительница Марья Петровна, проработавшая в школе не один десяток лет, применила свой старый метод, рассадив мальчишек по одному за партами и предложив девочкам занять свободные места. Женя Золотарёв не успел и глазом моргнуть, как рядом с ним оказалась Оля Коротченко. Возражать не стал, хотя ему очень понравилась девочка с соседней улицы. Соседки по дому его явно не интересовали.

Потянулись долгие школьные дни, переходящие в недели и месяцы, один учебный год уступал место другому. Женя

и Оля за это время подружились, стали чаще проводить время вдвоём. Любимым их занятием считалось выполнение домашних заданий, особенно по математике, когда ученик её решал, а ученица решение добросовестно переписывала в свою тетрадь. В пятом классе, к концу учебного года, их дружба незаметно переросла в нечто большее. Кто знает, может, первая любовь и осталась бы с ними на всю жизнь, если бы не... голуби.

Во времена послевоенного голода в селе не то что голубей не осталось, собак можно было пересчитать по пальцам. Но к началу шестидесятых годов в сёлах всё больше и больше стало появляться на крышах домов голубей. Появились они, стало быть, и у соседей Золотарёвых. К тому времени те успели обновить свои саманные дома и построить во дворах летние кухни из красного кирпича. На чердаках стали разводить голубей. Что касается родителей Жени, то они не торопились с голубями. Во-первых, их негде содержать, во-вторых, они собирали деньги на постройку нового кирпичного дома с летней кухней. Женя не возражал, считая причину уважительной, хотя очень любил кормить голубей. К сожалению, чужих.

Оля и Женя майским тихим вечером сидели в её комнате и выполняли домашнее задание за шестой класс. В это время их потревожила бабушка:

– Внучка, полезай на чердак и поймай мне на ужин двух молоденьких голубей.

Услышав это, Женя собрался уходить. Хотя вначале и подумал, что подружка откажется от выполнения бабушкиного неприятного занятия. Но не тут-то было.

– С удовольствием, бабуля. Тебе их принести в том виде, как в прошлый раз?

– Как тебе удобнее, Оля. Возьми в помощь друга.

Друг, однако, не имел особого желания идти за голубями для ужина. Но настойчивость подруги взяла верх. Поднимаясь вверх по лестнице, он никак не мог понять, что означают слова «как в прошлый раз». Их смысл понял чуть позже.

Голуби, видимо, догадались, что кто-то из них окажется в качестве ужина, и бросились врассыпную. За ними стала гоняться девчонка. Мальчишка стоял не шелохнувшись. Наконец-то один голубь попался. Недолго думая, Оля открыла ему голову в буквальном смысле слова и бросила в сторону соседа:

— Подержи пока, Женя, я сейчас ещё одного поймаю.

Тот стоял ни живой, ни мёртвый, на глазах появились слёзы, которые он быстро удалил.

Перед сном пришлось маме мерить сыну температуру, которая, с её слов, поднялась ни с того ни с сего. Что случилось на чердаке у соседей, она не знала. Подумала, виной тому сквозняк. Утром температура не спала, и в школу мама ученика не пустила. Бабушка же догадалась, когда внук ей рассказал о своей реакции на увиденное. Она применила народное средство, и Женя на следующий день пошёл в школу как ни в чём не бывало. Оле ничего не сказал, продолжая сидеть с ней за одной партой, ведь до конца учебного года оставались считанные дни. Мечтал в сентябре пересесть за другую парту. За какую? Да какая разница, лишь бы подальше от «живодёрки».

Наступило лето. Оля уехала в пионерский лагерь, что сильно обрадовало соседа-одноклассника. Никто к нему не приставал. О соседке Зине даже не думал. Она ему, разумеется, нравилась, но он прекрасно понимал, что после «дружбы» с Олей ей он был просто не интересен.

В начале июля к Золотарёвым приехала на денёк (проездом на юг) их дальняя родственница, заявившая бабушке-повару, что желает на обед иметь борщ с голубями. Та позвала внука:

— Женя, сходи к соседям Демьяненко, попроси для нашей гостьи от моего имени пару голубей. Я потом за них заплачу.

Внук в бабушке души не чаял и отказать в просьбе никак не смог. Пошёл.

— Зина, просьбу надо выполнить, — попросила мама, — полезай на чердак и поймай двух молодых голубей. Сразу же там отдай их Жене. Поняла?

— Поняла, мама.

Забравшись на чердак, мальчишка приготовился к худшему, закрыл глаза. Но сразу же их открыл, услышав командный голос одноклассницы:

— Вы что, глупые, меня не поняли? Ну-ка быстро улетайте отсюда и не прилетайте, пока гостя у наших соседей сама не «улетит» со двора.

Голуби послушали девчонку и дружно в одно мгновение покинули чердак.

— И что ты скажешь маме, Зина? — поинтересовался «покупатель».

— Скажу, что поймать не смогла. Мама меня поймёт. Мы ни одного голубя ещё не съели и не собираемся. Мне их жалко.

— Ты что, вегетарианка?

— Да нет, я ем и курочку, и свининку, но мне почему-то особо жалко именно голубей. Ты же видел, как они прекрасны. Разве можно их отправлять в борщ?

— Ты чудо, Зина, можно я с тобой с седьмого класса буду сидеть за одной партой?

— Я-то не против, а как же твоя любовь?

— Не говори так, пожалуйста, Оля — это в прошлом.

— Что так?

— Как-нибудь расскажу.

— После обеда на пруду расскажешь, я купаться собиралась. Пойдёшь со мной?

— Можно было и не спрашивать: не пойду, а побегу.

С тех пор они были неразлучны. Успешно окончили среднюю сельскую школу, затем институт, поженились на последнем курсе и жили счастливо...

Когда рассказчик умолк, Иван Васильевич спросил:

— И что, жена ваша так голубей больше и не ловила, и не ела? Их же мясо вкусней курицы. Говорят, диетическое.

— Вы правы, вкусней. Только после окончания института нас с ней направили по распределению в Россию, а здесь голубей разводят только для забавы. В пищу не используют. Тем более в городе. По крайней мере, я нигде жареных и варёных голубей не встречал.

Пенсионеры ещё какое-то время посидели, поговорили о том о сём и разошлись. Один пошёл к своей любящей жене, которую ему когда-то «выбрали» голуби, другой — учить внука, как правильно выбрать жену.

ЧУЖОЙ БИЛЕТ

Рассказ

Сейчас, в 10-х годах двадцать первого века, из города в город можно ехать не только на междугороднем автобусе. Конкурентами последних являются, безусловно, так называемые частные маршрутки. Их собственники проложили свои маршруты как по городским улицам наших городов, так и за их пределами. Одним словом, сейчас уехать любому пассажиру, не имеющему личного автомобиля, куда он пожелает, нет проблем. Но было время, когда приходилось пассажирам покупать билеты на междугородние автобусы заранее. Это создавало большие неудобства, как для самих граждан, так и для кассиров.

В кассе по предварительной продаже билетов на автобусы междугороднего сообщения выстроилась после обеденного перерыва огромная очередь. Причина в том, что впереди всех граждан СССР ожидали праздничные ноябрьские дни (в советские времена, кто не знает, очередные годовщины Октября 1917 года праздновали 7 и 8 ноября, иногда выпадавшие на четверг-пятницу или понедельник-вторник). Поэтому в среду будущие пассажиры, планировавшие поездки

на четыре дня к родственникам в другие города, и находились в очереди.

Стояла в ней и Лариса с женихом Лёней. В этот день они подали соответствующее заявление в ЗАГС и решили поехать обрадовать иногородних бабушку и дедушку невесты.

Когда до заветного окошка оставалось человек семь впереди, молодые люди услышали:

— И что же мне делать, такую очередь выстояла, живу на окраине города, за паспортом съездить не успею? Ехать завтра рано утром тоже не могу. А деньги у меня не лишние, одна воспитываю троих детей.

— Следующий! — прозвучал голос из кассы.

Им оказался мужчина средних лет. Он положил деньги в окошко и терпеливо стал ждать билет на автобус. Получив его, попросил:

— Девушка, а может, женщина правду говорит? Возьмите у неё обратно билет.

— Без паспорта не могу, а вдруг он краденый? Следующий.

Повернувшись спиной к женщине с билетом, мужчина посоветовал ей предложить билет кому-то из очереди.

— Предлагала уже, — ответила та, — никто ехать в наш город не желает. Все едут в областной центр и за пределы области.

— Жаль, что у меня с собой нет паспорта, я бы вам помог. Попросите тех в очереди, у кого он есть, может, кто поможет?

Женщина дошла до конца очереди, но желающих сдать на свой паспорт неизвестно чей билет не нашлось. Она, заплакавшись и вытирая слёзы, вновь подошла ближе к кассе, остановившись напротив Ларисы.

— Лёня, давай поможем женщине, — обратилась она к жениху.

— Ты что, с ума сошла? — прошептал ей на ухо молодой человек. — А если билет не её?

— Ладно, Лёня, хватит шутить. Мой паспорт в сумке на дне, доставать долго, а твой в кармане.

Не успел Лёня ответить невесте, как та быстрым движением правой руки достала из кармана его пиджака документ.

— Лёня вам поможет, — обрадовала она женщину. — Давайте сюда свой билет.

Когда подошла их очередь, невеста «пропустила» вперёд жениха с паспортом и билетом. Кассирша не слышала их разговора с настоящей владелицей билета, поэтому без лишних вопросов забрала билет у Лёни, записала его паспортные данные и вернула деньги. Следующей покупала Лариса.

Купив два билета и отойдя от окошка, она обратила внимание, что той женщины и след простыл, а её друг стоял сам не свой. Оказалось, что один пожилой седой мужчина из очереди шепнул ему, что вырученная им незнакомка уж слишком похожа на фотографию женщины-воровки на стенде «Их разыскивает милиция». Этой тревогой он и поделился с невестой.

— Лёня, прекрати нести чушь! И за кого я только собралась выходить замуж? За человека, который всего боится? — возмущалась Лариса.

Пострадавший от её необдуманных действий, но ещё не знавший об этом, только заулыбался. Они, обнявшись, покинули помещение вокзала. Утром уехали к бабушке.

Праздничные дни пролетели быстро, наступили будни. Но самое неприятное, что первый рабочий день оказался понедельником, как известно, «днём тяжёлым». В дежурную часть милиции обратилась гражданка с заявлением о том, что накануне праздников у неё в здании автовокзала украли сумочку.

— Что ценного находилось в ней? — спросил молодой лейтенант.

— Да в принципе ничего ценного: билет на автобус, который я купила предварительно, да десять рублей денег. Но мне дорога очень сама сумка, которую подарил мне в день нашей

серебряной свадьбы покойный муж. Да, совсем забыла, там находились и его наручные часы, которые я ношу как талисман.

— Пишите заявление, будем искать. Скорей всего, это дело рук карманников, которые промышляют в таких общественных местах, как вокзалы. Не сомневаюсь, сумку мы найдём. Есть хорошая зацепка: купленный вами билет. Он ведь деньги стоит, его можно сдать в кассу обратно.

— Ой, спасибо вам большое. Как это я сразу не додумалась до этого и не пошла в кассу!

— Правильно сделали, вы могли испугать вора или воровку, они заранее придумали бы алиби: нашли билет на полу вокзала, а сумку и в глаза не видели.

Спустя день Леонид Романов сидел в кабинете следователя. Домой он в тот вечер не вернулся. Версия его невесты, примчавшейся утром следующего дня к следователю, последнему показалась неубедительной.

— Девушка, я готов вам поверить, если приведёте ко мне свидетелей, которые подтвердят всё, что я только что услышал. Без них, простите, это просто красивые слова, чтобы выручить подозреваемого.

Найти свидетелей не удалось: более того, даже кассирша заявила:

— Девушка, не втягивайте меня в ваши разборки. У меня каждый раз кто-то сдаёт билет при наличии паспорта. Ни разу я не приняла билет без этого документа. Такая у меня работа. Без него, понятно, отказываю, но у меня нет времени рассматривать внимательно лица. Вспомнить ваш случай я не могу.

При очной ставке Лариса попросила прощения у жениха. Сначала следователь думал, что перед ним разыгрывается обыкновенный в таких случаях «спектакль». На своём веку он многое повидал. Но когда жених попросил его удалить с глаз свидетельницу, задумался. И поместил в газете объявление.

Вскоре в кабинет следователя зашёл пожилой мужчина и положил на стол газету с объявлением:

— Я тот самый гражданин.

Установив личность, следователь предложил:

— Расскажите всё как было.

Слушая свидетеля, хозяин кабинета, взяв в руки протокол допроса Ларисы, стал сверять сказанное с написанным. Показания совпали полностью. Ибо всё происходило на глазах этого человека. В тот же вечер Леонида отпустили домой. Однако отправился он совсем по другому адресу.

Дверь открыла девушка лет девятнадцати:

— Вам кого, молодой человек?

— Я бы хотел видеть Антона Николаевича.

— Дедушка, это к тебе, иди сюда, — позвала внучка.

Увидев знакомое лицо, Леонид обнял его и стал со слезами на глазах благодарить человека, которого видел второй раз в жизни:

— Не знаю, Антон Николаевич, как вас ещё отблагодарить?

— Это не проблема, молодой человек. У вас водительские права есть?

— В армии служил водителем, возил комбата.

— Прекрасно. Катя, вот тебе инструктор. На этот раз, надеюсь, ты сдашь на права и будешь возить дедушку на дачу и с дачи.

В это время из другой комнаты вышла и бабушка:

— Какой ты умный, Антоша, а я пешком на дачу должна ходить?

Все рассмеялись, кроме Кати. Она сомневалась, что этот незнакомый ей парень сможет наконец-то научить её не путать педаль тормоза с педалью газа и своевременно отключать сцепление. Со школьной скамьи девчонка интересовалась журналистикой, а к технике душа у неё

не лежала. Родителей потеряла из-за болезни в детстве, воспитывалась у дедушки с бабушкой. Пока последним позволяло здоровье, ездили на дачу на автобусе. Затем купили старенькие «жигули». Для внучки.

«Инструктор» сделал всё возможное и невозможное, но через определённое время подшефная стала ездить не хуже его самого. Несколько раз свозила дедушку (бабушка пока садиться в автомобиль боялась) за город. Но не одна: Романов сидел рядом. В последний день, сославшись на усталость, Катя попросила «инструктора» сесть за руль и привезти их с бабушкой домой. Сама сидела рядом. У неё за время обучения появился хитрый план.

— Дедушка, ты не будешь возражать, — улыбаясь, спросила внучка, — если Лёня вместо меня будет возить вас с бабушкой на дачу?

— А ты, Катюша, где будешь в это время?

— Сидеть на месте пассажира.

Оба посмотрели на лицо Лёни: на нём сияла улыбка. Нечто подобное он ожидал, так как видел, что девушка во время поездки по городу смотрела не столько на дорогу, сколько на него влюблёнными глазами.

— Я согласен, внучка. А он согласен?

— Сейчас будет согласен, — ответила за него Катя.

Она подошла к нему, обняла и крепко поцеловала.

Пришлось Леониду Романову подавать в ЗАГС новое заявление о регистрации брака. Рядом с ним при этом сидела вместо Ларисы Екатерина. Как ни старался Лёня простить первой невесте её поступок тогда в кассе автовокзала, — не смог этого сделать. Видимо, потому, что он ему слишком дорого обошёлся. И если бы не дедушка его второй невесты, судимости не избежать.

ТОЛПА

Рассказ

Тёплый июльский воскресный день клонился к вечеру. На автобусной остановке дачного массива «Зелёный» скопилось очень много дачников, будущих пассажиров автобусов. До города расстояние измерялось в семьдесят пять километров: пешком не дойдёшь за ночь после напряжённой сверхчеловеческой работы на грядках. А утром им всем на работу. Кому не на работу, сидели на своих дачах и сочувствовали отъезжающим.

В нескольких метрах от остановки стоял низенький дачный домик, где в летнее время жили и по возможности трудились два пенсионера – супруги Волковы, вышедшие одновременно на заслуженный отдых в 1975 году. За пять лет постарели, но дачу продавать не стали, несмотря на то, что помощи от единственного сына, его жены и двух внуков не получали. Те жили в другом городе, только изредка навещая родителей, когда на даче созревал урожай. Происходило это в основном в конце августа.

Поработав, они под вечер, уставшие, сели отдохнуть, как обычно, в своём уютном дворике, утопающем в зелени виноградных листьев.

– Что-то я не пойму, Яша, почему сегодня так много народа и мало автобусов? – спросила жена.

– Я тоже не пойму, Марфа.

– Если не ошибаюсь, проехало только всего два автобуса, из которых один прошёл мимо, забитый дачниками до предела.

– Всё правильно. Что-то, видимо, случилось в пассажирском предприятии? Обычно в воскресенье к этому времени возле нас останавливаются пять автобусов. Но учти, Марфа, наша остановка ведь не первая и не последняя. В этом вся и проблема. Кондукторов в автобусах почему-то нет, а водителям всё равно, где посадить пассажиров, им бы побыстрее

собрать с них денежки. Могут на любой остановке развернуться. Что сейчас, скорей всего, и происходит.

Прошёл час. Часть дачников, не дождавшись автобуса, ушли в сторону города к ближайшим остановкам, чтобы перехватить служебный транспорт, выделенный городом для перевозки дачников. Это усугубило ситуацию. Водители, набрав пассажиров на ближайших остановках, разворачивались и ехали обратно по маршруту в город. Количество же дачников на данной остановке не только не уменьшилось, но и увеличилось за счёт других остановок.

В девять часов вечера солнышко на прощание помахало своими яркими лучами стоящим на остановке дачникам, будущим пассажирам, и медленно стало заходить за горизонт. Через час стемнело. Светло было только в пределах остановки. По дороге фонарей, понятно, никто не зажигал. Вдруг впереди показали на дороге огни. Подошедший автобус мгновенно заполнили пассажиры, и он уехал обратно в город.

На остановке оставалось ещё несколько десятков дачников, желающих ночь провести в своих квартирах, а не по дороге в город в компании «обнаглевших» комаров. Водитель автобуса объявил, что придёт ещё один автобус. Но больше не будет, водителей оставшихся автобусов просто не выпустили по медицинским показателям на маршрут.

Автобус действительно подошёл через тридцать минут. Однако на этот раз без трагедии не обошлось. Когда каждый дачник работает на своей даче, он обычный человек, но когда попадает в толпу, он уже многое человеческое теряет. Разъярённая толпа, как известно, вообще страшная вещь. Здесь не жди пощады.

Не успел водитель ещё как следует открыть двери автобуса, как толпа рванулась в салон, сметая всё на своём пути, готовая идти по головам, лишь бы попасть в заветный автобус.

— Что делают, что делают? — не выдержала Марфа. — Они же друг друга передавят. Яша, крикни им что-нибудь.

— Эй, вы, мужчины, уступите место женщинам! — крикнул тот.

Его голос не услышали. Толпа всё напирала и напирала. Автобус стало покачивать. Водитель немедленно выскочил из своей кабины на улицу:

— Вы что все, с ума посходили? Что вы делаете? Все уедете.

— Уедем-то все, — кто-то крикнул из толпы, — но стоять семьдесят пять километров в салоне автобуса неохота.

Водитель вернулся в свою кабину. Через несколько минут автобус наполнился пассажирами до предела и двинулся с места, набирая скорость. Вскоре скрылся за поворотом.

— Тебе, Марфа, плохо? — поинтересовался муж.

— Прости, Яша, но у меня сейчас перед глазами стоит страшная картина нашей эвакуации в 1941 году, когда ты уже ушёл на фронт.

Жена никогда ему подробностей об этом не рассказывала, но сегодня для этого появился необычный повод. Она сегодня увидела такую же озверевшую толпу, как и в сорок первом. Это повергло её в шок.

Тогда из украинского городка на восток с беженцами уходил последний эшелон. Немецкие танки уже ворвались на его окраину. Марфа Волкова с двумя маленькими детьми так и не уехала в эвакуацию. Осталась с четырёхлетним сыном и телом трёхлетней дочери, раздавленной толпой при попытке сесть в вагон. Погибшая дочка — не единственная жертва той толпы. На то она и война. А сейчас?

Закончив свой печальный рассказ, Марфа услышала чей-то тихий стон. Прислушалась. В наступившей ночной тишине он хорошо был слышен и доносился со стороны автобусной остановки.

— Яша, пошли-ка с тобой поглядим, что там такое? — попросила жена.

Пенсионеры дружно поднялись со своего насиженного «тёплого» места и пошли к остановке. За ней, в кустах, лежала и стонала девушка. Сначала пенсионеры хотели пере-

нести пострадавшую к себе в домик и оказать первую медицинскую помощь, но, когда увидели у неё на шее кровь, решили вызвать милицию.

Приехавшие оперативные работники сделали осмотр места происшествия, допросили двух известных нам свидетелей и увезли несчастную в больницу. При этом в качестве вещественного доказательства приложили найденную рядом женскую туфлю с острым каблуком. Именно он проколол девушке шею, когда та упала на землю. Туфля слетела с ноги неизвестной дачницы, да так и осталась там лежать, потому что толпа затолкала её внутрь салона. Домой она поехала, видимо, босиком. Искать эту дачницу в многотысячном массиве — что искать иголку в стоге сена. Тем не менее виновница случившейся трагедии не ушла от ответственности.

Утром к супругам Волковым на дачу приехали два сотрудника милиции, попросившие у них разрешения побыть до вечера. Один держал в руках кинокамеру. Найденную женскую обувь, разумеется, положили туда, где её и обнаружили. План в итоге удался. В десять часов утра к дачной остановке подъехало такси, из которого вышла женщина лет сорока пяти и начала ходить вокруг остановки, оглядываясь по сторонам. Когда она, найдя свою обувь, положила её в сумку, к ней подошёл сотрудник милиции с лейтенантскими погонами. То, что женщина сразу же выбросила сумку, ей не помогло: отпечатки пальцев остались и на сумке, и на обуви.

Так обыкновенная туфля помогла раскрыть преступление по неосторожности. Дело в том, что та девушка скончалась в реанимации.

Что касается пенсионеров Волковых, то они после этого случая продали дачу. Марфа не смогла перенести новую трагедию по вине той же толпы.

ТАЙНОЕ КРЕЩЕНИЕ

Рассказ

Партийное собрание колхоза имени Щорса проходило на удивление оживлённо. Повестка дня уж больно серьёзная: выборы нового парторга. Прежний партийный организатор ушёл на заслуженный отдых, снялся с партийного учёта и уехал с женой в город к внукам. Спорили долго и упорно, но в итоге прошла кандидатура райкома партии. На дворе стоял 1965 год.

Виталий Денисович Чесноков до этого работал инструктором в райкоме партии, его бросили в один из колхозов, где плохо работала партийная организация. Возражать не стал: жили у тётчи, а тут колхоз предоставлял отдельный дом со всеми удобствами. И он поехал навстречу своей судьбе.

Партийные дела в колхозе пошли вверх, численность организации заметно увеличилась. Парторг среди колхозников и просто жителей села стал заметной фигурой. С ним стали считаться. Делал это даже сам могущественный и «непотопляемый» председатель колхоза, которого прозвали Новый помещик. Ходили слухи, что Василий Романович является потомком местных помещиков девятнадцатого века. Однако, понятное дело, живых свидетелей тому не находилось.

Чесноков познакомился со своей женой Людмилой в педагогическом институте, на последнем курсе они поженились. Молодых специалистов направили учителями в школу районного городка, где проживали родители жены. Жили у них. Родился сын Олег. Виталий вступил в партию и стал делать партийную карьеру. Сначала возглавил коммунистов школы, а со временем перешёл инструктором в райком партии. Что считалось тогда повышением по партийной линии.

В селе, куда переехали супруги, жена устроилась в школу учителем. Они по диплому – учителя истории. Муж начал осваивать рабочий свой кабинет, в котором портрет Никиты Сергеевича уже исчез, а Леонид Ильич ещё не появился.

Через год в семье парторга родилась дочь. Назвали Лизой. После сына — дочь: радости не было предела. Вначале. Вскоре родители заметили, что она родилась не совсем здоровой. Врачи говорили, что это издержки роста. Бабушка Акулина несколько дней уговаривала родителей крестить её в церкви. Мама соглашалась, а папа сопротивлялся:

— Вы что, не знаете, какую я должность занимаю? Да я сам обязан проводить среди сельчан атеистическую пропаганду. Слава Богу, церковь закрыли до меня. За каждого крещённого новорождённого я получу взыскание в райкоме партии.

— И за кого ты только, Люда, замуж вышла? Не могла найти беспартийного? — подшучивала над дочерью её мама. — Ребёнок, видишь ли, пусть страдает, а ему дорог партбилет!

Шло время. Лиза подрастала. Её ровесницы бегали по улице, радуясь солнышку, измеряли глубину луж после дождя, а она лежала в своей детской кровати и грустными глазами наблюдала в окно, как там на деревьях водили хоровод певчие птицы. На глазах появлялись слёзы. О беде мамы её знали не только все учителя в школе, но и родители учащихся. После очередного родительского собрания к классному руководителю Людмиле Чесноковой подошла мама одного из её учеников, самого отстающего в классе.

— Людмила Спиридоновна, — начала разговор мама, — я знаю о вашей горе и хочу помочь. В знак благодарности за то, что вы тянете моего Ваню из класса в класс, затрачивая на это своё личное время. Другая бы на вашем месте давно уже оставила моего сына на второй год. Мой Ваня тоже долго не ходил, был прикован к постели. Пока я его не свозила к бабке-знахарке. Да, он учится плохо, знания достаются тяжело, но ведь он в школу ходит сам, своими ногами. Я вам дам адрес этой знахарки, она живёт в ста километрах отсюда. Возьмёте адрес, Людмила Спиридоновна?

— Возьму с благодарностью, давайте.

Когда она вечером сказала об адресе мужу, тот вышел из себя:

— Люда, ты что, с ума сошла? Хочешь, чтобы меня на смех в селе подняли?

Жена промолчала: она ожидала подобной реакции мужа.

Спустя неделю Чеснокова пригласили в область на партийные трёхдневные курсы. Он уехал, а жена со своей мамой, взяв Лизу, оправились тайно по указанному адресу. Знахарке было уже далеко за восемьдесят, но держалась она бойко, выглядела максимум лет на шестьдесят пять. Не зря же говорят врачи, что биологический возраст человека не всегда совпадает с возрастом по паспорту.

Осмотрев девочку, бабка заявила: «Не волнуйся, миленькая, дочку твою вылечу, в школу пойдёт сама. Но... миленькая, я не вижу у неё крестика, она что, не крещённая?»

По тому, как мама и бабушка одновременно залились слезами, знахарка всё поняла и успокоила:

— Не волнуйтесь, миленькие, крестите Лизу и приезжайте ко мне. Вылечу.

На том и расстались.

Вернувшись домой через три дня, Виталий дома жены не застал, она задержалась в школе. Её мама вручила зятю бумагу, на которой тот успел бегло прочитать: «Исковое заявление о расторжении брака». Как стоял он перед тещей, так и сел перед ней на пол.

— Всё, делайте, как считаете нужным, я возражать больше не стану, — порвав копию искового заявления жены, медленно проговорил зять.

Он догадался, что таким образом жена хочет крестить в церкви дочь. И прикинул, что в данном случае ему надо выбирать наименьшее из зол. Он выбрал крещение. О том, что дочь побывала уже у знахарки, не знал. Пока рано ему это знать.

Обряд крещения проходил в тайне в другом селе, где церковь пока ещё сохранялась. Крёстной была мама того самого Вани. Никто и никогда не узнал бы о тайном крещении, если бы крёстная случайно не проговорилась на следующий день. А ещё через неделю парторганизация колхоза осво-

бодила парторга Чеснокова от занимаемой должности и исключила из партии. Оно бы ничего, если бы не стечение обстоятельств: ещё до крещения дочери парторг здорово поругался, отстаивая интересы колхозников, с председателем колхоза, тоже коммунистом и членом райкома партии. А кто в колхозе в советское время осмелился бы конфликтовать с всемогущим колхозным председателем? Единицы, разумеется, с вытекающими для них последствиями.

На предложение сдать партбилет парторг ответил: «Не вы мне его давали, не вам его и забирать».

— Ничего, на бюро райкома положишь! — со злостью ответил «помещик».

Бюро райкома проходило закрытым. Причина: «Дурной пример заразителен». Быть бы исключённым Чеснокову из партии, если бы не одно «но»: работая в райкоме инструктором, Виталий пользовался авторитетом и уважением в коллективе. Поэтому для него не было удивительным, что после гневной обличающей речи члена райкома партии Варламова (председателя колхоза) в его адрес никто из членов бюро против не выступил. Зато выступил Филимонов, директор школы, где раньше работал «обвиняемый», и который лично давал ему рекомендацию в партию. Мало кто из районных адвокатов произнёс бы такую защитительную речь, как этот оратор. В конце своей речи он обратился к председателю колхоза:

— Василий Романович, если бы я оказался на месте Чеснокова, я бы тоже крестил дочь. Как известно, «утопающий хватается за соломинку», так и Виталий Денисович ухватился за свою «соломинку». Тем более что сам он в церкви не присутствовал. Какие к нему претензии? Жена и теща в партии не состоят. На них он повлиять не может. Оставьте людей в покое.

Вопрос поставили на голосование, и... Чеснокова оставили в партии.

Дождавшись окончания учебного года, супруги уехали из села обратно в район и вернулись учителями в прежнюю

школу, которую Виталий Денисович через полгода и возглавил. После того как Филимонов перешёл в районный отдел народного образования.

Бабушка же Лизы вместе с её мамой стали регулярно навещать известную знахарку. Прежде чем ехать к ней первый раз, они вновь обратились к врачам. Те снова дали неутешительные прогнозы: вряд ли Лиза встанет на ноги. Но она встала. Через год. А ещё спустя год, как и обещала знахарка, Лиза Чеснокова своими ногами не пошла, а побежала с мамой в первый класс.

СУДЬБА МЕДСЕСТРЫ

Рассказ

Украинское село советские войска освободили под вечер. Трагедия же произошла в обед. Отступавшие немецкие войска согнали всех жителей села на его окраину и у глубокого оврага расстреляли. Своё зверство объясняли их участием в партизанском движении. Они не могли понять, что старики, женщины и дети отношения к партизанам не имели. Советские воины, склонив головы, стояли у оврага, крепко сжимая в руках автоматы. Командир стрелкового батальона капитан Ушаков неожиданно спустился в овраг.

— Сестра, срочно сюда, — позвал он батальонного санинструктора сержанта Сафонову. — Девчонка зашевелилась. Кажется, жива ещё. Спаси её, Любаша.

В овраге лежала на вид десятилетняя девочка, стонала.

— Рана не смертельная, товарищ капитан, — осмотрев раненую, сообщила медсестра Любаша. (По-другому её в батальоне никто не называл, только сестричка и Любаша.) — По всей видимости, девчонку закрыла собой от пуль эта женщина. Наверное, мать?

— Срочно в медсанбат! — приказал комбат.

Когда на следующий день девчонка открыла глаза, то увидела перед собой braveго капитана и молоденькую фронттовую медсестру.

— Спасибо, люди добрые, за то, что я сейчас не в овраге, а в больничной палате. А маму мою вы тоже спасли?

Не отвечая, Ушаков снял фуражку. Раненая, увидев это, только расплакалась. Потом сказала: «Вырасту, выучусь и стану тоже медсестрой, чтобы на войне спасать раненых».

— Нет, девочка, мы гоним фашистов в их логово, погибаем тысячами не для того, чтобы когда-либо на планете полыхала война. Тебя-то как звать?

— Мама Ниной звала.

— Так вот, Нина, вырастешь, станешь медсестрой — вспомни добрым словом меня и нашу сестричку Любашу. Это она тебя спасла.

— Ой, не знаю. Я постараюсь поступить учиться на медсестру. Но я же сирота теперь. Кто за меня замолвит слово?

Капитан достал лист бумаги, стал писать.

— Подпиши, Любаша, тоже, — дав ей написанный лист, попросил комбат.

Та, прочитав, подписала.

«Ходатайство, — начала читать Нина. — Мы, комбат стрелкового батальона (далее стоял номер его) капитан Ушаков С.А. и санинструктор Сафонова Л.И. ходатайствуем о зачислении в фельдшерскую школу на обучение Нины Степановны Дорошенко». Дата. Подписи.

— Прощай, Нина, живи долго и счастливо, — покидая санбат, в один голос произнесли посетители.

Шли годы. У Нины нашлась дальняя родственница, забравшая сироту к себе. В 1949 году девочка окончила восемь классов и решила поступить в местную фельдшерскую школу, исполнив заветную мечту: стать медсестрой. То ли набранная группа учащихся оказалась переполненной, то ли нашлась другая причина, но её на учёбу не приняли.

— Пойду на завод ученицей работать, — сообщила она своей покровительнице, — тебе, тётя Лида, помогать стану.

— Нет уж, моя дорогая Ниночка, твои родители твоё решение не одобрили бы. Мне ещё до пенсии пять лет, зарабатываю хорошо, проживём как-нибудь. Учись дальше.

— Так меня же не приняли!

— Примут. Найди-ка мне то ходатайство комбата. Дай Бог ему здоровья, если он остался жив в том аду войны, и Царство Небесное, если сложил голову на полях сражений.

Нина нашла «ходатайство», прочитала ещё раз и подумала: «Надо же, незнакомые мне люди, а сделали добро. Может, эта не имеющая для меня цены бумага и сыграет свою положительную роль? Кто знает?»

Утром тётя Лида отправилась в фельдшерскую школу. Как ни допытывалась Нина у неё, но так и не узнала, как той удалось помочь: её приняли. Узнала она это лишь при выпуске из школы, и не от тётки. По всей видимости, та не говорила потому, что и сама не знала истинной причины.

Директор школы пригласил выпускницу Дорошенко в свой кабинет:

— Я возвращаю тебе «ходатайство». Возможно, ты захочешь поступить после в медицинский институт. Оно тебе поможет.

Взяв в руки бесценную реликвию, Нина обратила внимание, что там появилась новая запись. Не могла не прочитать её: «Гвардии капитан Ушаков Степан Игоревич пал смертью храбрых в мае 1944 года». Дата и подпись: «Ушаков Фёдор Игоревич».

— Так вы его брат?

— Да, Нина, мы оба воевали: он боевой командир, я военврач. Сохрани о нём память, девочка.

На глазах у директора появились слёзы.

Училась Нина на отлично, и по окончании школы её оставили в городе, направив на работу медсестрой в одну из городских больниц.

Здесь она встретила свою любовь в лице молодого хирурга Маслова. Вышла за него замуж. За очень короткое время снискала авторитет и уважение как персонала больницы, так и больных. Последние очень сожалели, что медсестра на короткое время их покинула: родился сын.

Несмотря на то, что у Нины рос сын и «намечался» другой, в неё неожиданно влюбился новый главврач Шубин. Вскоре после операции, которую проводил её муж, умер больной. Главврач обвинил в этом хирурга Маслова. Нина, в отличие от мужа, догадывалась, почему он так сделал, но никому об этом не говорила. А сама срочно уволилась из больницы и уехала в своё село, уничтоженное фашистами и возрождённое из пепла уже после войны.

Прокуратура не нашла вины хирурга, и он с выговором уволился и уехал к жене, возглавив сельскую больницу. Только теперь Нина рассказала ему причину своего бегства из города.

— Спасибо за верность, Нина, — поблагодарил Кирилл жену. — Я в долгу не останусь.

Так семья Масловых оказалась в сельской местности, супруги работали в местной больнице, воспитывали сыновей.

Однажды в больницу поступил тяжелобольной мальчик семи лет. У него выявили воспаление лёгких. Всю свою смену медсестра Нина просидела у его постели. Так получилось, что его мама находилась в областной больнице с другим сыном. Внука навещала бабушка. Но из-за болезни долго сидеть у его постели в больничной палате не могла. Надеялась на добросовестность медсестёр. Маслову на посту сменила Татьяна Фадеева. Ночью, когда мальчику совсем стало плохо, медсестры в палате не оказалось. Она в это время «развлекалась» со своим женихом в комнате медсестёр. Мальчик к утру умер.

Недолго думая, медсестра заявила, что в этом виновата Маслова, которая, покидая пост, дала мальчику не то лекарство. Районная комиссия неожиданно стала склоняться к этой версии. Секрета никакого не было: Татьяна — дочка

председателя местного колхоза. Супруги Нина и Кирилл решили на этот раз не пороть горячку, не увольняться, не уезжать, а вдвоём бороться за справедливость. Ради жены муж взял отпуск за свой счёт и уехал в Киев в министерство. Приехавшая оттуда экспертная комиссия установила, что смерть мальчика наступила по вине медсестры Фадеевой.

Так получилось, что в присутствии комиссии хирург Маслов провёл сложнейшую операцию. Пациент остался жив. Каково же было удивление хирурга, когда вскоре в больницу пришёл документ о переводе его в республиканскую больницу. Пришлось с селом распрощаться. Его жители со слезами провожали супругов-медиков на новое место работы. Надо отдать им должное, отныне они больных односельчан принимали для консультации у себя дома чуть ли не каждый день. Кого следует, госпитализировали.

Когда ушли оба на заслуженный отдых, вернулись в родное село Нины. Каждое утро они, занимаясь зарядкой, делали пробежку, но всегда останавливались у того оврага, где Нина была на волосок от смерти. Ходатайство погибшего комбата она передала на хранение в школьный музей, тем самым выполнив просьбу его брата. Более того, Маслова разыскала и пригласила в село на один из праздников Дня Победы фронтovou медсестру Любашу. К счастью, она вернулась с войны живой. Так через десятилетия встретились две медсестры: одна — военного времени, другая — мирного. Связь времён восстановилась.

Гузель Рахматуллина

г. Уфа, Республика Башкортостан

ОТКУДА ПРИХОДИТ РАССВЕТ

Рассказ

Худая пегая лошадь медленно плелась в гору. Маленький, сухонький старик изредка понукал свою клячу. На телеге сидела высокая молодая женщина в серой кофтёнке и длинной чёрной юбке. Она дремала, лишь иногда, подпрыгнув на очередной кочке, испуганно открывала на секунду большие зелёные глаза и снова проваливалась в короткий сон. Девочка лет девяти, вся закутанная в большой тёплый клетчатый платок, грустно смотрела, как большое багровое солнце вставало над оставшейся внизу речкой, разгоняя туман над едва заметной на горизонте деревней. Слёзы подкатили к глазам девочки, когда она вспомнила, как её, полусонную, на прощание обнимали мама и бабушка, провожая вместе с тётей Фаиной в город. Бабушка молилась, а мать со слезами на глазах суетливо совала ей в руку свёрток с пирожками.

— Доченька, я вот выздоровею и приеду за тобой. Слышишь, я приеду. Ты ненадолго уезжаешь... В городе хорошо, ты будешь учиться в большой школе, станешь человеком. Только не плачь, ты же большая девочка.

— Не буду. Ты не болей. Я знаю, бабуле тяжело уже с нами двумя. — Она обхватила своими маленькими ручонками маму за шею и прижалась к её груди, словно в последний раз, стараясь запомнить запах её длинных кос и родное тепло.

Бабушка хмурила брови. Она не позволяла себе плакать и причитать, не хотела расстраивать внучку.

— Жанна, доченька, ты учишься хорошо. Я тебе в карман молитву положила. Помни всё, чему я тебя учила, — старушка обняла внучку. Девочка крепилась изо всех сил, чтобы не расплакаться.

— Да хватит вам уже, — сказала Фаина, — не к чужим, чай, едет, к родной тётке. Надо ехать, а то не успеем к поезду.

— Я тут вам пироги положила, грибы сушёные, гуся копчёного, — бабушка поставила на телегу большую плетёную корзину.

— Дочка, помни, ты обещала, — старуха строго посмотрела на Фаину.

— Да, да, — досадливо отмахнулась дочь и села в телегу, — ну всё, пора. Будьте здоровы.

Бабушка и мать до конца деревни шли за телегой, а Жанна махала им, проглатывая застрявший в горле комок.

Лошадь тащилась медленно. Жанна не сводила глаз с ярко-красного солнца, поднимавшегося всё выше и выше.

«Так вот откуда приходит утро», — подумала девочка, глядя во все глаза на утреннюю красоту.

К полудню приехали на вокзал. В поезде, под тихий стук колёс, Жанна уснула. Спала она долго, Фаина растормошила девочку перед самым выходом. Потом они долго ехали на трамвае. Жанне всё было в диковинку. Она никогда не видела города и изумлённо вертелась по сторонам, глядя на трамваи, высокие многоэтажные дома.

— Ну вот, наконец-то дома, — сказала тётя, открывая большую, тяжёлую дверь.

Дома у Фаины им навстречу выбежали две девочки — Рачка и Катенька. Младшей было два года, она смешно передвигала ноги.

— Знакомься, сёстры твои, — сказала женщина, взяв на руки Катю и обнимая другой рукой Раю.

Из комнаты вышел мужчина, неприятный, с выпученными голубыми глазами и пухлой оттопыренной нижней губой. Он спросил, страшно заикаясь:

— Ну как д...оехала?

— Да всё хорошо. Вот познакомься, племянница моя, Жанна. Это дочь моей сестры.

Дядя Коля недружелюбно посмотрел на девочку и ушёл на кухню.

— Ну, располагайся. Спать будешь вот здесь на кровати, рядом с Раей и Катюшкой. Чемодан с твоими вещами под койку поставлю. Сейчас кушать приготовлю. Отдыхай пока.

Ночью Жанна никак не могла уснуть. Всё в этом доме было ей чужое. Кровать с железной сеткой скрипела, пружины, выпиравшие из-под тощего матраца, больно впились в тело. Девочки хныкали во сне. Ей захотелось пить. Она встала и пошла на кухню. Жанна остановилась, услышав голоса тётки и дяди.

— Ты з...ачем её привез...ла? У нас мало р...тов? Или это т-т-т...твоя дочь?

— Нет, говорю же тебе, сестра совсем не в себе, припадки у неё участились, болеет постоянно, а мать старая, не может больше в лесничестве работать, её брат к себе зовёт. Ты же знаешь, он на краю света живёт, сестра не справится с ней... Она помогать нам будет, с девочками посидит... Да мать денег нам дала на её содержание. А я на работе ещё один участок возьму, дворники нужны...

Утром тётка разбудила Жанну рано.

— Я на работу. На кухне в кастрюле каша, покорми детей, посуду вымой. Дома приберись. Я приду к обеду.

— Ладно, тётя. Скажи, а в школу когда пойдём записываться?

— Пойдём скоро...

Целый день Жанна играла с девочками. Кормила, убирала. Наконец, намаявшись, дети уснули. Девочка только сейчас поняла, что она с утра ничего не ела. Жанна пошла на кухню, положила себе остатки манной каши, налила в железную кружку холодного чаю.

Она вздрогнула от резко открывшейся двери. На кухню зашёл дядя. Он недобро взглянул на Жанну. Девочка под этим взглядом съёжилась, потом встала и тихонько вышла из кухни. Николай достал из кармана бутылку водки и плеснул себе в гранёный стакан, закусил кусочком копчёного гуся, привезённого женой от матери. К приходу Фаи он был уже пьян.

Ночью он лупил её нещадно, бил ногами и кулаками в живот:

— Что нагулянную свою девку притащила сюда, моих детей объедать, шлюха...

Жанна забилась под кровать. Её трясло от страха и обиды. Так, плача, она и уснула под кроватью.

Когда всё стихло, пьяный дядя Коля уснул, тётка разбудила Жанну и велела лечь в кровать. Сама легла к детям.

— Тётя, за что он тебя так? Почему он говорит, что я твоя дочь? У меня же мама есть своя... — девочка плакала. — Отвези меня домой к маме и бабушке.

— Всё хорошо будет. Выпил он лишнего. Я же до него замужем была, ты помнишь дядю Ивана?

— Помню, он умер давно, когда я совсем маленькая была. У него ещё козлятки дома бегали, а он был добрый.

— Да. Вот дядя Коля и думает, что ты наша с Иваном дочь, не верит мне.

Тётка надела телогрейку, повязала цветастый платок, потрепала по щеке племянницу и ушла на работу.

Вечером дядя Коля пришёл раньше. Он открыл крышку кастрюли с кашей. Кастрюля была пуста.

— И...ди сю...да. В...от з...автра по...метку сделаю... на каст...рю...ле. Уви...жу, ч...то д...етей м...оих об...ъедаешь... уб...ью...

С тех пор тётя кормила Жанну рано утром, когда муж уходил на работу, и поздно вечером, после того как он уснёт. Иногда оставляла под подушкой кусочек хлеба и яблоко.

Николай всё чаще и чаще приходил домой пьяным. Набравшись, он жестоко избивал жену. Летом Жанне с детьми частенько приходилось ночевать на балконе, на кинутый телогрейке. Она слушала всю ночь, как дрались тётя с дядей, и плакала, прижимая к себе Раю и Катю.

Прошло два года с тех пор, как Фаина привезла племянницу в город. Девочку в школу она так и не отдала. Жанна убирала квартиру, нянчила её детей, стирала бельё. Она жалела

тётю и больше не заикалась про школу, смирившись со своей нелёгкой долей.

Как-то ноябрьской ночью Николай снова избил жену, Фаина упала на пол, а он продолжал её избивать; вырвавшись, она убежала к соседям, оставив детей в квартире.

Изверг ворвался в комнату к детям. Рая и Катя заплакали, а Жанна пыталась их успокоить. Озверевший от ненависти и пьянства Николай схватил табуретку и бросил в Жанну. Каким-то чудом девочке удалось перехватить её на лету и поставить на пол. Несмотря на свой маленький рост, скудное питание, от природы она была сильной и крепкой.

— А...х ты, с-с-с...ука, — мужчина подлетел к девочке, бросил её поперёк кровати и, навалившись всем телом, полез под платье.

Жанна не помнит, каким образом ей удалось вырваться от него, спасло то, что мужчина был мертвецки пьян. Девочка в одних тапочках на босу ногу и лёгком платье выбежала в подъезд, она побежала на пятый этаж, хотела спрятаться на крыше, но люк был крепко закрыт. Её трясло от случившегося, стуча зубами, она присела на ступеньку лестницы. Было очень холодно. Девочка съёжилась, пытаясь согреться, ей хотелось просто исчезнуть из этого страшного и грязного мира, окружавшего её. Она закрыла глаза...

Елена Марковна задержалась на вызове. Она работала участковым врачом, и ей приходилось допоздна навещать своих пациентов. Денег не хватало, врач брала несколько участков, задерживалась на работе допоздна. Она устало поднималась наверх и вдруг у своей двери увидела маленькую, почти замёрзшую девочку в лёгком ситцевом платье и стареньких тапочках на босу ногу. Елена Марковна видела, как девочка частенько гуляла с детьми дворничихи Фаи. Женщина открыла дверь и втащила девочку домой, уложила на диван. У ребёнка был сильный жар, кто знает, сколько времени она просидела полураздетой на бетонном полу на лестнице, а на улице уже фактически наступила зима.

— Похоже, нужны уколы, — вздохнула Елена Марковна и пошла на кухню кипятить шприцы.

Жанна бредила, она не слышала, как доктор делала ей уколы, поила микстурами. Целый месяц она пролежала с пневмонией в квартире врача. Девочка не знала, что Елена Марковна прогнала её тётю, пригрозив вызвать участкового.

Придя в себя и немного окрепнув, Жанна рассказала женщине всё, что с ней произошло с момента приезда к Фанине и Николаю. Врач слушала её долго, качала головой. Потом достала из шкафа одежду.

— Переодевайся. Не бойся, это вещи моей младшей сестры. Она сейчас в Москве учится. Послушай меня, девочка. Тебе нельзя оставаться у тётки, тебе надо учиться. С ними ты в беду попадёшь. Я тебя отведу в обком партии, покажу кабинет. Зайдёшь туда и скажешь, что тебе некуда идти и нужно в детский дом. Пока не определят в детский дом, не уходи оттуда. Если ты хочешь выучиться и стать человеком, меня слушаешь.

На следующий день утром Елена Марковна привела Жанну к кабинету секретаря райкома.

— Ну, иди и ничего не бойся. А мне на работу. Удачи тебе, маленькая.

— Спасибо.

— Иди...

Жанна зашла в большой кабинет. Елена Марковна ещё немного постояла в коридоре и побежала на работу.

За длинным столом сидел полный усатый мужчина. Он нахмурился и строго спросил:

— Ты к кому, девочка? С кем пришла? Заблудилась?

— Я к вам пришла. Мне нужно в детский дом.

— Вот как? — секретарь обкома удивлённо посмотрел на неё. — А где твои родители?

— У меня никого нет.

— Но где-то ты жила до сих пор? Мне некогда, девочка. Иди домой и приходи завтра с взрослыми.

— А мне некуда идти. Я у вас посижу на диване. Никуда не уйду, — Жанна чинно села на кожаный диван в кабинете.

— Настырная, — вздохнул секретарь райкома. Потом стал звонить по телефону.

Через час за девочкой приехали из опеки и определили в детский дом.

В детском доме Жанне понравилось. Ей выдали одежду, показали кровать с белыми чистыми простынями, потом отвели в столовую и накормили. Жанна давно так вкусно не ела: гороховый суп, гречневую кашу с маслом и компот. Воспитатель сказала, что она обязательно пойдёт в школу. Так началась её новая жизнь.

Девочка пропустила два учебных года, она отстала от своих сверстников, классы с воспитанниками детского дома были переполнены, поэтому директор школы принял решение определить девочку в класс, в котором не было детдомовских детей, а учились одни «домашники». Жанна была невысокого роста, и по внешнему виду нельзя было сказать, что она по возрасту старше своих одноклассников. Любознательная и настырная девочка быстро освоилась и стала хорошо учиться, особенно ей легко давались русский и английский языки.

Через три месяца в детский дом пришла тётя Фаина. Она плакала, не поверила рассказу племянницы, говорила, что та неправильно поняла дядю, что он не мог так поступить, не хотел ничего плохого сделать, но Жанна молчала, отвернувшись от виноватого взгляда тётки, этот страшный вечер она никогда не сможет забыть.

— Доченька, возвращайся, что я бабушке скажу, обещала тебя смотреть. Пойдём со мной, ну хочешь, в школу пойдёшь, детей не будешь нянчить, — Фая обнимала Жанну и всхлипывала.

— Не плачь, тётя, к тебе больше не вернусь. Я учиться хочу, вырасту, работать начну, бабушку в город заберу

и маму, мы будем вместе жить. Маму тут вылечат... — Жанна погладила женщины по плечу, — ты иди, мне тут лучше.

Фаина вздохнула и пошла прочь по заснеженной аллее парка.

Весной во дворе расцвели яблони и белая сирень. Жанна вернулась из школы и пошла в столовую. Ребята бурно обсуждали нового воспитателя Петра Ильича.

— Он опять Телёнка закрыл в тёмной кладовой, за то, что тот опоздал на минуту в столовку. Второй день голодом морит. Вот гад. А морда у него квадратная. Фашист, — наперебой гадали дети.

Жанна поела суп, потом взяла компот и плоскую тарелку и прошмыгнула под лестницу. Она поскребла дверь кладовой.

Сашка Самойлов, по прозвищу Телёнок, был огромным детиной, выше её почти на две головы, сильный и здоровый не по годам, но совершенно не умел постоять за себя. Когда его ругали воспитатели, парень просто стоял и хлопал красивыми густыми ресницами, опустив вниз голову, за что его и окрестили Телёнком. Самойлов был подкидышем, и за застенчивость и безответность Телёнка чаще других наказывали и обижали, как воспитатели, так и дети.

- Телёнок? — тихо спросила девочка.
- Да, — слышалось из кладовки.
- Как ты там?
- Тесно тут и жарко... и темно, — пожаловался Сашка.
- Есть хочешь?

Телёнок за дверью кладовки всхлипнул.

— Не плачь, я сейчас тебе на тарелку кашу размажу, ты поешь, потом мне тарелку вытолкни, я ещё положу.

Жанна положила две ложки каши на плоскую тарелочку и размазала их по тарелке, потому что под маленькую щёлку двери большая тарелка не проходила. Она осторожно протолкнула тарелочку под дверь. Сашка поел немного каши.

С компотом пришлось труднее, но Телёнок всё же ухитрился и немного попил с тарелки.

— Эт-то ещё что? Ветрова... опять ты? — Пётр Ильич, схватив Жанну за ухо, поднял с пола. — Ты наказана, а ну марш отсюда на кухню убираться.

Девочка взяла тарелку и пошлелась на кухню, тихо ненавидя воспитателя.

На следующий день она задержалась в школе. Учительница английского дала ей дополнительный материал для подготовки к городской школьной олимпиаде. В столовую она опоздала. Телёнка там тоже не было. Сегодня опять дежурил Пётр Ильич. Увидев Жанну, он подошёл к ней и с наглой усмешкой спросил:

— А что у нас сегодня на обед, Ветрова?

— Гуляш.

— Ах, гуляш... Ну так гуляш по коридору, — мужчина взял девочку за плечи и вытолкнул из столовой.

Жанна вернулась в спальню, взяла материалы и стала учить английский, но предательски хотелось есть. Валя Метлицкая, её подруга, потихоньку вынесла из столовой кусочек чёрного хлеба, а Витька Морозов сумел стащить компот. Попив компота с хлебом, Жанна немного повеселела.

На следующий день девочка снова опоздала на пару минут на обед. Она нахохлилась, как маленький воробушек, и прошла мимо Петра Ильича. Взяла тарелку и стала кушать суп.

Воспитатель приблизился к столу и закричал визгливым бабьим голосом:

— А ну, засранка, встала и пошла прочь. Опоздавшим тут не место.

Жанна поднялась из-за стола, схватила табуретку и замахнулась на мужчину.

— Если ты, гад, ещё раз заорёшь на меня или выгонишь, я тебя убью... — в голосе девочки была такая решимость и сила, что воспитатель закашлялся и вышел из столовой. Больше он Ветрову не наказывал.

Незаметно наступили каникулы. Детей из детского дома стали отправлять на дачу, только старшую группу немного задержали, девочки помогали воспитателям мыть окна и спальни, а мальчики убрали дворовую территорию.

— Ветрова, иди к директору, к тебе пришли там, — сказала воспитательница.

Жанна поднялась на второй этаж и постучала в дверь директорской.

— Детка, звонила твоя тётя, сходи к ней, там бабушка приехала из деревни, отпускаю тебя до завтрашнего вечера.

Жанна, которая не видела бабушку несколько лет, как на крыльях неслась к дому Фаины.

— Как выросла, доченька, — старушка обняла внучку, и они обе заплакали, — как ты, детка? Я письма твои получала. Мама их читала мне.

— Что с мамой?

— Так же болеет, иногда у неё всё хорошо, а иногда... Боюсь её оставлять. Твой дядя зовёт меня жить к себе. Вот билеты прислал, завтра вечером поезд. Хотела тебя перед отъездом повидать, внученька моя, — бабушка гладила её по голове своей тёплой, шероховатой рукой, — попросила соседей присмотреть за матерью, только сердце болит.

— Через два года выпущусь из детдома, работать буду и учиться, я за тобой приеду, не будешь у людей жить, и мама не будет одна.

— Милая ты моя деточка, — старушка всхлипнула.

Ночевали они с бабушкой на балконе. Всю ночь лежали, прижавшись друг к другу, плакали и разговаривали, а из комнаты доносился грязный мат пьяного дяди, потом он снова стал драться с Фаиной, а утром, толком не протрезвев, ушёл на работу.

Жанна и бабушка попили пустого чая, тётя даже не поднялась с кровати. На прощанье сказала матери, что не сможет её проводить, потому что у неё болит живот. Старушка присела на дорожку и помолилась.

– Не бойся, бабушка, я сама тебя провожу, – Жанна взяла чемодан, они вдвоём пошли к автобусной остановке.

Девочка посадила бабушку на поезд, дала старушке купленную на сэкономленные деньги булочку.

– Бабулечка, вот возьми, в поезде чаю попьёшь. Не плачь, я обязательно приеду за тобой, слышишь...

– Буду молиться за тебя, внученька. Родная моя... – Поезд тронулся, заглушив последние бабушкины слова.

Жанна стояла на перроне и смотрела вслед уходящему скорому поезду, и слёзы душили её, словно она чувствовала своим детским сердцем, что это была их самая последняя встреча.

Поезд скрылся из виду. На перроне столпился народ. Жанна подняла распухшие от слёз глаза и увидела солнце. День сегодня обещал быть жарким.

ЯСНОЕ НЕБО

Рассказ

– Сыночек... сыночек мой! – мать плакала, встречая демобилизовавшегося из армии сына. – Слава Аллаху, живой!

Рая не могла наглядеться на своего повзрослевшего сына.

– Не плачь, мама... мама... всё хорошо. Я дома, – Азат гладил по голове мать, которая едва доставала ему до плеча. Ком подступил к горлу: как она постарела и совсем поседела за год, пока он служил в армии...

Вечером собралась родня. За щедрым деревенским столом величали молодого солдата. Азат впервые понял, что значит тепло родного дома, тепло близких людей.

На следующий день, за завтраком, глядя, как трещит на сыне доармейская рубашка, Рая сказала:

– В селпо вчера поступление было, давай, сынок, сходим, надеть тебе нечего.

В магазине шустрая продавщица помогла подобрать несколько футболок, красивую рубашку и джинсы.

— Зина, нам ещё обувь нужна, предложи хорошую, — мать выразительно посмотрела на продавца.

— Да, на складе кое-что есть, племяннику оставляла, но ему большеватые. У вас где-то сорок четвёртый — сорок пятый размер? — деловито спросила Зина, профессиональным взглядом скользнув по солдатским бутсам Азата.

— Угадала, сорок пятый.

— Ага, сейчас принесу.

Зина вынесла из подсобки кожаные кроссовки тёмно-синего цвета с чёрными вставками.

— Гляди, какая красота, словно тебя ждали, померь, — продавщица улыбалась, протягивая обувь парню.

Взглянув на кроссовки, Азат вдруг странно побледнел, капельки пота выступили у него на лбу. Он молча вышел из магазина быстрыми шагами.

Мать и Зина с кроссовками в руках застыли, глядя ему вслед.

— Не поняла, не понравились, что ли?

Рая вздохнула, сердце её сжалось. Она с момента возвращения сына чувствовала, что что-то неладное творится у него в душе.

— Рай, может, тебе его психиатру показать? Говорят, их там, в Чечне, кодируют, чтоб не страшно было умирать. Видишь, у него что-то с головой.

Мать резко выпрямилась. Слова продавщицы, словно плетью, больно ударили её.

— Своего сначала подними, отправь на войну, потом поведёшь в психушку, — женщина с горящими от гнева щеками направилась к выходу.

— Подожди, а вещи?

— В городе купим!

Азата нигде не было. Рая купила в продуктовом хлеба, колбасы, фруктов. Подошла к торгующей у входа старушке.

— Степановна, не видела моего сына?

— Домой он пошёл.

Мать застала сына на крыльце дома. Азат курил сигарету. Рядом стояла пепельница, почти до краёв полная окурками.

— Сынок, ты же не курил раньше... Что с тобой? — на глаза у женщины навернулись слёзы.

— Всё хорошо, мама, не волнуйся. Я так...

— А из магазина зачем убежал?

Азат не ответил, прикуривая очередную сигарету.

— Сынок, бросай курить, нельзя столько. Давай я тебе суп разогрею. Утром сварила, с курицей и домашней лапшой, как ты любишь. Может, блинчиков с мёдом и сметаной? А ещё варенье есть из лесных ягод, прошлым летом собирали с отцом.

— Да, мам, можно блинчиков, — устало произнёс сын, не двигаясь с места.

Рая пошла в дом, ставить тесто на блины.

Азат встал с крыльца, вышел в сад. Присел под старой яблоней на скамейку. Он прислонился спиной к дереву и закрыл на минуту глаза, подставляя лицо тёплым солнечным лучам, пробивающимся сквозь листву...

Всего два месяца назад апрельское солнце ласково припекало, пронзительно голубое небо было чистым, без единого облачка. На зелёной травке, подстелив армейский бушлат, лежал Азат по прозвищу Хохол. Никто уже и не помнил, почему башкирина Азата, родившегося и прожившего всю жизнь в деревне под Уфой, окрестили Хохлом, то ли за его природную хитрость, то ли имелась какая-то другая причина. Рядом на большом камне с автоматом в руках сидел Сергей Никольский. Он задумчиво смотрел на новые лёгкие тёмно-синие, с чёрными кожаными полосками, кроссовки друга. Азат купил их в увольнении в городе. У него было плоскостопие, призываясь в армию, парень скрыл свою болезнь, а теперь ноги гудели в тяжёлых солдатских бутсах, поэтому при первой возможности он купил себе кроссовки.

— Слышь, друг, ты ведь через пару месяцев дембельнёшься. Зачем тебе кроссовки на гражданке? Там тебя родители, сестра и так с иголочки оденут. Аккуратнее носи свои кроссовки, поедешь домой — их мне подарить.

— Ну ты и борзый, малой. В моих кроссовках решил всех хачей победить?

— Да... Приеду домой, поступлю в институт. А ещё... соседская Алёнка знаешь как на меня таращилась, когда я в армию уходил? Подросла, наверное. А глаза у неё синющие... как вот это небо. А тебя кто-нибудь ждёт?

— А меня ждёт полдеревни. Так что повыбираю...

— Хохол ты и есть хохол, — Серёга запустил маленьким камешком в лежащего друга.

— Ах ты, салага, — через минуту Никольский был подмят под сильным телом Азата и они с хохотом покатались по траве, — будешь себя плохо вести — кроссовки подарю Витьке-ботану.

А Витька Маслобойников, худенький, маленький паренёк с востреньким, усыпанным веснушками носом, сидел, уткнувшись в свой блокнот, и что-то чиркал шариковой ручкой. Ребята недоумевали, как он с такой внешностью сумел попасть в «Росич», куда отбирали ребят рослых, выносливых и сильных. Витька и спецназ — это было что-то. Поначалу над ним посмеивались, а потом, когда увидели, сколько в этом маленьком паренёке упорства, уважали. Была у него только одна слабость: он любил сочинять стихи. Они получались какими-то наивно-нескладными, но он писал и писал. Каждую свободную минуту проводил с блокнотиком и ручкой.

— Витёк, что, муза твоя задремала, не хочет сегодня рождать шедевр? — пошутил Серёжа.

Маслобойников даже бровью не повёл. Он сидел и смешно шевелил губами, одновременно перечёркивая в блокноте неудачные строчки.

Подошёл Игорь Петров — здоровенный детина, ростом под два метра. Он устало скинул с плеч автомат.

— Мужики, вода есть?

— Держи, — Сергей бросил фляжку с водой.

Игорь пил большими и жадными глотками. Напившись, небрежно вытер ладонью подбородок.

— Видел сегодня ротного. На днях заваруха, похоже, будет...

— Чтоб их... До дембеля всего ничего...

— Ага... А что делать? Хохол краповый беретик, небось, припрятал, чтоб дома красоваться.

— А то...

Вечером отряд собрали. Майор Смирнов оглядел своих бойцов. Дети совсем, у некоторых усы ещё толком не пробились.

— Пришло спецсообщение. На высотке, в пятидесяти километрах отсюда, активизировалась группировка боевиков и наёмников, расстреляли утром нашу автоколонну, есть убитые и раненые. Получено задание провести зачистку. Разобьёмся на группы по пятнадцать человек. Группа сержанта Нигматуллина возьмёт квадрат тридцать четыре, группа Панкратова — семнадцатый, Андоленко — сорок шестой, выдвигаемся в четыре утра. Получите спецпаёк с вечера и оружие. Держитесь, сынки! Ваша задача не только уничтожить противника, но и сберечь свою жизнь. И помните, что рядом с вами ваши товарищи. Удачи всем нам.

Получив спецпаёк и запасные обоймы к автомату, солдаты сели писать письма домой. Никто не знал, вернётся ли живым из этого боя...

Утром на бэтэрах двинулись на отведённые участки. Азату и его группе досталась небольшая поляна и грунтовая дорога, примкнувшая справа к лесу, а слева подступали горы. Расположение было очень неудобным. Густой туман окутывал горы и лес, затрудняя видимость.

— Лёха, Шкет и Зяблик, займите позиции на опушке. Замаскируйтесь.

— Серый, Алан, Ильдар, ваша позиция вот здесь, здесь и здесь, — Хохол уверенно указывал на густые заросли

кустов вокруг поляны. — Смотрите в оба, ребята. Боевики эти горы знают как свои пять пальцев. Тут, чуть выше, ущелье. Не спускать с него глаз! При обнаружении подаёте условный сигнал. Стреляем по моей команде.

— Есть!

— Витёк, ты блокнот свой припрядь подальше. Видишь, дерево огромное, окопайся пока там. Я скоро подойду. Наша позиция — дорога и горы.

— Гера, Самат, Санёк — по периметру, от тех кустов до опушки.

К полудню резко три раза закуковала кукушка. Вскоре появились боевики.

— Один... два... три... сорок шесть... Азат, нас в четыре раза меньше!

— Вижу, Витёк... вижу... Каску надень. Готовься.

Нигматуллин молчал. Он понимал, что бой будет трудным. Решил подпустить бородачей поближе. На поляне, с условных позиций, стрелять удобнее. А так залягут в горах и вышибут всех. Эх, обстрелянных-то всего ничего: Зяблик, Санёк, Ильдар и он, остальные... Азат покосился на Витька: каска упала почти до бровей. Поэт, блин, сможет ли убить? Это так трудно — стрелять в человека... Нигматуллин помнил, как его трясло после первого убитого им боевика. Эти карие распахнутые глаза уже никогда не забудет. И небо тогда было такое же, голубое-голубое...

Азат короткими перебежками добежал до позиции Зяблика.

— Антон, зёма, не подкачай. Береги себя, если что, к матери моей иногда заезжай...

— Ты что, братан... Даже не думай...

— Зяблик, выманит на поляну — открывай огонь. Их слишком много... Боюсь за салаг. Рация почему-то молчит. Сигнал не доходит, горы? Отправь Герыча к Андоленко, без подмоги не обойтись. Ты видел, миномёты у них. Сравниют нас с этой поляной.

- Есть.
- Я пошёл, держись, Антоха.
- Давай, Азат! Бог даст, Алла бирса, увидимся.

Хохол вернулся на позицию. Показался первый боевик. Идут, гады бородатые, переговариваются по-арабски, наёмники, головорезы. А тут Витёк среди одуванчиков с каской на носу, вспотел от напряжения.

— Витька, не дрейфь. Прорвёмся. После войны мне книгу свою пришлешь со стихами. На гражданке буду девчонкам их читать.

Горе-поэт попытался нервно улыбнуться.

Боевики двигались цепочкой, больше половины их вышло и рассредоточилось по поляне. Вооружены до зубов. Идут, словно у себя дома, гогочут.

— Огонь!!!

Зяблик, Игорь открыли огонь с разных позиций. Поэта знобит...

— Витька, твою мать, стреляй!!! Видишь, прут в сторону Ильдара! Подмога скоро придёт, я Герыча послал к Богдану Андоленко. Бей их!

Маслобойников немного пришёл в себя и начал стрелять. Боевики залегли. Азат видел, как прекратился огонь с позиций, занятых Никольским и Саматом Адиевым... Только бы Герман успел добежать!

Боевики расчехлили миномёты... замолчал автомат Ильдара. Огромный камень от взрыва гранаты располосовал гору рядом с позицией Алана.

Азат повернулся в сторону Зяблика и застыл на мгновение. Со стороны леса двигалась ещё одна группа бородачей, они обогнули гору слева и вышли через лес, прямо за спиной Зяблика. Антон не видел их, под его пулями падали боевики на поляне, как подкошенные. Через несколько минут затих Зяблик. Шкет и Лёха ещё отстреливались. Молодцы, салаги. Один бьёт выходящих из леса, второй строчит по поляне.

Азат увидел трёх боевиков, двинувшихся к Витьку. Суки, прут и прут... сколько их ещё. Он выхватил гранату

и выдернул чеку. Двое упало. Второй успел выстрелить из миномёта. Огромное дерево как подкошенное рухнуло на Азата, и он потерял сознание...

Герман задыхался от бега. Торопился. От его скорости сейчас зависела судьба друзей. До квадрата Андоленко оставалось немного, около полутора километров, нужно было перейти через речушку и обогнуть гору. В горле пересохло, сил почти не было, но его подгоняли взрывы, доносящиеся сзади. Речка чистая, горная и очень быстрая. Хорошо, неглубокая. Герман на секунду остановился, нагнулся к воде, хоть горло промочить... Он пил жадными глотками. В этот момент сзади хрустнула ветка, и через секунду он почувствовал дуло автомата, ткнувшее его между лопатками.

— Вставай, русская свинья. Разлётся тут на водопое.

Герман медленно повернулся. Молодой чеченец в камуфляже нагло усмехнулся и что-то громко сказал по-своему. Из кустов вышли ещё четверо.

Пленному связали руки и приказали идти. Шли долго, сначала по лесу, потом по горам, наконец дошли до лагеря. Сначала били, каждый, кто хотел, потом бросили в яму. Больше Гера ничего не помнил...

Он очнулся через несколько часов. Руки и ноги в синяках, ссадинах и кровоподтёках нестерпимо ныли от боли. Разбитая губа распухла, правый глаз почти заплыл, в глазах было темно.

— Простите, ребята, не дошёл. Прости... — солдат снова упал в забытьё.

Андоленко с полудня слышал стрельбу. Связи с ребятами не было изначально, взрывы и отдалённая стрельба доносились из квадрата Нигматуллина. Богдан связался со штабом.

— Волна, волна... Приём... У нас тихо. У Нигматуллина очень горячо, два часа прошло, разрешите отправить ребят?

— Выдвигайтесь, сейчас ещё резерв к ним подтяну. С Нигматуллиным связи нет никакой.

- Разрешите выполнять?
- Давай, сынок!

Группа Андоленко подошла почти одновременно с резервом. Богдан вздрогнул от увиденного: вывороченная от взрывов земля, кровь, и трупы, трупы... Боже, сколько их...

– Мужики, ищите ребят. Может, кто выжил, ранен. Погибших и раненых несите к машине.

Вскоре солдаты стали подносить погибших.

Сергей, Самат, Антон Зяблик, Игорь, Шкет и Лёха, он даже не помнил их настоящих имён. Они так и пришли из учебки вдвоём, два брата... Принесли Ильдара, он был ещё жив. Перебинтовали голову и грудь, сделали обезболивающее.

– Егоров, раненого в БТР и на базу, живо! Возьми пару ребят.

– Кого ещё нет?

– Нет Герыча, Алана, Хохла и Витька-поэта.

– Ищем, ребята.

– Богдан, вот, от Алана осталось... миномётом... – Иван протянул командиру цепочку с металлическим жетоном.

Андоленко рванул ворот тельняшки – с Аланом он дружил с детства, выросли в одном дворе, учились в одной школе... Сержант медленно пошёл к лесу. Огромное дерево с вывернутым корнем лежало поперек поляны. А за ним глубокая воронка. Богдан подошёл поближе и увидел, как из-под листвы что-то блеснуло.

– Ребята, тут ещё кто-то, помогите.

Дерево приподнимали вчетвером. Под ним оказались Нигматуллин и Витёк.

– Богдан, они живы. Их оглушило и придавило деревом. Витёк ранен в руку, но слегка. У Азата осколочный в ногу, эти двое легко отделались.

– Хоть кто-то жив! Раны обработайте и в часть! Бегом! Всё, возвращаемся.

Германа выволокли из ямы. Весь в крови, он почему-то не видел дороги, темнота заполонила всё вокруг.

— Ты что, сука, ориентиров не видишь, — пнул сзади наглый чеченец, подвёл к кому-то.

— Ну что, навоевался, щенок. Отвечай, кто родители? Откуда родом?

— Нет у меня родителей, никого нет... — с трудом разлил спёкшиеся губы солдат.

— Плохо... Что, без роду, без племени? Вспоминай, а то не доживёшь до светлого дня, не увидишь, как зацветёт Ичкерия без вас, кяфиров!

— Детдомский я.

— А ну иди сюда.

Герман сделал шаг в темноту.

— Ты что, урод, под слепца решил подкосить? — оглушительный удар сбил пленного с ног, потом посыпались удары со всех сторон. Парень потерял сознание.

— Мурад, он, кажется, того... накрылся...

— Брось его с обрыва. Волки уберут. Поведились по ночам к лагерю. Чуют, твари, кровь...

Рана Азата оказалась неглубокой. Хирург заштопал её прямо в части. Парень почти не хромал. Ильдара отправили на вертушке в госпиталь, в Ростов. Маслобойников отделался глубокой царапиной — щепка от дерева воткнулась в руку. Они с Азатом вышли из медсанчасти, присели на лавку.

— Здорово, герои, — Андоленко подошёл и пожал руку каждому.

— Спасибо, друг, если бы не ты, может, нас бы уже и не было.

— Ваших провожать будем сегодня... двухсотый... Придёте?

— Богданыч, дай закурить.

— Ты же, Хохол, вроде не куришь...

— Хреново что-то... Дай.

- Держите, мужики. В пять провожаем.
- Придём.

Азат пришёл раньше, пока ребята были ещё здесь. Он откинул первую простыню. Серёга так и застыл навечно, словно удивлённо приподняв густые брови. Пуля пробила ему шею. Погиб мгновенно.

– Видишь, дружище... вот как тебе приходится возвращаться раньше меня. – Хохол незаметно смахнул набежавшие слёзы, тяжело глотнул. – А кроссовки я сегодня выкинул... Прости, брат, не могу их теперь носить, ты перед глазами, весёлый, счастливый... Прости, Серый, что не уберег тебя... и остальных...

Зашёл санитар. Подошёл и положил руку на плечо Азата.

– Пойдём, Хохол, помянем ребят.

В комнатке для санитаров плеснул в железные кружки спирта. Пили молча.

Азат вышел на улицу. Небо над Урус-Мартаном было ясным и по-весеннему ярко-голубым, пахло свежей травой и ароматом цветущих яблонь, будто не было никакой войны... словно ребята ещё живы.

На следующий день в новостях скажут, что в Урус-Мартановском районе провели зачистку, уничтожили группу боевиков, что со стороны российских солдат имелись небольшие потери...

– Сынок, идём домой. Я блинов напекла, шаньги твои любимые, чай свежий заварила.

Голос матери звучал словно издалека. Азат медленно поднялся со скамейки, вытряхнул пепельницу, устало огляделся вокруг и пошёл в сторону дома. Ему только предстояло привыкнуть к мирной жизни, не просыпаться по ночам в холодном ознобе от своего крика, снова научиться любить, прощать, научиться жить за себя и за своих ребят.

Алекс Росс

пос. Соловецкий, Архангельская область

СУДЬБА ПОЭТА

Я получил сообщение о том, что он, мой сердечный друг, нижегородский поэт Саня Зимин, отдал Богу душу. Я хотел написать «преставился», но думаю, так сказать было бы неверно. Санёк не готовился, ни на что не жаловался, был полон сил, как всегда, строил планы и даже горячо влюбился в молодую, недавно освободившуюся зэчку. Поэтому полная остановка жизни была для него полной же неожиданностью. Впрочем, и для меня это такая же неожиданность, так как я всегда считал его крепким и надеялся, что он будет жить, быть может, не так долго, как его пережившая войну и лихие девяностые мама — почти до ста, но хотя бы до преклонного возраста! Кроме того, он планировал ещё раз съездить со мной на Север, порыбачить и посидеть у костра на Филимоновском озере на Соловках...

Хотя, откровенно, жил он, родившись под знаком Скорпиона, экстремально, отдавался страсти полностью, и преграды ставили ему только возможности его довольно выносливого физического тела. Про себя в «Ночном шоссе» он писал: «Я, как участник большого ралли, восторгом объят от такого ощущения. Шоссе как крышка рояля блестит от лунного освещения... На крутых поворотах вытянет «си» не движок, а певец из «Ла Скала». Как сахар в кофе растаял массив, где часто меня ты ласкала... На скорости этой смыкает палитру с ночного экрана равнины, и встречные фары мелькают, как титры, перед новой, дразнящей картиной...» Мои друзья, красавчик москвич Лёха Фирсов, которому мама пророчила быть дипломатом, и с родительской подачи банкир по образованию Саша Федюкин из Вологды, считали его сумасшедшим. Я могу понять их, далёких от чистой поэзии людей, столкнувшихся с ним лишь по воле обстоятельств.

Для него, в отличие от них, без всякого преувеличения, главным всю жизнь была поэзия — красота и вес слова, а веделом — сердце поэта. В стихотворении «Рыцарь» он так и пишет: «Я — рыцарь поэзии. Вехой Считаю я каждый свой стих. Но ты не глядишь на доспехи Блестящих успехов моих...» Трезвый, расчётливый рассудок для него был предосудителен. Поэтому иногда он специально загонял себя как лошадь, чтобы, словно вены, вскрыть свой неприкосновенный запас. С тяжёлого похмелья, по его словам, ему особенно хотелось жить и писать. В этом его можно сравнить с йогом-тантристом, доводящим действие определённого искусства до полного абсурда. Таким образом он добивался выхода за рамки собственного рассудка к непредвзятому видению происходящего и себя самого со стороны. Возможно, это же желание уже в юности подвигло его приобрести редкий для того времени и дорогой немецкий фотоаппарат Praktica и затем кинокамеру, чтобы запечатлеть полные комизма человеческие причуды. Благо материал у него всегда был под рукой. Его отец, квалифицированный сварщик и народный умелец, по выходным перевоплощался, оттягиваясь дома на полную катушку. Бывало, упивался в хлам и передвигался по саду из своего хозблока с кролями и курами как ванька-встанька. И когда приземлялся на кучу компоста, неминуемо попадал по милости сына в кадр. Выказывая крохи выпавшего в осадок сознания, он протестующе колыхал потомкам рукой, не желая портить свою праотеческую репутацию. А сын заливисто смеялся, принимая всё это за Божественную комедию.

Дядя Валя, так звали отца, имел далёкие австрийские корни, был трудолюбив и по-своему предприимчив, но необразован. Эта самая не испорченная образованием простота и чтение мамой сказок сформировали у Саньки ничем не прикрытую любовь к человеку и к чудесному. В учёбе в школе он был небрежен, а к стихам пристрастен. В одном месте про себя он пишет: «Я родился в ласках русской речи». А в жизни он оказался смелым и даровитым. В советской армии, не желая служить медным котелком, несмотря на то,

что не имел никакого музыкального образования, вызвался в музыкальный взвод играть на трубе, и служба его прошла в радости, с песней. Потом на гражданке он мог виртуозно исполнить марш «Прощание славянки» на чём угодно.

Что ж, от музыки до поэзии один шаг. Соседом Саньки по казарме оказался москвич, тоже Сашка, ставший впоследствии настоятелем храма на Ваганьковском кладбище. Он и подсказал поэту идею лимиты. Поэтому после армии Санёк сразу же отправился в Москву, устроился рабочим на АЗЛК – Автомобильный завод имени Ленинского комсомола – и ходил на занятия в литературную студию. Но всё это было не то что недостаточно для него, а противоречило нраву и его вольнолюбивому духу. На заводе, по его рассказам, практиковалась унижительная стимуляция повышения производительности труда: лучшему рабочему в бригаде по итогам месяца выплачивалась премия – пять рублей, но даже и из-за такого мизера в коллективе царил круговая порука. Чтобы отличиться, товарищи бесстыдно клеветали друг на друга. Поэту эта зараза была влом, он спешил, искал подходящую литстудию, знакомился с литераторами и потихоньку прогуливал. День ото дня больше. Его уволили, из общежития выписали. Но он держался, жил нелегально, недоедал и пытался лично познакомиться с кумиром молодёжи тех лет, Андреем Андреевичем Вознесенским. Нашёл его адрес и вечера напролёт проводил в ожидании встречи у дома кумира. Вознесенский не появлялся.

Саня дошёл до такого состояния, что вынужден был обходить булочные. Их хлебный дух мучил его сознание и обострял голодные судороги. Однажды, скитаясь по улицам в ожидании вечера, он увидел перед собой хозяйственную сетку, набитую пышными батонами, которую нёс молодой человек, и не выдержал: «Парень, – вырвалось у него, – дай откусить!» Тот, оторопев, в недоумении протянул ему батон. Саня схватил его и с рычанием начал рвать зубами, захлёбываясь слюной. Парень ошалело смотрел, не веря своим глазам. В то время народ в стране голода не знал. И вот, уто-

лив первый порыв страсти, Саня заметил дикий, испуганный взгляд парня, застывшего в оцепенении. Тогда он стыдливо отвернулся и, остро ощущая себя библейским блудным сыном, быстро пошёл прочь. Столица стала для него западнёй, надо было бежать из неё от греха подальше.

И он вернулся домой на родину, в уютный зелёный городок на Волге, Кстово. На домашних харчах быстро отъелся, пришёл в себя и, как бывало, стал помимо основной работы сварщиком на стройке шабашить с отцом на многочисленных приусадебных и дачных участках земляков. Проводил газ, воду, много общался. Чувствовал волюшку, задор и писал.

Как у Волги у реки
Отдыхали бурлаки,
Всем невздадам в пику
Ели землянику.
На церквушку кстились,
За всю Русь молились,
А набравшись силы,
В дальний путь пустились.
И с тех пор на круче,
Где живется клёво,
Словно чудо-птица,
Появилось Кстово!

Тогда же он начал регулярно ходить на заседания литературного кружка при районной газете «Маяк», которые вёл фронтовик, журналист и поэт Фёдор Фёдорович Ларюшкин. Фёдор Фёдорович был намного старше участников, выглядел как добрый, умудрённый опытом оракул, поэтому сразу располагал к себе. А тембр его голоса и неспешная и мягкая, хорошо поставленная доверительная речь снимали привычную для незнакомых людей неловкость. Помнится, когда я в первый раз пришёл на заседание, он говорил, что писать

надо о выстраданном и пропускать всё через сердце и душу, что продумывать надо каждое слово, десятки раз, прежде чем вставить в строку. Цитировал «Облако в штанах» Маяковского: «...Прежде чем начнёт петься, долго ходят, размо-зOLEV от брожения, и тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения...» Заседания с ним проходили в атмосфере высокогорья. Вот в той атмосфере мы и познакомились с Сашкой.

Я в то время проходил срочную службу в кстовской учебке и, будучи освобождённым секретарём, из-за дел, связанных с организацией досуга солдат, сравнительно часто выходил в город. Саня выделялся из всех начинающих поэтов внешностью и живостью ума. Был чуть выше среднего роста, крепко сложен, с примечательными чертами. Скуластый, нос уточкой, волевой подбородок, живые карие глаза, каждый раз прищуривавшиеся при чтении стихов и постановке вопросов. Казалось, так он замечал ускользавшие от внимания других мелкие, но значительные детали. Кроме того, и стихи свои он читал особенно: складывал губы трубочкой, усы при этом топорщились, и, словно трубач, извлекал музыку, музыку слов, даря каждому слову поцелуй. Мне запомнился с той поры его «Июнь».

Душа на радуге сидит,
Над целым миром свесив ноги.
Вся жизнь как будто впереди,
И не видать конца дороги.

Под купол неба влез прогресс,
И уместился мир в пробирке.
А многолапый хвойный лес
Луной жонглирует, как в цирке.

Он вечно юн — не сед, как лунь,
Ввысь зелень прёт из сухостоя.
Прошёл июнь, на лето плюнь —
На это время золотое.

У меня тогда стихи не случались, я читал стихи своего друга, Виктора. Но сразу после первого заседания Саша пригласил меня в гости. Он жил у родителей на краю Кстово, в финском домике на две семьи. В саду у них росли абрикосы, слива, яблони и вишня, был огород, рдела клубника, потели парники, распространяли дух крестьянского хозяйства постройки с мелкой живностью. У отца там была и мастерская, где в свободное время он успевал плести из лыка пользовавшиеся большим спросом у местного населения лапти. Тётя Маруся, мама Сани, сидела дома. Меня приняли как родного, накормили свежим салатом из своих огурцов и помидоров, угостили спиртным, к которому оба мужика, мягко говоря, были равнодушны. Тут же это забавно подтвердилось. Раздобывшись, тётя Маруся сказала, чтобы Сашка, она всегда его так называла, принёс мне на пробу их хваленую брагу, которую они по обыкновению перед праздником навели в большой ванной. Чтобы особо не тратиться, к праздникам они всегда гнали самогон. Мне принесли полный ковшик, но брагой от него почти не пахло. Мужики как-то лукаво и бычась переглянулись. Оказалось, последние недели, не сдерживая себя, они ходили тайком друг от друга к ванне, пили брагу и доливали воду. В итоге на праздник им пришлось покупать водку!

К сожалению, пообщаться нам пришлось тогда недолго, Саньке нужны были перемены, свобода не давала ему покоя, пылкое воображение влекло за горизонт. И он собрался с каким-то своим корешем и его подругой-оторвой за романтикой и за длинным рублём на край света, аж в дальневосточную Находку. В надежде устроиться там на тральщик либо попасть на остров Шикотан на консервную фабрику. В такой компании это было чистой авантюрой. Путешествие их чуть не закончилось совсем далеко от цели. Оторва, её звали Симкой, разыгрывая очередную сцену ревности, выкинула в окно идущего по тайге на полной скорости поезда кошелёк с общими деньгами. Так что добрались они до Находки с большими приключениями. А там Симка сразу устроилась

на рыбацкое судно поварихой, и потом по Находке ходили слухи, что моряки выбросили её за стервозность в открытое море. Санёк же со своим злополучным корешем мыкался как бездомный по разным общагам и подрабатывал на подёнщине. Но из-за обильной выпивки, которой всегда заканчивались его многочисленные знакомства, так по-настоящему никуда и не устроился. Спасали стихи, родился цикл «Песни у моря». Вот одна из первых.

Рождаются новые строки,
В них моря дыханье и вой.
Держава на Дальнем Востоке
Глаза залила синевой.

Расплылся синяк небосвода,
И море уснуть не даёт.
Россия с засосом восхода
Прибойные песни поет.

В конце концов его кореш продолжил искать своё счастье на дальнем берегу, а он, намучившись, с полным тралом впечатлений, с мешком рукописей да с горем пополам вернулся домой в Кстово.

Дом стал его тихой и надежной гаванью. Там его ждали всегда. Там всё было просто, понятно и предсказуемо: его немалая Родина, откос на Волге, знакомая работа, выпивка, общение и творчество. Я к тому времени отслужил и уехал на Север, но связь между нами установилась постоянная. Мы обменивались письмами и открытками. Он периодически куролесил, бывал в Горьком, в Москве, но всегда возвращался в отчий дом. А я, устав от Севера, по весне начинал иногда мечтать о его хлебосольном доме и воображал, как мы паримся свежими берёзовыми веничками в домашней баньке, вываливаемся измождёнными в сад, я плюхаюсь в ванну с ледяной водой под вишней и лакоплюсь её сочными ягодами... И приезжал. Всё происходило как в мечтах, даже лучше.

Там было всё, разговоры о земном и о вечном, споры о любви и дружбе, свои стихи и кумиров. Жар порой поднимался такой, что, распоясавшись, мы переходили на настоящий кулачный бой. И опередили тем самым героев фильма «Бойцовский клуб», ведь он тогда ещё не был снят. Впрочем, в сравнении с утрированными боями Брэда Питта и Эдварда Нортона, дерущихся не взаправду, а по чужому замыслу и из-за бабла, наши бои проходили не для зрителей, поскольку были вызваны либо глубинным азартом генов пробудившихся в нас конкурирующих предков, либо для снятия негативного заряда, который, видимо, накапливался даже у таких добряков, какими мы были по жизни. Наши бои были полны тонкой бескровной эстетики и имели более сильный внешний эффект. Так, чего только стоил однажды после удара ногой мне в пах густой чёрно-фиолетовый цвет моей мошонки с чёткой границей по лобку! Да и мой ответный удар, из-за которого Сашка выломил дверную коробку с дверью и оглушённый оставался какое-то время лежать на ней, соображая, как мог образоваться такой безобразный пролом в стене в запертую комнату брата. Причём я с себя ответственность тогда полностью снял и к ремонту не прикоснулся.

А он позже написал в «Щекотке»:

...Еще я скукой не убит,
Но мною пройдены этапы,
И потому когтистый быт
Разжал безжалостные лапы.
И я эмоциям сдаюсь,
Пусть мне щекочет нервы драка.
И от щекотки вдрызг смеюсь,
Я над собой смеюсь, однако!

Ему очень понравилось, точнее, он был в полном восторге от того, как однажды в честной драке при свидетелях я жёстко уложил авторитета местных разборок, уважаемого

спортсменами школы известной на всю страну кстовской академии самбо. А случилось это в местном ресторане, когда мы с Сашкой решили «дозаправиться». Он указал мне на симпатичного парня, сидевшего в компании таких же крепких молодых людей за соседним столиком, и мне захотелось с ним познакомиться. Я решил, что повод есть, и заговорил непринуждённо с намерением в подходящий момент предложить выгодную сделку, но авторитету показалось, что я вёл себя фамильярно. Он тут же вместо сделки предложил выйти и получил согласие. У местных дуэли по такому поводу не были редкостью, поэтому сопровождались определённым ритуалом. С общего согласия и совершенно спокойно мы вышли из ресторана и завернули за угол, чтобы с улицы ничего не было видно. Друзья авторитета с моим поэтом демонстративно встали в сторонке, предоставив нам возможность без помех выяснить правоту. У меня в жизни в то время был период неудач, легко вызывавших во мне ярость, поэтому в тот вечер моим противником на самом деле был не мой случайный спарринг-партнёр, а проделки самой судьбы, и выхода у меня не было. Кроме того, за плечами у меня была школа игры в хоккей с шайбой и опыт серьёзного уличного драчуна, поэтому всё произошло молниеносно. Лежачего добивать я, конечно, не стал. За спиной же почувствовал недоумение, никто из присутствующих не ожидал такого исхода. Авторитет поднялся и уважительно пожал мне руку. Удивили и его друзья. Вместо того чтобы запинать нас, сил у них хватало, они все пожали нам с Сашкой дружески руки и с миром разошлись. После этого статус Сашки в определённых кстовских кругах укрепился и он жил в родном городе даже в лихие 90-е совершенно спокойно.

Бывало, что под градусом мы спонтанно срывались в ночь к какому-нибудь его другу-писателю или к поэтессе в Горький и нередко оказывались в совершенно нелепом положении. Результат, словно в лотерее, зависел от везения. Раньше мобильной связи не было, поэтому как-то зимой в холода, не застав адресата дома и зная, что в столь поздний час но-

чью транспорт не найти, мы поднялись на последний этаж высотки и читали стихи у батареи на межэтажной площадке. Я что-то из любимого Маяковского, потом Андрея Вознесенского: «Вьюга безъязыкая пела в Елабуге. Что ей померещилось? Скрытымным...» А он в строку свои стихи о зиме:

Мир слепнет в круговерти
И глохнет в шуме кутерьмы.
Но лишь союз любви и смерти
Нерасторжим у края тьмы.

В дожде серебряных волокон
Скрипит по улицам зима.
И в зеркала замёрзших окон
Природа смотрится сама.

Зима-старуха снегом пудрит
Своё недоброе лицо.
Потом метель в седые кудри
Вплетёт трамвайное кольцо.

Альянс любви и смерти — пылкий!
Прекрасна страсть у края тьмы.
Сосульки острые, как шпильки,
В косматых волосах зимы.

От зимней стужи стонут черти
И сходят медленно с ума.
Любовь и страсть до самой смерти
Хранит холодная зима.

Затем, помнится, допив остатки вина, мы перебрались повыше и, свернувшись клубками, заснули на ковриках у дверей незнакомых людей...

Кто-то может отнести это к акционизму, десятилетием позже появившемуся на свет в Ленинграде с художествен-

ными перформансами группы «Новые тупые», но это не так. Акционизм появился как постановочное сценическое явление, для публики, мы же ни для кого не играли, не отвлекались от сути проживания формальным изображением чего-то, мы жили, разом постигая объективизм и субъективизм. И, можно сказать, практиковали экзистенциализм в полевых условиях, а не в университетской аудитории. В университете программы продуманы старшими наставниками и студенты идут изведенными тропами логики, поглощая артикулированные идеи. Нам нужна была не теория, но практика преодоления собственной сущности и достижения предельной глубины эмоций. Наш опыт чем-то похож на опыт, описанный Анатодем Франсом в новелле «Валтасар». Там царица Савская, Балкис, с возлюбленным Вальтазаром, царём Эфиопии, тайком от стражи исчезают из дворца в одеянии нищих и пускаются в ночь, в гущу сброда, к крючникам, носильщикам и блудницам, чтобы пережить неизведанную опасность и быть захваченными таким страхом, от которого холодеет тело и шевелятся волосы на голове...

По словам Мирдада, героя книги Михаила Наими: «Логика — всего лишь костыль для инвалида. Для быстрого — обуза, для летающего — неподъёмный груз. Логика — незрелость, сплетающая сеть из паутины, чтобы поймать бегемота знаний». Польза от логики лишь в том, чтобы, отбросив её, прийти к вере. Мы остро чуяли тогда дух Маяковского и были полны веры, что сами «держим в своей пятерне миров приводные ремни!» Наверное, человеку, сориентированному на рынок, понять это сегодня трудно. Но это и происходило не сегодня, и даже не вчера. Время было другое, шла перестройка, близились лихие годы, и наша карусель на дереве добра и зла была прививкой к грядущим испытаниям. Это мистика, но испытание не заставило себя долго ждать.

Когда я в очередной раз, погостив на Волге, собрался к себе на Белое море, то бишь на Соловки, где занимался реставрацией памятников истории и культуры, поехал со мной туда и Саша. Ему вновь захотелось приключений, в этот раз

его влекли уже не деньги, а северное сияние и легендарные острова — место высокой святости и запредельного порока. Но там ему помимо светлых откровений пришлось пройти и серьёзные испытания. Известно, что на Соловках ничего случайного не бывает и даже паломники, прибывающие туда на короткий срок, и те обязательно получают внушительные уроки на месте либо в пути туда или обратно. Тут я должен объяснить.

У Сашки всю жизнь каким-то мистическим образом и самым невероятным макаром, казалось, совсем несвойственными его социальному положению и среде, в которой он воспитывался и жил, появлялись какие-то необычные знакомые и очень ценные антикварные предметы. То вдруг его другом оказывался родственник того самого всемирно известного Штрауса, то он носился с невесть откуда взявшейся бесценной средневековой иконой, а в Архангельск он привёз старинный палисандровый крест с резным распятием тонкой работы и захотел его продать. Для оценки мы побывали у моей хорошей знакомой, знатока древнерусского искусства, известного на Севере краеведа и учёного с мировым именем, Ксении Петровны Гемп. Она благосклонно приняла нас у себя дома и без труда определила, что крест изготовлен на Афоне в конце XVIII — начале XIX века. После этого, несмотря на то, что собирался в святое место, Сашка продал крест, можно сказать, за бесценок — за двадцать пять рублей в местный художественный музей. Связано ли с этим то, что произошло потом, не знаю.

Как раз тогда на нашем недостаточно оснащённом техникой реставрационном участке из-за большого объёма завалов в Просфорном и Прачечном корпусах, да и из-за подсобных работ вообще, возникла острая необходимость в неквалифицированной рабочей силе. Дело осложнялось тем, что при дефиците рабочих рук на самом острове попасть туда в советское время можно было только по приглашению и процедура выдачи разрешения занимала не один день. В итоге приезжали туда только туристы

в организованных группах либо энтузиасты. Поэтому мне пришлось исхитриться. Я договорился со своим другом из Архангельска, кстати, тем самым поэтом, Виктором, подыскать мне в городе тридцать пять мужиков, которые из-за своего криминального прошлого не могут устроиться на работу и готовы работать в суровых условиях. Виктор собрал-таки и привёз эту «бригаду» прямо в аэропорт, и я, как десантников, забросил их с Сашкой спецрейсом на остров, где их встретили и расселили в более-менее приспособленном для проживания Святительском корпусе монастыря. Мне самому надо было ещё на какое-то время задержаться в Архангельске, чтобы отправить на участок необходимые стройматериалы морем. Мастеру на участке я, разумеется, передал, что Зимин мой товарищ и его тоже надо включить в рабочий процесс. Насколько были опасны некоторые из вновь нанятых мной людей, я не отдавал себе отчёт. А ведь среди них были не только простые люди с судьбами, над которыми поглумилась система, но и два внешне совсем тихих человека — рецидивиста, отсидевших в тюрьме за убийства по тридцать и более лет.

Спустя неделю, по прилёте на остров, я заметил своего поэта издаека, через арку Никольских ворот монастыря. Он, словно нищий на паперти, понуро сидел на толстых гранитных ступенях крыльца у Чоботной палаты. Когда я подошёл, по его щекам скатились две крупные слезинки. Каким-то выболевшим, что ли, тихим и ласковым голосом с паузами, словно не веря в случившееся, он негромко повторял: «Меня били... понимаешь? Меня били...» Мы обнялись. Оказалось, мужики, с которыми он прилетел и начал работать, очень крепко наказали его за то, что, будучи дежурным по кухне, он пропил хлебные деньги и весь день неизвестно где пропал. Думаю, он понимал, что, если бы они не знали, что он друг начальника, ему досталось бы намного больше. Но меня удивило, что у него не было и капли злости на обидчиков, и он не послал ни одного свирепого проклятия в их адрес, более того, потом никогда в жизни не упомянул об этом случае.

А мне тогда вспомнились сказанные по такому же поводу слова Сергея Есенина, которые приводит в своих воспоминаниях в книге «Алмазный мой венец» хитрый и, по мнению Асеева, коварный Валентин Катаев: «А меня ещё потом били маляры!» Волю же слезам Саша дал, так как расслабился, дождавшись меня.

В тот вечер мы на радости выпили в его комнате, раздурарились и учинили привычное побоище. Причём в широком коридоре того самого древнего Святительского корпуса. Чем, кстати, вызвали ужас у постоянных жильцов и командированных из Москвы реставраторов-проектировщиков. Начальник дрался с каким-то приезжим бичом.

Потом какое-то время, когда я возвращался на остров из ежемесячных командировок с отчётами, он приходил ко мне в квартиру. Наш 12-квартирный дом из силикатного кирпича был холодный, строила его бригада армян-шабашников под руководством некоего Валеры Погосяна. Люди говорили, что стены дома внутри они оставили полыми. Поэтому по дороге ко мне Сашка всегда прихватывал где-то увесистую сосновую чурку, колол её у сарая, живо заносил поленья в дом и сразу затапливал прожорливые печи. Мы ужинали, а потом весь вечер чаёвничали. Он обыкновенно сидел на табуреточке у приоткрытой печной дверцы, замороженно смотрел на огонь и фурчал из большой кружки свой чай без сахара. Сахар отбивает вкус, говорил он. Кстати, он никогда не курил, аппетит же имел зверский и готовил сам, с удовольствием. Один раз он попробовал пожить в квартире один, но ему не понравилось и он основался в тёплой монастырской келье, и даже реже стал приходить, когда я приезжал. Слава Богу, он вовремя перешёл в бригаду к местным жителям. Так как уголовники одному доброму человеку из своей бригады за послушание, за то, что утаил заработанные на стороне деньги и не сдал в общак, «качнули» грудь, а другого четвертовали и разнесли части тела по всему южному дворику монастыря. Остров тогда пребывал в оцепенении. Возможно, это была жестокая, прорвавшаяся в самом

тонком месте месть нечистых духов, вынужденных поневоле трудиться во славу Божью на разборке завалов, оставленных ГУЛАГом. Так, как в своё время они трудились по молитвам святых отцов на возведении неприступных монастырских стен из гигантских валунов. Однако вскоре пришла благодатная весна и вновь подарила селянам надежду.

Сашка быстро привык к неудобствам и пребывал в бодром состоянии духа. Его занимал местный колорит, местные харизматичные жители и бичи, съезжавшиеся со всей страны, занимали часто меняющиеся состояния погоды и моря, да и сама, совершенно уникальная для приполярных мест, природа Соловков. Причём ему не нравилось работать в замкнутом пространстве, а нужен был простор небес, живой лес и меняющаяся, как пульс, линия горизонта. Поэтому он с удовольствием соглашался на любую работу вне стен монастыря. Катался в кузове ГАЗ-66, разгружал ПТС со стройматериалами, ездил за песком или за глиной в карьер, исполнял какие-то мелкие поручения. Как-то один сходил за пятнадцать километров на остров Большая Муксалма за морошкой для командированной на участок главбухши мастерской. По возвращении расписывал мне красоты приполярной тундры, восторгался монастырской дамбой между островами и прочитал родившееся в пути четверостишие «Сельская дорога».

Простая, без тайного смысла,
С такой не захочешь, но скажешь:
«Веди...»
Заплакана вся, от грязи раскисла,
Как проститутка на исповеди.

В это же примерно время он начал писать цикл «Времена года» и при встречах обязательно читал что-нибудь новое. Дни шли один за другим, всё стало выглядеть более чем стабильно. Но душа поэта не выдержала монотонности будней, и он, воспользовавшись случаем, учудил. Случилось это,

когда в гости из Архангельска прикатил ещё один поэт, тот самый Витя. Появление его совпало с приездом на остров какого-то замминистра. Мне надо было поучаствовать в организации приёма высокопоставленного лица, и я, занятый на производстве в летнюю пору больше обычного, отправил поэтов с необходимыми вещами на ГАЗ-66 в помощь, рассчитывая появиться у них позже. Мои друзья были в полном восторге, так как замминистра принимали в Исааковской пустыни на живописном берегу озера Лесное, откуда открывается великолепный вид на Секирную гору с Вознесенским скитом. Вид этот был запечатлён в своё время ещё Михаилом Нестеровым. В общем, это была тихая, хорошо обустроенная база отдыха 1-го Автотранспортного предприятия города Архангельска. Хозяйством там заведовал сердобольный ветеран профсоюза, дядя Саша Костин. Всё хозяйство у него содержалось в полном порядке, двухэтажный келейный корпус с чистым бельём в уютных комнатках для приезжих, небольшая, отдельно стоящая столовая и у самой кромки воды удобная рубленая баня с причалом для купания и с весёлыми лодками для прогулок и рыбалки. Рыбы в Лесном озере водилось немерено. То есть Исааково представляло собой настоящее райское местечко, где было за честь вкусить удовольствий человеку любого ранга.

Возможности реставрационного участка позволяли по мелочам помогать небольшим хозяйствам вроде этой базы отдыха. Впрочем, взаимопомощь на острове и вообще была обыкновенным делом. И поскольку отношения с дядей Сашей у меня строились на полном доверии, то и к посланцам моим он отнёсся как к своим. А они, почуввав волю, легко и гармонично сошлись со столичными гостями. Поэтому, когда я приехал, там царил полное взаимопонимание, гостей, образно говоря, можно было брать голыми руками. Стол ломился от закусок, а количество непечатых бутылок «Столичной», предусмотрительно охлаждавшихся в приямке у причала в воде озера, с первого взгляда невозможно было даже посчитать. Было видно, что выпито немало,

поскольку чинов уже никто не разбирал. Садилось солнце, по зеркальной глади озера скользил молодой месяц, Сашка по-своему, чуть подвывая, читал стихи «Вера, Надежда, Любовь»:

Улыбчивый месяц над крышей.
Мы вместе с тобой наконец,
И чётко Вселенная слышит
Биение наших сердец.

Дрожат в напряжении звёзды,
Дрожит на травинке роса.
А души, не свившие гнёзда,
С надеждой глядят в небеса.

Равнины в молчании строгом,
Как в скорби святая родня.
Лишь люди, забывшие Бога,
Во тьме не увидят огня.

Мы будем хранить ещё строже
Вместилище русских красот.
Надежда в дороге поможет,
И вера, конечно, спасёт.

Сольются в любви наши души
Надёжнее брачных колец.
И будет Вселенная слушать
Биение наших сердец.

Речь шла в основном о русской литературе и поэзии. Поэты читали стихи по очереди. Дяди Саши не было. Он сделал своё дело и, по обыкновению, отдыхал. Вскоре и гости, довольные банькой и нисшедшей на них благодатью, угомонились. Я с ребятами ещё попарился и перед рассветом испулся. После этого притомился и ушёл в приготовленную

для нас комнату, а они, пребывая на взводе, чудили дальше. Я не знаю, что они делали. Только чуть позже утренняя зашла в дом и их, но, поскольку ориентиры ими были нарушены, они застряли в общей гостиной. Сдёрнули там с окон дорогие шторы и, укрывшись ими, какое-то время валялись одетыми на диванах. Видимо, размеренная жизнь на острове Сашке показалась удавкой на шее, и он полностью отпустил вожжи. Так, отогревшись, они решили ударить пробегом автомобиля дяди Саши по формализму и сельской дороге. Но далеко, слава Богу, не уехали, их остановили девственные соловецкие заросли. Дядя Саша пережил это событие как потерю девственности. Всё, что угодно, но такого – у себя, да ещё от моих товарищей он «ну никак даже и вообразить себе не мог!» Потом ещё долго при встречах в посёлке я избегал его укоризненного взгляда.

Сразу после отъезда Вити Сашка заговорил о романтике путешествий, о красивых больших белых теплоходах, привозивших беспечных туристов на Соловки, завспоминал родные края, свой обрыв на Волге, засобирался и уехал. И словно в воду канул.

Я же оставался на Соловках до тех пор, пока остров не посетил Тихвинский Свет и его сын, Игорь, не снял с монастырской колокольни водружённую ГУЛАГом ненавистную верующим пятиконечную звезду. На Соловках всё без исключения полно смысла и имеет космические последствия. Так и в тот раз – мир буквально сошёл с ума, советская власть, словно лишённая соловецкого символа, рассыпалась, упал железный занавес, за ним рухнула и Берлинская стена. Лихие 90-е сделали многих невменяемыми. Меня Бог миловал, я вовремя остепенился и колесил по стране с благородной миссией, восстанавливал храмы и памятники культуры на Урале, в Калининграде и в Москве. В конце концов перебрался за рубежи Отечества и начал бродить по всему белу свету. Сашка из-за своего знака Зодиака какое-то время оставался верен экстриму, как-то успел жениться и развестись, попробовал с корешами заниматься торговлей, печатным бизнесом,

фотографией. Получалось бойко. Однако в какой-то момент обстоятельства вынудили и его сделать выбор между наживой и поэзией. Он, разумеется, предпочёл музу.

...Шоколадные ночи минули,
Начинается праздник не наш,
Где на рынке жужжащем, как улей,
Вакханалия диких продаж.
Где людей обобрали до нитки
И страну повернули вверх дном,
Как и прежде, растут маргаритки
Под твоим невысоким окном...

Отыскал он меня спустя несколько лет через мою маму. Мы вновь стали обмениваться письмами. Его письма со стихами находили меня на Крайнем Севере, в Европе и за океаном. Он зазывал меня к себе, хвалился поэтическим календарём, что подготовил к печати семь своих книжек, что в нём открылся ещё один талант, он рисует иронические сюжеты и делает коллажи, рассказывал о своих выступлениях в городских библиотеках и клубах, присылал публикации, предлагал размещать мои эссе в местных СМИ и мечтал о большом совместном проекте. Я пару раз заглядывал к нему. Это было незабываемо.

В первый раз оказалось, что он живёт в Старом Кстово у своей Маргариты! Она работала библиотекарем. Автобус туда ходил с большими интервалами, поэтому добирались мы на перекладных, потом петляли среди редких ветхих построек, среди древних пожарных водоёмов, пересекали заросшие сорной травой пустыри и непонятно откуда взявшиеся залежи древесных опилок и остатков мусорного хлама. Это был старый двенадцатиквартирный дом, никогда не видавший ремонта. Весь облупившийся, словно прокажённый в струпьях, он стоял среди огромных тополей на высоком цоколе как памятник ушедшей эпохе. Сашка сказал, что откроет изнутри, так как утерял ключ и привык вползать в квар-

тиру через форточку. Это было невероятное зрелище, его ловкости мог позавидовать киношный Человек-паук.

В большой квартире было пусто и холодно. Маргарита отсутствовала. Кроме вороха рукописей на круглом обеденном столе и на старом комоде, ничего напоминающего домашний очаг в памяти не осталось. Остаться там у меня не было никакого желания, и мы уехали домой, под крыло к тётке Марусе. Дядя Валя, никогда не считавшийся со своими инфарктами, этот мир тогда уже покинул, и клетки для домашней живности пустовали, а всё остальное оставалось по-прежнему, и сад с огородом, и дом с банькой. Помнится, я удивился, опять увидев в комнате у Сашки ворохи рукописей и черновиков. На что он гордо ответил: «А что ты думаешь, а?!» — и, прищуривая по-своему глаза, прочитал строчки из своего стихотворения «Вечерний час».

...Я Божьей милостью художник,
Мой путь к гармонии далёк.
Успех мне, словно подорожник,
На душу раненую лёг.

В другой приезд я встретил его недалеко от родительского дома. С домашним веником и двумя большими оцинкованными вёдрами он направлялся на огороды, собираясь уничтожить одолевавших картошку колорадских жуков. Он с сарказмом костерил на чём свет стоит и колорадов, и забросивших их в Европу американских союзничков. Бурные чувства к Маргарите у него иссякали, и он переехал опять домой, к маме. И хотя вышел на пенсию, денег не хватало, так как пенсия была мизерной. Чтобы выжить, сажал картошку на участке за посёлком и периодически разгружал вагоны на городской продовольственной базе. Радость принесли ему простые вещи. А сад у дома, улица Монтажников, картины неба да горизонт с солнечными восходами и закатами стали постоянным источником его вдохновения. Пронзительные философские откровения с этих пор появляются

в его стихах и ленивым полднем рядом с пчёлами-непоседами и пасущимися коровами, и в вечерний час, когда «Углы домов, как колуны, тупые и без вдохновенья...» И, словно пятидесятый псалом царя Давида, у него случается стихотворение «Гроза № 50»:

Сверкают молнии, как ляжки,
По голубым разводам луж.
И ветер в клочья, как рубашку,
Рвёт тучу, точно пьяный муж.

Играет тьма со светом в прятки.
А гром горластый сам не свой.
Сверкают вспышки, словно пятки,
За убегающей грозой.

Гроза, как жёнушка от мужа,
Бежит, куда глаза глядят.
Но засияло солнце в лужах,
В семействе вновь покой и лад...

В последнее десятилетие, за исключением нескольких коротких встреч вне Кстово, мы общались только по телефону. Компьютер по-хорошему он не освоил и использовал как печатную машинку. Связь через Интернет оставалась для него непреодолимым препятствием. Он всё обещал мне пригласить к себе какого-то знакомого, чтобы установить скайп, но так, видимо, и не собрался. В кои-то веки у него появилась дочь, уже взрослая. Юля. Оказалось, ушла от него в своё время сама жена и он приезжал к ней в Нефтекамск, когда родилась дочь. И потом ещё не один раз. Тёща всегда высмеивала его уже с порога и встречала словами: «Явился, не запылится». А потом всё твердила: «Зять, нехер взять». Он же оставался верен себе, созванивался, и как только узнал, что дочь мешает матери устроить свою жизнь, позвал к себе. Вначале Юля хотела только познакомиться, но он ей

пришёлся по душе, и она осталась у него жить. Появление её ему самому не то что не помешало, а даже помогло изжить невольный комплекс и проявить отцовскую любовь. Им втроем под одной крышей зажилось замечательно. Тётя Маруся вела домашнее хозяйство, Саша занимался огородом, Юля осваивалась на новом месте. По вечерам они собирались у голубого экрана телевизора, смотрели и обсуждали новости. И всё стало у поэта как у всех людей. К тому же стал приходить успех, Сашу принимают в Союз писателей, он участвует во Всесоюзном фестивале «Русский смех», в различных конкурсах. В одном письме ко мне иронизирует: «... Призёром хочется быть, но этого мало и не от меня зависит выбор. Подобная суэта скрашивает мне провинциальную жизнь и не даёт сдохнуть от скуки или от смеха...» Его стихи публикуют в поэтических сборниках, в одно время он даже пробует себя в Драматическом театре в Нижнем Новгороде. И творит с удвоенной силой. Ему пишется легко, иногда ночи напролёт. Мысль его становится острой, в иных строчках блестит, как лезвие меча самурая.

...В коридорах власти меняют обои.
Все ждут, куда же качнутся качели.
Всё больше барабанного боя,
Всё меньше скрипок и виолончелей.

...Правды хлебнув соловейкой,
Поздравляю всех с рынком, с победой.
Я родился при власти Советской,
А умру при какой, не ведаю.

Он изобретает Ма-Му – машину мыслящую, из которой, как из рога изобилия, сыплются сверкающие юмором безжалостные хохмы: «Тоталитарная душеловка», «Революционный курятник», «Эсэсэрцы и ка пе эсэсовцы», «Оккупация азбуки», «Гигиеновые собаки», «Шиши», «Костоломовская архитектура». Под грифом «Совершенно секретно»

он пишет «Принципиальный план захвата инфопространства», где есть такие вот строчки:

Время тикает тик-так
Каждой минутой проплаченной,
Поэтому телик — как мусорный бак,
Набит он всякою всячиной.

Всё идёт ровно, устоявшийся быт, плодотворное общение с коллегами, хождение по редакциям, публикации и выступления. Даже привычные запои становятся всё короче и короче, а периоды трезвой активности всё длинней. Он весел и постоянно напевает, то с пафосом: «Волга, Волга — мать родная...» — то изображая неизбывную тоску: «Только мы с конём по полю идём...» Он щедр и без расчёта делится всем, чем может. Однако остро чувствует, что яркие политические хохмы лишь на время заменили ему исчерпанную до дна любовь к Маргарите, и пишет:

...Не уйти от высоких эмоций,
Без любви человек словно тля.
Не с того ли у ног моих трётся,
Как собачка, планета Земля.

Поэтому, как только знакомится с откинувшейся из зоны зэчкой по кличке Шухер, расчихивает её самобытность и сочную, не утолнённую в зоне женскую самость, влюбляется по уши. Зовут зэчку Зинкой, она якобы смотрящая за щипачами и сдаёт бабло в общак. Но это его не смущает, он уже большой дядя. Ему как раз нравится то, как она иллюстрирует свой богатый уголовный опыт и даёт, можно сказать, в упор рассматривать ценности совершенно незнакомого ему мира. Это действует магически и вызывает у него мальчишечий задор. А тёте Марусе, наоборот, присутствие зэчки претит. Она ругается. Не нравится зэчка и Юле. Они вместе пытаются помешать парочке. Но Саша неумолим,

и Зина то и дело остаётся у него ночевать. В итоге история их отношений чем-то напоминает отношения вологодского поэта Николая Рубцова со своей, удушившей его по пьянке, пассией.

Отношения Саши с Зинкой Шухером, то есть светлого лирика с уголовницей, более чем серьёзные. Они оба уже в определённом возрасте и хорошо отдают себе отчёт в том, что происходит. Она от жизни ничего не ждёт, ей бы только выпить да побалдеть, поэтому от него ничего не требует. А ему кажется, что в ней нет никакой фальши, что она такая, какая есть, естественная и спонтанная, и это редкость. Но если в трезвом состоянии между ними царит мир и согласие, то во время выпивок вскрываются глубинные ценностные противоречия и они скандалят. Случайно ли, на почве ли этих борений, интуиция подсказывает, что неспроста, в это время он особенно занят мотивами Первой мировой войны. Касаясь этой темы, он воспаляется. В одном месте пишет:

...В тишине где-то брешет собака,
Тихо время идёт, без затей.
Но уже я не вырвусь, однако,
Из страстей, как из острых когтей.

Как они приходят к перемирию, можно легко догадаться. Легко можно понять и то, почему, когда Юля переехала, а тётя Маруся слегла, они оба за ней ухаживают. Но длится это недолго, и после смерти тёти Маруси Зинка живёт у него, они выпивают чаще, вместе и по очереди. У Зинки полно специфических связей, поэтому в доме не переводится дешёвая самопальная водка или самогон. Бывает так, что до пенсии его ещё далеко, а еды купить не на что. Из запоев он выкарабкивается с трудом, подняться не может по несколько дней. У него появляется предчувствие скорого исхода, он понимает почему, но продолжает жертвовать собой...

Орлино сдвинув свои брови,
Готов я к трудности любой,
Когда иду на запах крови
И надо жертвовать собой.

От жертвы в общем нет вреда,
Но жертва всё-таки опасна.
И только женственность всегда
Непобедима и прекрасна.

Из ничего опять возникла
Любовь бодрящую весной.
Она запахла земляникой,
Кровавой ягодой лесной.

И пусть подорвано здоровье,
Я всё равно вступаю в бой,
Когда вдруг чую запах крови
И надо жертвовать собой.

В конце концов, промыв песок дней своих, как старатель в суровых условиях, и уложив свои драгоценные чувства и мудрые мысли в два поэтических сборника, «Чаши полушарий» и «Любовь и цветы» да приложив к ним несколько самородков поэм, он просто-напросто остывает, зэчка лежит с ним сутки, но согреть не может...

Придя в себя спустя несколько месяцев, я думаю о том, насколько же быстро происходят крутые перемены в нашей жизни! Ведь ещё совсем недавно в письмах ко мне он сокрушался о нереализованных желаниях. «Планы ещё в зачаточном состоянии, но я вижу грандиозные перспективы, — пишет он мне. — Ибо, как говорил Бендер, Нью-Кстово хочет быть центром вселенной, как и любой микроб на свалке истории...» И далее: «На собственной биографии убеждаюсь в нелюбви граждан к выскочкам в ярких перьях. Но сие терпимо, пока есть целеустремлённость и живёт во мне весёлый

человек...» Он предлагал объединить мою книгу «Русский дом» со своим циклом «Времена года». И терпеливо ждал.

Только сейчас я по-настоящему понимаю, что ждал он меня всю жизнь. В отличие от меня у него всегда находилось для меня время, он ничего от меня не скрывал, всегда был предельно открыт, и ему абсолютно ничего не было жалко для меня. Это необъяснимо. Ведь мы никогда не клялись в верности, ни о чём не договаривались, ничего не обещали друг другу. Нам хватало простой сопричастности. Узы были настолько крепки, что на них не действовало ни наше положение, ни время, ни расстояния, ни даже моя мама и друзья, относившиеся к нему с иронией. Он доверялся мне, как ребёнок. Например, я ему звонил и говорил, встречаемся в Нижнем тогда-то, поедем в Семёнов, — и он появлялся. Или общал, что встречаемся такого-то в Москве, только чур, быть трезвым! И он появлялся в назначенный час на Павелецком абсолютно трезвый, сияющий, с ворохом стихов и эмоций. Однажды он полдня сидел на лестнице у Дворца молодёжи на Фрунзенской в Москве, ждал, так как я не мог его взять с собой к товарищу, незнакомому ему. Сейчас я не помню ничего конкретного, что такого важного решил тогда у товарища, но помню жару того дня и дремлющего на ступенях дворца Сашку. И такие случаи то и дело всплывают в моей памяти, цепляя за живое. Так и в Семёнове я оставил его ждать за воротами фабрики «Хохломская роспись», чтобы он не помешал во время интервью с художественным экспертом предприятия. Не забыть мне и то, как он, провожая меня в путешествие по Волге на туристическом теплоходе, в момент отхода судна страстно захотел остаться на борту. Я уверен, что, если бы он остался, был бы серьёзный скандал, но сейчас мне стыдно за то, что я уговорил его сойти на берег. Ведь сам он так никогда в жизни и не испытал замечательное чувство свободы отпускника, пусть и временно отправляющегося в далёкое путешествие на белом комфортабельном теплоходе, когда за всё заплачено, всё за тебя

организовано и ни о чём заботиться не надо. Просто он не думал о таких вещах никогда...

Теперь уже не будут приходить от него бодрые поэтические письма, не будет неожиданных звонков с городской почты в Кстово, не будет сердиться на него моя мама... и остаётся, забившись подальше от всех, читать его письма и рукописи.

Вот беру я в руки его ветхие, пожелтевшие от времени листки, смотрю на ошибки старой печатной машинки с западающими клавишами, где вместо заглавной «А» стоит «Л», вместо маленькой «а» — «з» и другие «шутки» нужды, на его быструю руку с колкими буквами в горбатых строчках поправок, и происходит чудо, моя душа оживает. Мне кажется, является он. Только почему-то каждый раз наворачивается слеза...

Независимое ожидание

Независимо от мя, независимо,
Но истина в этом, хоть тресни.
Стали песни мои как письма...
Стали письма мои как песни.

Я теперь оживляюсь весьма,
Когда слышу почтовую песню.
Но так долго я жду письма,
Что покрылся поэтической плесенью.

Я от всех, пожалуй, независим
И могу лететь хоть в Боготу.
Только без твоих коротких писем
Мне, дружок, совсем невмоготу!

Надежда Соловьёва

г. Луховицы, Московская область

ЧАЙ С ЖАСМИНОМ

Посв. дорогой бабушке Нине Ивановне

4 июня 2019 г. С любовью...

— Чувствуешь, какой запах?

Мы неспешно подходим к высокому кусту. Его ветви с продолговатыми листьями усыпаны белыми цветами. Серёдочка у них жёлтая и пушистая, словно цыплячья. Сильный, густой аромат витает в воздухе.

— Это жасмин, — говорит бабушка. «Приёмная», как в полушутку-полусерьёз называет она себя. Родными не всегда рождаются, часто ими становятся. И эти узы порой крепче кровных.

— Его можно добавлять в чай, — продолжает она. — Давай тебе нарву, — предлагает, улыбаясь.

Глаза бабушки светятся теплом и любовью. Кажется, даже каждая морщинка наполнена добротой. Как можно отказать?

Несколько веточек жасмина складываются в небольшой букетик. Аромат — головокружительный. Он словно уносит в мир чувств, дарит спокойствие и равновесие. Не зря жасмин называют «королём запахов».

— Заваривать его просто, — рассказывает бабушка. — Делаешь обычный чай, а в него добавляешь лепестки жасмина. Можно свежие положить, а можно — засушенные. И так, и так получается ароматно!

Мягко обняв добрыми руками, бабушка провожает до калитки.

— Береги себя!

Её тёплая улыбка греет долго. Особенно тёмными вечерами, когда над домом загораются звёзды. Тогда закипает вода в чайнике. Щепотка чая. Щепотка белых лепестков. Тихое позвякивание ложечки о тонкий край изящной чашечки — фарфоровой, с золотистой каёмочкой. У неё своя история...

Сильный, густой аромат цветов витает в воздухе. Если закрыть глаза, легко представить, что мы с бабушкой снова в летнем саду. И, как прежде, она, улыбаясь, мягко говорит: «Сейчас нарву для тебя жасмина».

СОДЕРЖАНИЕ

Марина Красавина	4
Светлана Маланко	21
Денис Минаев	26
Петр Панасейко	40
Гузель Рахматуллина	195
Алекс Росс	216
Надежда Соловьёва	243

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ

Сборник произведений

Редколлегия:

С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, В.В. Зиновьев

Составитель: В.В. Зиновьев

Дизайн обложки: А.А. Минаева

Корректор: А.Е. Русских

Компьютерная вёрстка: А.А. Минаева

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 10.03.2020

Формат 60x90/16. Бум. офс. 80 г/м².

Печать цифровая. Объём 13 усл. п/л.

Гарнитура AdonisC.

Тираж 350 экз. Заказ № 151572

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 30

www.t8print.ru

